

ЗАГУЛ

Олег Зайончковский

Финалист
премии
«Русский
Букер»

Олег Зайончковский

ЗАГУЛ

Олег
Зайончковский

ЗАГУЛ

Роман

Москва
АСТ
Астрель

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
312

Художник Ирина Сальникова

Зайончковский, О.В.

312 Загул : роман / Олег Зайончковский. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 219, [5] с.

ISBN 978-5-17-071034-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-32113-9 (ООО «Издательство Астрель»)

Олег Зайончковский – автор романов «Сергеи и городок» (шорт-лист премий «РУССКИЙ БУКЕР» и «НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР»), «Петрович», «Счастье возможно» (шорт-лист премий «РУССКИЙ БУКЕР» и «БОЛЬШАЯ КНИГА»). Персонажи Зайончковского – простаки и плуты одновременно – вызывают неизменную симпатию и у читателей, и у критиков.

Герой романа – Нефедов – отменный муж и семьянин, поссорившись с женой, уходит из дома, то есть в загул. Не вполне трезвый, выбитый из привычной колеи, он против собственной воли становится главным действующим лицом необыкновенных и опасных приключений, связанных с пропавшей рукописью знаменитого русского писателя Почечуева. Нефедов не только спасает для Отечества культурную ценность, но и сам возвращается в лоно семьи.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 17.10.10. Формат 84х108/32.

Усл. печ. л. 12. Тираж 5000 экз. Заказ № 1.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.01228.10.09 от 20.10.2009 г.

ISBN 978-5-17-071034-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-32113-9 (ООО «Издательство Астрель»)

© Зайончковский О.В.

© ООО «Издательство Астрель»

Оглавление

Часть первая

ВЕСНА	7
ВАГОНЧИК	23
ВЕЧЕРОМ НА СТАДИОНЕ	26
ВАГОНЧИК (продолжение)	27
ОТБИВНАЯ НА УЖИН	30
ДЕНЬ В МУЗЕЕ	32
ОТБИВНАЯ НА УЖИН (продолжение)	40
ДЕНЬ В МУЗЕЕ (продолжение)	41
ОТБИВНАЯ НА УЖИН (продолжение-2)	46
СВИДАНИЕ НА МОРОЗЕ	47
ОТБИВНАЯ НА УЖИН (продолжение-3)	48
ВИНА ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ	49
МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ	51
ВИНА ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ (продолжение)	55

Часть вторая

УЛИЦА СЛУЧАЙНАЯ	57
ШЕЛАПУТИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК	65
ЭЛЕКТРОПОЕЗД НА МОСКВУ	75
ШЕЛАПУТИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК (продолжение)	76
ДЯДИНА КВАРТИРА	84
ПРОФСОЮЗНАЯ КОМАНДИРОВКА	89
БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ	95
УТРО СЮРПРИЗОВ	99

Часть третья

КУДА ГЛАЗА ГЛЯДЯТ	103
НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА	109
«ПРОВОЗВЕСТИЕ» ПОЧЕЧУЕВА	115
СОВЕТСКИЙ ОТДЕЛ	118
«ПРОВОЗВЕСТИЕ» (продолжение)	123
ДИПЛОМ	127
ПРОФЕССОР ИЗ ГАННОВЕРА	137

Часть четвертая

ПУЛЬМОНОЛОГИЯ	145
РУКОПИСЬ В ОПАСНОСТИ	150
ЕЛОЧКА	158
ЗАДЕРЖАНИЕ	165
ХИНКАЛИ	169
ВОКЗАЛ	182

Часть пятая

ЭПИЛОГ	221
--------------	-----

Часть первая

ВЕСНА

Грачи в этом году прибыли по расписанию и, как обычно, сразу же по прилете взялись за дело. Бодро перекаркиваясь, они принялись похаживать да попрыгивать меж нечистыми застарелыми сугробами и совать свои носы повсюду, куда только могли. Грачи принесли с собой дух деловитого оптимизма: глядя на них, можно было подумать, что вот с их появлением дела в природе пойдут, наконец, на лад. Но получилось иначе. Наплевавши на грачей и на прочие разные приметы, зима взяла и опять воротилась. Словно опостылевшая гостья, с которой успели уже попрощаться, она, будто что-то забыла, снова постучала в наши окна и села тяжким задом на городские крыши, и завьюжила, и понесла пургу.

Не было слов, какими бы мы ее не крыли, да разве зиму заговоришь. И вышло так, что с прилетом грачей ничто не переменилось, только уплотнилось наше пернатое население. А население это, основная его часть, состоит из ворон и галок – птиц, родственных грачам, но оседлых, из тех, которые не ищут счастья в чужих краях, но и от родной природы милостей не ждут. Коротая зиму в городе, они сидят, как правило, терпеливо на голых деревьях и лишь по временам слетаются на

помойках, чтобы чего-нибудь поесть и согреться скандалом. Теперь же, когда после оттепели холода завернули снова, вороны с галками злорадно поглядывали на обескураженных грачей. «Так вам и надо! – каркали они. – Ишь туристы!»

А грачи, поохав, тоже в конце концов расселись по деревьям и впали в оцепенение. И просидели так еще неделю с лишком, пока одной прекрасной ночью не ударил вдруг южный ветер. Он был такой силы, что отряс все деревья от спавших на них птиц. Воронье посыпалось грушами, заголосило истошно; во дворах испуганно засвистали машины. С хлопками, с треском и брызгами, словно старое мокрое тряпье, рвались над крышами тучи. Этот ветер, телесно-упругий, веющий теплом и земным потом, прошел грохочущей лавой по ночным улицам, и утро мы встретили уже при новой власти. Весне надоело ждать, покуда белая армия уйдет добровольно, и она взяла город меньше чем за сутки.

Грянуло солнце; в его лучах вспыхнули миллионы сосуллек и заплакали счастливыми слезами. Свершилось чудо ежегодного вселенского мироточия, и наши врановые воспели его, пусть нехудожественно, но от всей души.

А весна своим первым декретом объявила амнистию. Свободу выжившим, – свободу живым всех сословий, большим и малым, певчим и всем прочим. И все живое зашевелилось. Прямо из-под снега повылезали прошлогодние мухи, чтобы, совокупившись в первый и последний раз, блаженно издохнуть на пороге новой жизни. На выгонах подгородных ферм, как безумные, скакали телки-буренки, выпущенные после зимнего заточения, и взрывали грязь, и лягали воздух. В частном секторе псы, прикованные к надворным будкам, выли и грызли свои цепи шатающимися от цинги зубами. Если такому псу удавалось отвязаться – поминай как звали: он бежал со двора прочь, бежал, ведомый не разумом,

а одним только воспаленным носом. Гремя обрывками цепей, закидывая на сторону плешивыми после зимы задами, псы бежали и бежали, пока не валились от усталости или не попадали под колеса машин.

Но и люди, пусть не так бурно, тоже переживали весенний чувственный прилив. На улицах города во множестве показалась молодежь. Юные неженатые составляли пары и гуляли, обнявшись; у каждого парня в свободной руке была бутылка пива, а у каждой девушки – сигарета. Семейная молодежь везла свое пиво уже в кузовах детских колясок, в ногах у тех, для кого эта весна была первой в жизни. Горожане всех возрастов находили повод лишний раз выйти из дому, чтобы глубоко затянуться воздухом, вдруг загустевшим и наполненным почвенными испарениями, не всегда благовонными, но неизъяснимо волнующими. Город радовался весне вместе с остальной природой, частью которой являлся. Ведь он для того, главным образом, строился, чтобы люди могли выживать в нем в холодные времена, а в теплые выводить потомство. Весной, когда стало ясно, что первое удалось, можно было приступать уже ко второму.

Правда, существовало в городе место, ни для житья, ни тем более для размножения не пригодное. Это, конечно же, был завод; он лопыхивал в свои три трубы круглый год равномерно, и вонь его дыма от сезона к сезону никак не различалась. Завод был химический, производил электроизоляционные материалы, и все, что происходило внутри него, все эти смрадные процессы, совершавшиеся в его цехах, к живой природе отношения не имели.

Огороженный бурым кирпичным, а местами бетонным забором, завод походил на замок. И сходство это было не только внешним. Замки когда-то служили окрестным жителям убежищем и защитой, а взамен с этих жителей драли дань. Так и завод: вот уже более полуве-

ка он обеспечивал горожанам полную социальную защищенность и немного еще приплачивал в денежном выражении. С горожан же он брал не больше, чем они могли дать: завод лишь отнимал у людей здоровье и надежду на перемену участи. Но были ли им нужны перемены, если существование их по гроб и сам гроб завод надежно гарантировал.

Зато собственное существование завода было далеко не безмятежно. Много лет он исправно снабжал страну изолянтной, служил государству так же верно, как мы служили ему, но не дождался модернизации. Он состарился, наш завод, и теперь на изношенных фондах тянул из последних сил. Ему бы давно пора выйти на пенсию, да только в отличие от людей заводам собес не полагается.

Тем не менее и на заводе чувствовался приход весны. Первым делом в известных местах и в некоторых новых произошли протечки и подтопления. Цоколи цехов набухли красноватой влагой, – казалось, на них помочился почечник, но это земля возвращала так слитый в нее фенол. Кроме того, вверх пошла кривая нарушений трудовой дисциплины: чаще на своих рабочих местах стали выпивать лаковары и так же точно пропитчицы. А в инженерном корпусе, в отделе связующих материалов, у молодого специалиста Леночки высыпали по всему лицу веснушки.

Кожа у Леночки была чувствительна к солнцу. Собственно, вся девушка была чувствительная – к погоде, к мужским взглядам и даже к обыкновенному заводскому сквернословью. С ней приходилось соблюдать осторожность в любом самом пустячном разговоре, а других разговоров Леночка избегала. Удивительно, какую барышню и как тонко чувствующую выпустил простой химический институт. Но одного чувства барышня была

лишена, а именно чувства времени. В редкий день не опаздывала она на работу, причем опоздания ее доходили до четверти, а то и до получаса. Леночку не задерживали на проходной только потому, что принимали за секретаршу какого-нибудь крупного заводского руководителя. Начальник отдела связующих Ксенофонтов был руководитель среднего звена, но на Леночкины вольности смотрел сквозь пальцы, чем многие из отделских дам были недовольны. Справедливости ради надо сказать, однако, что именно Леночка по весне первой из сотрудниц сменила шерстяные рейтузы на капрон. И именно ей, единственной, пришла в голову мысль распечатать в отделе окна, хотя эта идея оказалась неудачной.

В тот день Леночка явилась в отдел как обычно, то есть тогда, когда остальные сидели уже по местам. И как обычно, Ксенофонтов лишь поднял бровь, не сделав девушке устного замечания. А она с некоторым даже вызовом бросила сумочку на рабочий стол и воскликнула:

– Ну и душно у нас в отделе!

В помещении и правда было душновато. Утреннее солнце косо било в большие окна, отчего пыль на стеклах ярко светилась. Нефедов посмотрел сквозь золотистую вуаль и увидел на крыше заводского гаража галок, лежавших распластав крылья. Галки нежились.

– Душно вам? Так пойдите еще погуляйте! – отозвалась со своего места Зоя Николаевна. Сама-то она явилась без опозданий и уже всюду трудилась, производя перед зеркальцем косметический ремонт лица. В данную минуту Зоя Николаевна опыляла нос ватным тампоном, и облако пудры вокруг нее тоже светилось в солнечных лучах.

Леночка не ответила на Зоину колкость, а только фыркнула и продолжила насчет духоты.

– Я считаю, – заявила она, – нам надо открыть окна.

– Вот еще! – возразил пожилой Кошелев. – Здесь их сроду не открывали.

– А теперь откроем! – упрямылась Леночка.

– Вот еще! Сейчас откроешь, а осенью по новой заклеивать.

Между отделцами завязалась дискуссия: открывать окна или нет. Одни поддержали Леночку, а другие Кошелева. Наконец Ксенофонтов постучал карандашом по столу.

– А ну! – прикрикнул он на сотрудников. – Что это вы разгаделись? Только бы не работать. Хочет человек открыть окна – пусть открывает.

Сражаться с окнами не женское дело, но поскольку идея была ее собственная, то Леночка сама на подоконник и взобралась. Хотя рыцарей в отделе не нашлось, но мужчины были, и они затаили дыхание. Девушку всю осветило солнышко, и с особенной нежностью ее ножки в телесных колготах. Почувствовав к себе пристальное внимание, Леночка покраснела.

– Ну вот! – пропищала она. – Вместо того чтобы помочь, все мне под юбку плятятся.

– А не надо так коротко одеваться, – заметила Зоя Николаевна.

– О-хо-хо... – проворчал Кошелев.

– Кому какое дело, – заступился за Леночку Ксенофонтов. – Как она хочет, так и одевается, а вы не смотрите.

– Тебе одному смотреть можно, – обиделся Кошелев.

– Я смотрю, чтобы она не свалилась. Что случись – с кого потом спросят?

Между тем Леночка на подоконнике уже практически освоилась. Ей даже было немножко приятно. Старая заводская изолента, которой были заклеены окна, от-

рывалась с таким вкусным хрустом, что у девушки по спине пробегали мурашки. А когда со двора снаружи ей свистнули какие-то проходившие работяги, она в ответ им сделала ручкой.

Наконец Леночка отодрала последнюю полосу и, вскрикнувши «Аллея гоп!», легко спрыгнула с подоконника. Теперь можно было открывать окна, но это, как оказалось, сделать было непросто. Леночка подергала окно за ручку – не тут-то было. Она рванула из всех сил – старая рама ответила громом, но не поддалась. Девушка вся покраснелась и уже чувствовала спиной усмешки недоброжелателей. Положение ее было вправду довольно глупым, и неизвестно, как бы Леночка из него вышла, если бы на помощь ей не подоспел Нефедов. Против мужской силы окно не устояло и со скрежетом отворилось.

– Ура! – воскликнула девушка... но тут же радость на лице ее погасла.

– Фу-у!.. Ну и вонь!.. – слышались возгласы из разных углов отдела.

Действительно, то, чем повеяло в открытое окно, оказалось много хуже прежней духоты. Удивляться, впрочем, не приходилось, если учесть, куда это окно выходило.

– Ну что – надышались? – невесело усмехнулся Ксенофонов. – Теперь заdraивайте обратно.

Окно снова закрыли. Сконфуженная Леночка подмела за собой мусор, и день продолжился обычным порядком. Уже без фантазий сотрудники занялись положенным делом, в том числе и Нефедов. Он только нет-нет да и взглядывал на окно, будто опять видел в нем девичий силуэт.

А когда пришел срок окончания трудов, на всех этажах инженерного корпуса раздался одновременный разноголосый звон. И не успели звонки умолкнуть, как

их дребезг утонул в громе отодвигаемых стульев и человеческом гомоне. В коридорах градом застучали каблуки; коллективы разных подразделений, смешиваясь в единую массу, толпой хлынули к выходу. От инженерного корпуса людской поток устремился к проходной, пересекая небольшую внутривзводскую площадь.

Заводчане спешили на волю и не глядели по сторонам, а между тем эта площадь, на которую глядели окна заводоуправления, была единственным ухоженным местом на предприятии. Здесь была разбита клумба с необыкновенно живучими цветами, которые никогда не росли, но и никогда не вяли. Посреди клумбы на бетонном пьедестале стоял бюст первого директора завода, когда-то за что-то ошибочно расстрелянного. По сторонам клумбы с бюстом, тоже очень давно, сооружены были два больших фанерных стенда. Их для симметрии выпилили одинаковыми, в форме развевающихся знамен, но шапки стенды имели разные. Один назывался «Доска почета», а другой – «Доска позора». Портреты передовиков производства и нарушителей трудовой дисциплины переглядывались через клумбу, многие были друг с другом знакомы по работе, а некоторые даже представляли собой одно и то же лицо.

Но кроме шапок, было между досками еще различие. Передовики все были представлены только портретами без объяснения, чем они заслужили свою честь, а нарушители, наоборот, с подробной аннотацией под каждым портретом или даже с одной аннотацией, без портрета. Их даже рассортировали на несунув и прогульщиков – по двум столбцам.

Кстати, столбец с прогульщиками был более населенный. Ведь чтобы вынести что-то с завода, надо все-таки иметь сноровку и умысел, а чтобы прогулять, не нужно ни того ни другого. Вот и прогуливали – без сноровки, без умысла, независимо от должности, образо-

вания и зарплаты. Был даже случай с главным технологом, правда давно. Его тогда искали чуть не с милицией, а он через неделю объявился сам – в ботинках на босу ногу, без часов и партбилета. Прогульщиков, конечно, наказывали; их били и рублем, и отпуском, но они почему-то никак не переводились. Знающие люди говорили, будто завод построен на нечистом месте: то ли на кладбище, то ли на болоте; но другие знающие им возражали, что народ у нас прогуливает повсюду, и объясняли это какими-то социальными причинами.

Впрочем, народ, прогуливающий, выносящий, а также не уличенный ни в том ни в другом, обтекал оба стенда и клумбу с цветами с полным к ним безразличием. Только Нефедов, который с утра сегодня заглядывался по пустыкам, шел, примечая разные ненужные мелочи. Например, что голова расстрелянного директора поседела от птичьих посещений или что на доске почета висело фото технолога Карпова, умершего аж два года тому назад. Но по-настоящему удивился Нефедов, взглянув на другую доску. Там в списке прогульщиков он неожиданно-негаданно обнаружил... собственную фамилию. Неизвестный, оформивший эту доску, не удостоил его портретом, но инициалы поставил верно. Сомнений не оставалось: где-то в недрах заводских канцелярий произошла досадная ошибка и на доброе имя Нефедова брошена была тень. Однако желания восстановить справедливость у него почему-то не возникло. «Плевать, – подумал Нефедов. – Фамилия без портрета все равно ничего не значит». Он оглянулся на людей, спешивших мимо с равнодушными лицами, пожал плечами и встроился в общий поток.

Строго говоря, портреты тоже мало что значили. Заводчане мечтали об одном: быстрее оказаться по ту сторону проходной. Ее двуликое здание было украшено со двора еще старых времен транспарантом «Спасибо за

труд, товарищи!». Снаружи на проходной украшений не было, но люди из нее выходили уже господами. С этой минуты заводские данники начинали воображать себя хозяевами своей жизни, хотя ощущение это было, конечно, мнимым. Вне ограды завода тружеников, отстоявших смену, встречали просторные виды, относительно свежий воздух и другие признаки свободы, однако их дальнейшие действия были все равно predetermined. Кто-то строился в очередь на автобусной остановке, кто-то спешил в магазин или в садик за детьми. Лишь немногие шагали, покуривая с беззаботным видом, но и они не могли выбирать дорогу, потому что от завода вела единственная, общая для всех асфальтированная пешеходная тропа, соединявшая проходную с типовым при заводском «спальником». Там-то и обитали господа заводчане – в этом блочном посаде, прозванном в народе Жилдомами. И там каждый вечер их ждали хотя и частные, но необходимые и вполне predetermined занятия.

Нефедов измерил эту дорожку тысячи раз в обоих направлениях. Зимой – оскальзываясь на ледяных раскатах; летом по жаре – отпскивая след в раскисшем, как сургуч, асфальте; осенью – забрызгивая брюки липкой грязевой суспензией. Но сегодня, весенним погожим вечером, идти ему было комфортно и даже приятно. Тропа надежно держала ноги, а еще не окошенные ее обочины весело желтели молодыми одуванчиками.

Путь от завода до Жилдомов – это десять минут ходу; женским шагом – минут двенадцать. Но для обладателей автомобилей он часто растягивался на многие часы. Дело в том, что тропа проходила удачно для них мимо гаражного кооператива. То есть мимо проходила тропа, а автомобилисты, конечно, сворачивали в гаражи.

Забор ГСК возведен был из таких же плит, что и заводской, но смотрелся веселей, потому что был густо исписан граффити – преимущественно кириллическим

шрифтом. В нужном месте в заборе имелась широкая прореха, где устроена была проходная. Только в отличие от заводской пройти через эту проходную мог кто хотел и в любом состоянии.

Автовладельцы редко упустили случай навестить своего четырехколесного друга. Лишний раз ведь не помешает проверить давление в шинах или уровень масла. Смахнуть щеточкой с крыши пыль. Трудно притом не поддаваться искушению завести мотор. Только лишь завести, чтобы в тысячный раз стать свидетелем чуда. Один поворот ключа – и состав немого агрегированного железа вдруг в конвульсиях оживает. Воскресающий двигатель троит и чихает, отплевываясь через заднюю трубу; но постепенно он разгоняет тепло по патрубкам, говор цилиндров его выравнивается и наливается уверенной силой. Крепнет песня мотора, и внятен становится его призыв: «Вперед, мой хозяин! Прокатимся так, чтобы заложило уши! Скучно не будет, лопни мой радиатор! Мы будем мчаться и мчаться, без остановки и без возврата».

Взволнованный гул моторов вместе с клубами горячего выхлопа вырывался из приоткрытых гаражных ворот и разносился по всему ГСК. Только ехать-то автовладельцам было абсолютно некуда. Максимум, что могли они предпринять, – это прогуляться со своими железными питомцами по территории кооператива. Владельцы выкатывали машины из боксов и отправлялись в медленное путешествие по межблочным проездам. ГСК был обширный; чтобы его весь объехать, требовались часы, особенно с учетом заходов в «дружественные порты». Кроме того, гуляючи, можно было наехать на стихийную ассамблею, какие в гаражном товариществе происходили довольно часто. Эти собрания легко было обнаружить по большому числу авто, хвостами наружу, как лошади у коновязи, сгрудившихся в одном месте. Где-то

поблизости хозяева их уже не в пространстве, а исключительно во времени совершали коллективное путешествие, которое могло закончиться далеко за полночь.

Впрочем, прогреться, оставаясь на месте, умели не только автомобилисты, но также, к примеру, члены Общества охотников. Среди заводчан были любители русской бани, приверженцы подледной рыбалки и некоторых других узаконенных форм пьянства. Находились и такие, кто предпочитал пьянство в простейших, неузаконенных формах. Этим последним можно было встретить, войдя в Жилдома, у гастронома, прозванного в народе «Московским». Чем заслужил магазин свое гордое имя, никто уже не помнил, но в части ассортимента он мало чем отличался от остальных гастрономов города и страны. Его единственным преимуществом было местоположение – «Московский» первым встречал заводчан на пути с работы и облегчал их карманы раньше, чем это делали заводчанки. Близ него в дни получки или просто в погожие дни, как сегодня, пьянство в неузаконенных формах носило массовый характер.

Кучки мужчин разного возраста и разной степени подпития начали попадаться Нефедову еще на дальних подступах к «Московскому». Рабочие, служащие – многих он знал по работе и по месту жительства. При виде Нефедова некоторые махали ему рукой, предлагая присоединиться, но он, не сбавляя шага, лишь отрицательно покачивал головой.

Нефедов отказывался не из гордости и не потому, что уж очень боялся изменить свой привычный маршрут. Он не причислял себя к тем занудам, которые живут по раз навсегда установленному расписанию. Но просто Нефедов не находил романтики в том, чтобы выпивать, стоя в подворотне или где-нибудь в кустах и добывая закуску пальцами в магазинном пакете. Тем более что он находился уже в двух шагах от собствен-

ного дома, где в холодильнике его ждала вполне легальная, припасенная до востребования бутылка водки. Еще минут пять, и Нефедов мог быть уже в своей квартире на девятом этаже сорок восьмого дома. Поцеловав жену и переобувшись в тапочки, он с чистой совестью пошел бы ужинать, и там, за ужином, ничто бы ему не помешало выпить рюмку, а то и две.

Словом, несмотря на легкое томление духа, вызванное весенней погодой, Нефедов думал завершить этот день примерно так же, как большинство своих дней в течение последних двадцати лет. Однако из головы его начисто вылетело одно важное обстоятельство, которое само по себе выделяло предстоящий вечер из ряда прочих. Сегодня у Нефедова с его женой Надей была годовщина свадьбы.

Годовщина была не первая и даже не десятая. Нефедов иногда вспоминал о ней, а иногда, как сегодня, забывал в текучке дел. Но брак тем и хорош, что он о двух головах; как и у большинства жен, память на даты у Надеи была куда крепче, чем у мужа, и потому до сих пор еще не бывало случая, чтобы Нефедовы так или иначе этот день не отметили.

Но даже не помня о годовщине и ожидавшем его маленьком семейном торжестве, Нефедов все равно двигался в верном направлении. Каждый шаг приближал его к дому; оставалось только миновать многолюдные окрестности «Московского» да пройти полквартила дворами, не содержащими уже точно никаких соблазнов. Конечно, путь его был непрямым, потому что приходилось лавировать между гражданами, беседовавшими посреди тротуара, и запаркованных поперек прохода частных автомобилей. Одна такая машина, спортивная, красного цвета, располагалась особенно нагло, въехавши на тротуар всеми четырьмя колесами. «Ну и нахал! – подумал Нефедов. – Кто бы это мог быть?» Ответ на свой невысказан-

ный вопрос он получил немедленно. В дверце машины вдруг опустилось затемненное стекло, и в образовавшемся проеме показалась... физиономия начальника отдела связующих.

– Здорово, Гарик! – обрадовался Ксенофонтов.

– Виделись уже, – усмехнулся Нефедов. – Что-то я, Ксюха, не узнаю твое авто.

– Я ее перекрасил. Нравится? – Ксенофонтов с гордостью похлопал машину по боку.

– Мне-то что... – Нефедов пожал плечами. – Ты, я думаю, снова жениться собрался?

– Угадал! – весело хохотнул Ксенофонтов.

– И на ком же?

– Так тебе и скажи...

– Ну, удачи...

Нефедов двинулся было в обход машины, но Ксенофонтов выскочил на тротуар и перегородил ему путь уже своим телом.

– Куда это ты?

– Как куда? Домой, конечно. Ты, брат, еще только женишься, а я уж давно...

– Ну нет! – Ксенофонтов взял крепко его за рукав. – Теперь ты попался. Или мы это дело сейчас обмываем, или ты мне не друг.

– Да что за дело-то? – Нефедов попытался вырваться. – Что, собственно, ты собрался обмывать?

– Как это что? Покраску! Сам же машину мою не узнал... Я хотел в гаражах отпраздновать, но теперь только с тобой.

– Лучше бы ты праздновал в гаражах.. – покачал головой Нефедов.

Сам он не находил покраску Ксюхиной машины чрезвычайным событием. В прошлом году она была голубая, а еще раньше желтая. Обычно такое преобразование совпадало с появлением на заводе очередной

миловидной молодой специалистки. В глазах этих романтичных особ Ксенофонтов был вне конкуренции – именно благодаря своему спортивному автомобилю. К сожалению, техническая часть этого автомобиля давно не соответствовала его наружности и омоложению не подлежала. Месяц-другой Ксенофонтов со своей новой избранницей раскатывали по городу и целовались за тонированными стеклами, но потом в машине что-нибудь ломалось, она отправлялась надолго в ремонт, а отношения влюбленных переходили в трудную фазу расставания.

Добиться от Ксюхи признания, кто на этот раз явился причиной перемены автоимиджа, не составляло труда, но можно было и подождать, пока тот не проболтается сам. Второй вариант Нефедова вполне устраивал; к тому же он не сомневался, что это была их отдельская рыжая Леночка.

В любом случае отказаться от обмывки покраски не было никакой возможности. Нефедов обреченно вздохнул и полез в карман за мобильником, чтобы предупредить Надю о своей задержке. Однако телефона в кармане не оказалось.

– Забыл... – пробормотал он и вздохнул еще горше. – Утром забыл, когда собирался.

– Ничего, пусть будет для нее сюрприз, – шуткой откликнулся Ксенофонтов.

Открыв пассажирскую дверцу, он переставил с сиденья на пол портфель, внутри которого раздался негромкий стеклянный стук.

– Прощу!

Нефедов, нагнувшись, сунул голову в машину. Салон был двухместный, маленький, и в нем удушливо пахло кокосовым дезодорантом.

– Ну нет, – сказал Нефедов. – Слишком тут у тебя интимная обстановка.

Ксенофонтов пожал плечами:

– Не хочешь в машине – давай на воздухе. Но только не в подворотне, как ханыги, а чтобы как культурные люди.

Заявленному условию в ближайших окрестностях соответствовало лишь одно место. Культурные люди из числа посетителей «Московского» выпивали всегда на соседнем стадионе «Энергия». Он тоже, как завод и ГСК, был обнесен бетонным забором, но в этом заборе никто не удосужился сделать проходную со стороны гастронома. Здесь входом служил безобразный пролом, с которым зрители стадиона боролись многие годы, то зашивая его досками, то вымазывая несохнувшей краской. Делали это они зря, потому что во время спортивных состязаний посетители гастронома становились самыми горячими болельщиками.

К счастью, в тот вечер пролом действовал, и Нефедов с Ксенофонтовым благополучно им воспользовались. Но они были далеко не первыми. И поросший бурьяном пустырь, примыкавший к спортивной арене, и ступени трибуны пестрели группками заводчан, не желавших уподобляться ханыгам. Свободными оставались только само футбольное поле, песочница для прыжков в длину да резиновая окружная дорожка, по которой бежал одинокий и почти неуместный сейчас человек в трусах. Бежал он небыстро, с каждым шагом тяжело припадая на ногу; трибуна подбадривала его свистом, но бегун или не хотел ускориться, или уже не мог.

Товарищи выбрали себе место где-то на пятом ярусе. Солнце спряталось уже за верхний край трибуны, но деревянная скамья, испещренная подobaющей клинописью, тысячу раз перекрашенная, окаменевшая от старости, еще грела зад.

Ксенофонтов открыл свой портфель. Заглянув в него, Нефедов увидел три бутылки с желтыми, неровно наклеенными этикетками.

– «Агдам»? – удивился он. – Лет двадцать его не пил. Ксенофонтов выудил из портфеля бутылку и повертел в руках.

– Вот, Гарик, и дожили мы до хороших времен, – сказал он глубокомысленно. – «Агдам», и без очереди – это же коммунизм практически.

Товарищи скovyрнули с бутылки пробку, разлили вино в пластмассовые стаканчики и залпом выпили. Потом они закурили и некоторое время сидели, погрузившись в молчание.

ВАГОНЧИК

У Хохлов на краю участка под большой плакучей березой стоит строительный вагончик. Какими судьбами заехал он на личное подворье, неизвестно. Аккуратно выкрашенный голубой краской, вагончик кажется таким добротным, что просто не верится, будто он спи-санный. Впрочем, друзей Толи Хохла неясное происхождение вагончика никогда не интересовало – главное, что он был и что Хохол-старший не совал в него носа. Раньше вагончик сотрясался от воплей и магнитофонной музыки, его пучило от табачных извержений, но Толин родитель терпел все это и лишь поглядывал, чтобы молодежь не топтала грядки. Он думал, что таким образом решает проблему поколений.

Но со времен тех шумных юношеских посиделок минуло уже три года. Толя Хохол и его товарищи стали взрослыми – они отдали Родине воинский долг и могут теперь выпивать, где им вздумается. Почему же тогда свою встречу они празднуют не где-нибудь в ресторане, а снова здесь, в старом хохляцком голубом вагончике? Ответ прост: потому что отсюда сегодня им приятней всего бросить взгляд на прожитое.

Толя Хохол, Гарик Нефедов, Ксюха и Шерстяной – все они в сборе, кроме большого Гали. Три года – не кот начихал; все четверо за это время успели чрезвычайно возмужать. Набившись в тесноватое помещенье, они наполнили его уже не подросточьими тирольскими кликами, а сдержанным низким гудом, словно в вагончик влетел рой шмелей. В несуетливой рассадке и в их умелом обращении с бутылочными пробками сказывается немалый опыт. Товарищи успели уже пройти известные стадии мужского превращения. Армейскую службу они испытали, как окукливание, которое само есть жизнь внутри жизни. Каждый теперь цветет ставшей на крыло зрелой особью, и, без сомнения, каждый познал в себе силу пола. Только нечаянный хохоток да порой излишнее бахвальство в речах обнаруживают, что собравшиеся мужи кое-что удержали из детства.

Впрочем, надо отдать им должное, основания для бахвальства у друзей имеются. Жизнь складывается для всех удачно, кроме, правда, большого Гали, которого с ними нет. Толю Хохла, получившего в армии шоферские права, батя пристроил на хорошее место – возить какое-то начальство. Шерстяной фарцует; недавно он удачно провернулся со шмотками, а теперь собирается в Прибалтику мыть янтарь. Ксюха с Гариком Нефедовым в своем «хим-дыме» без хвостов отучились курс, и это несмотря на то что Гарик весной женился. Таким образом, хоть никто специально и не подгадывал, но встретились они очень вовремя. В самый такой момент, когда мечты их, распутившись въяве, еще не успели облететь и обратиться в быль. Каждый из четверых полагает, что обрел уже свое поприще, и каждому думается, что он стал самостоятельной личностью. Прошлое их мальчишеское соперничество уступило место взаимному снисходительному великодушию, которое обычно предшествует распаду команды.

Но этот распад – он должен случиться потом, а сейчас очередная выпитая бутылка только усиливает их чувство товарищества. Пока что они – коллектив, и настолько дружный, что когда их четверка, выстроившись позади вагончика, одновременно отливает, то плакучая береза становится пятой в их шеренгу и солидарно струит листовенные золотые потоки. Хотя, конечно, пятым должен бы стоять Галя.

Что с ним случилось – этого никто точно не знает. По слухам, Галя пытался поступить в летное училище, но не поступил и от огорчения повесился. В другом варианте он убил не себя, а кого-то другого и теперь якобы сидит за это в тюрьме. Сейчас товарищи пьют и не за здоровье его, и не за упокой, а просто за большого Галю и вспоминают со смехом о том, как он получил свое женское имя.

На самом деле он Гена – Геннадий, по фамилии Заяц. Собственно, она же, фамилия, и служила ему прозвищем, но лишь до тех пор, пока он не перерос остальных ребят в классе. Потом обращаться к нему по фамилии стало небезопасно, и было время, когда он жил вообще без прозвища. Но штука в том, что он был не единственный в классе Заяц. С ними училась также его сестра Алка – хотя и двоюродная, но с такой же смешной фамилией. Чтобы их различать, в классном журнале были представлены инициалы «А.» и «Г.». Так вот, однажды пришла в школу новая учительница и стала со всеми знакомиться.

– Заяц А. – это кто? – спросила она.

– Алка, – ответила с места Алка.

– Хорошо, – сказала училка. – А Г., это, наверное, Галя?

Так и сделался Гена Галей. Большим же его прозвали за его размеры.

Но от смеха до грусти во хмелю один только шаг.

– Где-то теперь наш Галя... – задумчиво говорит Нефедов.

– Кто его знает... – печально отзывается Ксюха.

– Икает, наверное...

Хранить вертикальное положение становится затруднительно. С полчаса еще они сидят, подпирая друг друга плечами, но потом Шерстяной, а за ним и все остальные перемещаются со скамьи на пол. Некоторое время товарищи разговаривают лежа, но постепенно связь между ними и по отдельности в бормотании каждого исчезает. Эфир в вагончике заполняется бессодержательным носовым белым шумом.

ВЕЧЕРОМ НА СТАДИОНЕ

– Время, однако... – пробормотал Нефедов.

Что означали его слова, к какому времени относились? Если к астрономическому, то оно шло исправно, как всегда, – небо и всю ближнюю с дальней округу уже основательно прибирал вечер. Если ко времени личному, то ему никогда не угнаться за астрономическим, как не угнаться простому человеку за тренированным бегуном. Человек в трусах давно уже финишировал; отсчитавши положенное число кругов, он измерил свой пульс, надел штаны и ушел домой восстанавливать силы. Тень натягивалась на футбольное поле; позади трибуны, на западе, всплывали, густея, агдамовые, темно-золотистые на просвет тучки. Повинуясь велению времени, стадион покидали последние неханыги – в бурьяне и под трибунными лавками оставались лежать лишь те из них, для кого время вовсе остановилось. На пустыре показались новые лица и зазвучали новые, звонкие голоса. Это значило, что наступил час большой вечерней собачьей прогулки. Четвероногий бомонд прибывал на пустырь в сопровождении своих людей. С чопорным видом кобели и суки исполняли обязательные ритуалы приветст-

вия, но затем, отбросив условности, свивались в живые текущие косяки. Они грациозно резвились, ныряя в россистом бурьяне, а наскочив случайно на спящего человека, взбрехивали и неодобрительно нюхали воздух.

– Давай, просыпайся! – Нефедов легонько пихнул товарища.

– А?.. Я не сплю... – пробормотал Ксенофонов.

Он пошарил в своем портфеле, но там уже было пусто.

– Хочешь сказать, что пора по домам?

– Что-то в этом роде...

Друзья нехотя поднялись со скамьи. Оба испытывали чувство некоторой незавершенности, ведь они не успели даже толком поговорить. Впрочем, если выпивать, как они, без закуски, то это случается в порядке вещей.

– Может, мы, Гарик, возьмем еще?.. – с надеждой спросил Ксенофонов.

– Хорошего понемножку...

– Правда, ведь ты у нас образцовый муж.

Нефедов печально усмехнулся:

– Осталось лишь объяснить это Наде...

Собравши в портфель стаканчики и пустые бутылки, товарищи подались на выход, в сторону пролома. Жил-дома за забором уже густо процвели одинаковыми желтыми окошками.

ВАГОНЧИК (продолжение)

Чем берет молодость, так это крепостью организма. Живителен молодой сон. Еще и ночь не вполне смерлась, а Игорь уже очнулся и даже почувствовал, что способен встать на ноги. Спотыкаясь в темноте о лежащих товарищей, он выбирается из вагончика и пытается сориентироваться на местности. Это не так-то просто –

знакомый хохловский участок в сумерках словно изменил свою географию. Дорожки лукаво завиваются и вместо калитки выводят то к дощатому летнему сортиру, то к каким-то сараям. Один из этих сараев неожиданно оказывается обитаемым – в нем живет свинья, которая пугает Игоря до сердцебиения, приветствуя его из-за стенки радостным ревом. Наконец ему надоедают эти игры, и он движется к выходу прямо через грядки. Топча хохловские огурцы и ругаясь, Игорь выбирается наконец с заколдованного участка.

Метров сто он шагает на автопилоте в сторону отчих Жилдомов, но потом вдруг останавливается, чешет голову и круто меняет направление. Игорь вспомнил, что он теперь женат и квартирует на улице Островского. Там, в угловом доме номер семнадцать дробь три, его ждет Надя, горячо любимая молодая супруга. Собираясь сегодня на свой мальчишник, Игорь учел, что она не одобряет подобные ассамблеи, и потому соврал Наде, что идет навестить родителей. Он, конечно, знал, что поступает плохо, но все же не до такой степени, потому что не предполагал, что приятельская попойка обернется спаньем влокат. По немощным улицам частного сектора Игорь идет нетвердой кукольной походкой, и стук каблуков о землю отдается в его голове. А сзади за ним крадется нечистая его совесть, примериваясь напасть, когда он немного протрезвеет.

У Игоря недостает еще опыта супружеской жизни, поэтому он даже не составил никакого связного текста в свою защиту. Хуже того – он все портит своим нелепым поведением. Нельзя идиотски ухмыляться, когда на тебя смотрят глаза, полные слез. Нельзя как попало швырять ботинки и сразу у входа зачем-то начинать снимать брюки. И не стоит без конца спрашивать: «Что случилось?», когда случившееся очевидно. Игорь понимает, что ведет себя глупо и безусловно достоин осуж-

дения, но все-таки Надина реакция его изумляет. Впервые за их недолгую совместную жизнь он видит на лице жены выражение ненависти – такой горячей, что из глаз ее даже испарились слезы.

И еще раз это лицо является Игорю под утро. Сухой ненавидящий Надин взгляд прожигает его вдруг сквозь толщу какого-то мирного, совсем не хмельного сновидения. Сон прерывается так внезапно, словно Игоря сбросили с кровати. Еще не успев ничего припомнить, он чувствует, что случилось нечто ужасное. Игорь с трудом разлепляет глаза и видит невыключенную, догорающую под потолком люстру. Ее электрический пожухлый свет не сошел еще со стенных обоев, но уже заря, занимающаяся за окном, кладет поверх него свои холодные румяна. Вечер и утро, смешиваясь, наползают друг на друга – это выглядит неестественно и нехорошо. Словно вчерашний злополучный день, будучи уже оплакан, остался непогребенным из-за того, что ночь-могильщица прогуляла свою смену. Закрыв глаза, Игорь пробует опять спрятаться в сон, но у него не выходит. Из мглы безмыслия снова проступает гневное лицо жены, и он вдрагивает. Только теперь Игорь осознает, что Надино лицо – это фантом, а сама она на их супружеском арендованном ложе отсутствует.

Целых три месяца, до этой самой минуты, их с Надей союз представлялся Игорю незыблемым, как утес. Эта скала с двуспальным диваном-кроватью на вершине надежно держала удары житейских волн, как вдруг в одну ночь от нее откололась половина, и Игорь с ужасом обнаружил себя на краю обрыва. Диван качается под ним; Игорь чувствует приступ тошноты, голова его кружится, сердце сжалось, словно пойманная птичка... и вот уже он летит вместе с диваном, летит куда-то вниз... Падает Игорь небольно – в какую-то мягкую зыбкую субстанцию. Наверное, это море; кружа и противно покачивая его, море уносит Игоря в неизвестном направлении.

ОТБИВНАЯ НА УЖИН

Поставленные набок и на попа, жилые дома напоминали костяшки домино, только счет очков в них шел на тысячи. И в каждом пятнышке-окне просвечивала сквозь занавески чья-то личная жизнь. В окнах играли всполохи телевизионных зарниц; из форточек слышался гром вымываемой посуды, детский плач, перебранки и смех. Среди множества этих неспящих окон три соответствовали квартире Нефедовых. Два маленьких и одно большое – все они ярко светились, но это, увы, не значило, что население квартиры было в сборе. Несмотря на довольно уже поздний час, дома была одна только Надя, мать и супруга двух других, отсутствовавших членов семьи.

Между тем поначалу день складывался удачно. В музее, где Надежда Николаевна работала главным хранителем, после обеда состоялся реставрационный совет с участием директора. Нефедовой наконец-то удалось публично высказаться по поводу рукописного фонда и добиться, чтобы ее слова занесены были в протокол. После совета многие сотрудники пожимали ей руку, а потом с чувством победителя она пила чай в кругу единомышленниц. В четыре тридцать Надежда Николаевна отпустила себя домой. Она ушла с работы раньше обычного, но не по случаю удачного совета, а по личной причине. Дело в том, что сегодня у них с Игорем была годовщина свадьбы, и ей было нужно купить кое-что на праздничный стол.

В «Московском» гастрономе Наде достался непостный, нежирный, очень недурной кусок отечественной свинины. Там же она купила аргентинское вино, фрукты и дорогие шоколадные конфеты. Правда, Игорь не ел ничего сладкого, да и Наде конфеты бесполезны были в рассуждении фигуры, но праздник есть праздник.

Остаток пути она проделала грузенная на обе руки, но в хорошем настроении. К сожалению, больше сегодня Наде судьба не улыбнулась.

Катя встретила ее с одним накрашенным глазом и в выходной нарядной блузке. Ниже блузки на ней были одни колготки.

– Ждете гостей? – Катя заглянула в сумки. – По какому случаю?

– Гости не ждем, но случай имеется... А ты куда крашишься, если не секрет?

– Не секрет, но это неважно, – ответила Катя. – Случай имеется...

Надя вздохнула, скрывая досаду. «Забыла! – подумала она. – Забыла такую дату, словно ее не касается. Что ж, пусть останется на ее совести... Только бы вспомнил Игорь».

Переодевшись, Надя без роздыха приступила к приготовлению праздничного ужина. Она не считала себя великим кулинаром, и Игорь за годы их брака не сумел убедить ее в обратном. Вот разве что удавалась ей свиная отбивная – тут Надя была сильна, и с ней, с отбивной, она связывала свои сегодняшние надежды. В прошлом году отбивная ее не подвела, в позапрошлом тоже. Вообще, их праздничное меню не блистало разнообразием, но Надю это не смущало – ведь едят же другие народы свою ежегодную рождественскую индейку. «Лишь бы у нас не случился кризис, – думала она, – и свинина бы не исчезла с прилавков».

Спустя полчаса центральное блюдо вечера уже во всю шумело на сковороде. Рядом в особом бульоне варился картофель. Оставалось только решить с салатами, и можно было пойти передохнуть в кресле. Надя убавила огонь на плите, сказала: «Фуух!» – и вытерла лоб полотняной салфеточкой.

Однако и дочь у себя комнате тоже не теряла времени даром. В тот самый момент, когда Надя уже хотела

позвать ее резать овощи, Катя явилась на кухню в облаке маминых духов, в полной парадной раскраске и в юбке размером с набедренную повязку.

– Куда это ты в таком виде?

– Что, разве нельзя? – вскинулась Катя.

Надя нахмурилась:

– Я в твоём возрасте так не красилась.

– Ты в моём возрасте была красавица... – лицемерно вздохнула Катя.

Это был обезоруживающий аргумент. Сильнее на маму действовали только слезы, но от них на лице у Кати прахом пошли бы все ее труды.

Впрочем, слез не потребовалось. Последние Надины наставления Катя дослушивала в передней, шаг за шагом отступая к двери. Улучив паузу, она щебетнула:

– Пока, мам! – и выпорхнула на свободу.

– И пожалуйста, не до ночи! – крикнула вслед ей Надя, но ответом ей был удаляющийся стук каблучков.

Только теперь, оставшись одна, она почувствовала, как устала. Постояв немного в раздумье, Надя погасила в передней свет и вернулась на кухню. Походка ее была далеко не такой легкой, как у дочери.

ДЕНЬ В МУЗЕЕ

– Ах, Наденька, вы буквально расцвели!

– Разве? – Надя улыбается, розовея от удовольствия.

– Не сочтите за комплимент. Вы пришли к нам совсем еще девочкой, но теперь, когда стали матерью... Вы... вас хочется писать!

– Дело не в одном материнстве, – перебивает Питерского Кронфельд. – Человек цветет оттого, что получил квартиру.

Он сидит в старинном креслице, позаимствованном из экспозиции, и оно ему очень идет. В этом креслице да со своими бакенбардами Кронфельд в профиль напоминает слегка постаревшего Пушкина – каким Александр Сергеевич стал бы к пятидесяти годам, если бы не его дуэль.

Питерский оглаживает бородку:

– Возможно, коллега, возможно. Однако главное украшение современной женщины – это диплом. Он у вас синенький или красный, Надя?

Массовый отдел почечуевского музея с присоединившимся Питерским обмывает одновременно Надино возвращение из декретного отпуска, получение квартиры и окончание института. Заведующий «мемором» расстачает комплименты и даже принес собственные полбутылки коньяка. Все это, конечно, неспроста. Питерский давно сманивает Наденьку к себе в отдел – он хочет, чтобы она делала научную карьеру под его чутким руководством. Однако старания его напрасны; руководитель у нее уже есть – это Кронфельд. Кроме того, Надя не спешит переходить из экскурсоводов в ученые, потому что ей нравится работать с посетителями. Вообще, Наде нравится нравиться, а в мемориальном отделе, если не считать Питерского, коллектив сугубо женский.

– За нашу Надежду!

Все опять выпивают, не замечая выросшую в дверях фигуру администратора Лидии Ефимовны. Вид у нее по обыкновению сердитый.

– Что ж это делается? – грозно спрашивает администраторша. – Второй раз прихожу!

Ее обязанности состоят в том, чтобы из посетителей-одиночек формировать группы и распределять их между экскурсоводами. Должность, казалось бы, не очень важная, но Лидию Ефимовну побаиваются даже начальники отделов.

Кронфельд выразительно смотрит на Шерстяного:

– Ваш выход, сударь.

– Только не этот! – машет руками администраторша. – У него рожа красная.

Щеки у Шерстяного и впрямь разругались от шампанского, но дело не только в этом. Всем известно, что он и в трезвом виде экскурсовод никудышный. Его основной род деятельности – фарцовка, а в массовом отделе он работает по протекции своего дяди Питерского. Группы Шерстяному доверяют только самые неприязнательные – каких-нибудь колхозников-оленовод, не понимающих по-русски.

Кронфельд пожимает плечами, барабанит пальцами по столу. Послать работать виновницу торжества ему неудобно. Конечно, будь здесь Живодаров, вопрос был бы решен, но он, как и прочие сотрудники-москвичи, явится хорошо если к обеду. Не идти же на группу самому Кронфельду...

– А что – я проведу, пожалуй, – неожиданно говорит Надя.

Не слушая протестов, она без видимого сожаления покидает застолье и выпархивает из отдела. Вмиг позабыв все ненужное, свежая, улыбающаяся, Наденька спешит осчастливить первых своих сегодняшних посетителей.

Однако дело это совсем не простое. Музейные посетители – люди невежественные, но довольно капризные. Что организованные, доставляемые автобусами из подмосковных здравниц, что одиночки, прибывающие в Почечуево самостоятельно, – все они здесь бывают разочарованы отсутствием пива, а потому в качестве компенсации требуют наилучшего обслуживания хотя бы по культурной части.

– Прут и прут... чисто за колбасой! И чего они тут не видали?.. – вполголоса ругается Лидия Ефимовна.

За забором у входа в музей толпится человек двадцать–тридцать одиночек. В ногах у многих хнычут привезенные с собой дети. Посетители успели сами, без помощи администратора объединиться в группу и теперь выражают коллективный протест. Слышатся возгласы:

– Безобразия!.. У нас углочено!.. Полчаса под забором ждем!..

Лидия Ефимовна не пасует и старается держать ситуацию под контролем. Зычным кондукторским голосом она кричит, покрывая гомон посетителей:

– Тихо, граждане! Здесь вам культурный объект, а не что-либо!

Завидев приближающуюся Надю, она отворяет наконец скрипучую калитку:

– Ну вот, а вы шумели. Кто обилеченный, проходите.

Продолжая недовольно роптать, посетители вваливаются на территорию музея.

– Спокойно, граждане, имейте совесть! – сдерживает их администраторша. – Видите девушку? Сейчас вы все будете довольны.

Лидия Ефимовна знает, что говорит. Едва только Надя выходит на первый план, как посетители затихают, словно по волшебству. Первые мгновенья знакомства их с экскурсоводом проходят в безмолвном восхищенном лицезрении. В наступившей удивительной тишине слышно только, как просится сикать чье-то неразумное дитя, но и оно, получив затрещину, умолкает. Это дежурное чудо случается всякий раз, когда Надя выходит на группу, и, в сущности, не стоит ей никаких усилий.

Пока группа любятюся ею, Надя изучает группу. Время, однако, установить словесный контакт. Наденька представляется. Голос ее, мелодичный, свежий, вполне гармонирует с внешностью.

– Очень приятно... – блеют в ответ из группы.

– Мне тоже приятно, – говорит Надя, – приятно приветствовать вас в музее-усадьбе великого русского писателя Почечуева, культурно значимом и в то же время красивейшем уголке Подмосковья.

Посетители завороченно кивают – и будут кивать так еще полтора часа. Кивает даже Лидия Ефимовна, которая, пятясь, отходит в сторонку.

Надя ведет свою группу аллеей между старых кряжистых лип. На ней штапелевый, собственного пошива сарафан, сзади весьма открытый. Чувствуя взгляды посетителей, она поводит лопатками, как от легкой щекотки. Дорожка, посыпанная мелким желтоватым щебнем, приятно хрустит под ногами...

Поляна перед Главным усадебным домом зеленеет ухоженной травкой и красиво обрамлена цветочными клумбами. Посреди нее высится огромное дерево – дуб, рассеявшийся пополам от удара молнии. Неохватный ствол его внизу обнесен свежескрашенной голубой оградкой. Здесь Надя оборачивается лицом к группе.

– Подтягивайтесь, товарищи! – говорит она. – Прошу обратить внимание на это дерево. Это знаменитый почечуевский дуб. Под ним классик сиживал в часы раздумий. «Об утреннюю пору и на вечерней заре люблю я побыть с ним наедине. Сюда же, зная эту мою слабость, приходят ко мне, несут свои чаянья деревенские крестьяне. Выслушивая их, я думаю: мы с народом как этот дуб – едины корнями, но разбиты надвое силою исторических судеб. Срастемся ли мы когда-нибудь?..» Так писал Почечуев об этом дереве. Оно относится к распространенному в средней полосе подвиду дуб черешчатый.

Пока она говорит, ребенок, хотевший сикать, ныряет под оградку и пробирается в расселину мемориального дуба. С благословения своей мамы он справляет там малую нужду.

Экскурсия продолжается.

– Теперь, товарищи, – говорит Надя, – мы приступаем к осмотру нашего основного объекта. Это дом, в котором писатель жил и творил в летнее время года.

Она ведет посетителей в Главный дом, и опять им открывается вид ее прелестной спины. Еще неизвестно, что в этом музее является основным объектом. Что касается дома, то он, по правде говоря, представляет собой типичное помещичье жилище, в свое время распространенное в средней полосе чаще, чем дубы черешчатые. Великий Почечуев ведь был простым помещиком – не считая раздумий у дуба и литературных занятий, он жил нормальной помещичьей жизнью.

Наденька даже думает (хотя и не говорит об этом посетителям), что при Почечуеве жизнь в его доме была намного скучней, чем сейчас. Только эта сегодняшняя интересная жизнь спрятана от чужих глаз. Лестница, ведущая на второй этаж, перетянута веревочкой, на которой висит табличка «Посторонним вход воспрещен». Там, в мезонине, Наденьку ждет чай с Кронфельдом и увлекательные беседы на ученые и иные темы.

Впрочем, и внизу, в экспозиционных комнатах, Надя умеет не заскучать. Здесь, словно добрые знакомцы, глядят на нее со стен разные исторические личности. Писатели, их родственники и даже жены смотрят на Наденьку благосклонно, а она в остеклении их портретов видит свое прелестное отражение. Здесь можно простить Почечуеву его допотопную выпренность, помноженную на благоглупость экскурсионной методички. Зато как певуча речь Наденьки, как правильно она интонирована.

Для нее как для экскурсовода важно, чтобы посетители прониклись культурным значением места. Тогда они тише себя ведут и меньше задают дурацких вопросов. Хотя без вопросов, конечно, все равно не обходит-

ся. Больше всего, как всегда, посетителей интересует мебель.

– Скажите, а правда, что Почечуев сидел на этом диване?.. Скажите, он кушал за этим вот столом?

– Правда, – отвечает Надя. – Очень возможно, что кушал.

Посетители разглядывают столы, этажерки и шкафы-чики, трогают их украдкой руками. Великий писатель становится им чуточку ближе.

– А теперь, – объявляет Надя, – мы пройдем в спальню, где Почечуев отдыхал и где скончался. Кровать, на которой это случилось, подлинная.

Кроме дуба и Главного дома беглому наружному осмотру подвергаются некоторые другие усадебные строения. Бывшая людская, где и теперь обретается музейский плесб: лесопарковый отдел и милиция; бывший гостевой флигель, в котором разместился директор Протасов со своим многочисленным штабом; и бывшая конюшня, впоследствии надстроенная, где сейчас располагается отдел советской литературы, временно выселенный из-за угрозы обрушения. Заканчивается экскурсия напротив усадебной церкви Спаса Нерукотворного, подле которой под скромным белокаменным крестом писатель Почечуев погребен.

Но могила классика не возбуждает в посетителях такого любопытства, как мебель в Главном доме; их головы уже перегружены культурной информацией. Сейчас Надя простится с ними и отправит их самостоятельно гулять по мемориальному парку. Разбитый над речкой старый почечуевский парк больше напоминает лес, чем парк, но этим он и хорош. В нем все безусловно подлинное: и вековые деревья, и птицы, поющие высоко в кронах, и воздух – стоячий, крепко пахнувший хвойной прелью. Пусть посетители погуляют; на то здесь и парк, чтобы люди гуляли. Все равно –

не найти им в своих прогулках Надиного заветного родничка.

Про это место молчит методичка и не сказано ни в одном путеводителе. В самой старой, глухой части парка, где сосны стоят доисторической величины и где что ни дуб, то почечуевский, – там, замаскированный в лесном подшерстке, занавешенный паутиной, прячется маленький сырой овражек. И даже в полную сушь по дну овражка беззвучно скользит тоненький ручеек. Путь его недлинный: начало он берет в земляной чаше размером не больше банной шайки, а через тридцать метров впадает уже в речку, которую саму-то едва разглядишь в прибрежных кустах. Ручеек прихотлив и ломок: наступи ногой – и стеклянная струйка расколется, а после уже не найдет своего русла. Но есть у ручейка защита: деревья, обступившие овражек, крепят корнями водоносную почву и прячут ручеек от посторонних глаз. Наденька держит это место в секрете.

Группа тепло прощается со своим экскурсоводом. Эти люди больше не увидят Надю, но надолго сохранят в памяти ее образ.

В хорошем настроении неспешным прогулочным шагом возвращается она в Главный дом. Когда Надя войдет в отдел, Кронфельд оторвется от научной работы и скажет: «Наденька! Что бы мы без вас делали!» Ей станет приятно. Так легко, с приятностью день и продолжится. В промежутках между экскурсиями Надя будет, например, выписывать в помощь Кронфельду нужные цитаты или просто вести за чаем содержательные разговоры. А вечером начальник уложит книги и рукописи в свою холщовую стильную сумку и попрощается. «Пока!» – скажет он всем, и в том числе Наденьке, хотя она знает, что Кронфельд будет ждать ее в парке на лавочке. Вот уже месяц, как она ходит с работы пешком.

ОТБИВНАЯ НА УЖИН (продолжение)

– Время, однако... – сказала Надя вслух, и в голосе ее прозвучало легкое беспокойство.

Какое время она имела в виду? То, что показывала микроволновка, не совпадало со временем, которое высвечивалось в плите, хотя, впрочем, расхождение было несущественное. Даже с учетом погрешности приборы были едины в главном: минимум полчаса уже, как Нефедову полагалось быть дома. Но может быть, Надя упомянула время в более широком смысле. Она ведь стояла, приводя себя в порядок, перед зеркалом, а именно в такие минуты время является женщине в своем философском качестве.

Надя со временем не кокетничала – она сражалась с ним в честном бою. Хотя какой же это был честный бой – в лучшем случае организованное отступление. Ну а могло ли быть иначе, если весь Надин малокалиберный арсенал умещался на полочке в ванной да еще частично в прикроватной тумбочке.

Время шло; с небольшими вариациями, но оно шло и в микроволновке, и в плите, и в наручных Надиных часиках. Победить его лишь однажды смог советский электронный будильник, кем-то подаренный Нефедовым на свадьбу. Этот будильник остановился в первые же дни их совместной жизни и, сколько его ни трясли, больше так и не пошевелил стрелками. Может быть, он хотел до бесконечности продлить Нефедовым их медовый месяц, но это, конечно, было бы утопией.

ДЕНЬ В МУЗЕЕ (продолжение)

В Главном доме Надя ныряет под веревочку с предупреждающей табличкой и по служебной лестнице поднимается в мезонин. Однако там на ее пути возникает неожиданное препятствие. Коридор мезонина перегороден большим письменным столом. На этом столе, явно взятом из музейных запасников, сидят, тяжело дыша, Питерский и его племянник.

– Ай-яй-яй! – говорит Надя. – Стол-то мемориальный!

– Это не страшно, Наденька, – снисходительно улыбается Питерский.

– Мы ж его не домой ворует, – поясняет Шерстяной.

– Он из той мебели, что после пожара осталась.

Зав «мемора» говорит о пожаре, случившемся в почечуевской усадьбе еще в двадцатых годах. Те артефакты, которые тогда не сгорели полностью, ждут реставрации до сих пор, сваленные как попало в фондах. Приглядевшись, Надя замечает, что у стола действительно один край обуглен.

Отдышавшись, дядя с племянником снова берутся за стол с противоположных концов.

– Взяли?

– Взяли...

Край столешницы вдруг отрывается от тумбы, и стол обрушивается на пол.

– Что здесь происходит?.. Что за тагагам?..

Одна из дверей в коридоре приотворилась, и из нее показывается женская босая ножка; выше появляется заспанное лицо.

– Тише, пожалуйста! Здесь люди гхабо-отают! – тихо негодует дама, однако, увидев Питерского, быстро исчезает.

– Что? Я вам, р-работнички!.. – злобно рычит Питерский. Он раздосадован поломкой стола.

Шерстяной хихикает.

Грассирующая особа – это подчиненная Питерского, сотрудница меморотдела. По должности она методист, а по фамилии Попа. Фамилия обыкновенная молдавская, но женщина хотела бы поменять ее на фамилию мужа. К сожалению, мужа у нее нет; Попа несчастлива в любви – быть может, оттого, что она существо слишком возвышенное. Склад души у нее поэтический, между тем как с прозой у Попы дела обстоят неважно. Она пишет высокопарные, но пустые методички, судя по которым Почечуев только тем и занимался, что почивал в разных местах либо сиживал. Это, наверное, потому, что Попа сама любит сиживать, а особенно почивать.

Но вот наконец-то Наде удастся попасть в свой отдел. В комнате, где и следа уже не осталось утреннего застолья, находятся двое: Кронфельд и Живодаров, приехавший сегодня раньше обычного. Оба не замечают парящего в углу электрочайника – первый потому, что всецело погружен в работу, второй – в силу особенностей своей психики. Живодаров знающий экскурсовод, но месяца по три в году он проводит на лечении в психиатрической клинике. Диагноз его в точности неизвестен – то ли шизофрения, то ли психопатия, а может быть, то и другое вместе. Во всяком случае он умеет произвести впечатление на музейных посетителей. У Живодарова черная как смоль борода и внешность оперного злодея; когда он рассказывает о Почечуеве, взгляд его прямо-таки сверкает.

Бывает Живодаров страстен и в неслужебное время. Например, однажды на вечеринке по поводу Международного дня музеев он подрался с Шерстяным. Случилось это после застолья, когда, закусив и выпив, сотрудники по обыкновению устроили в Советском отделе

всеобщие танцы. Было весело, каждый самовыражался под музыку, как умел, и всех, конечно же, затмевала Наденька. Только один Живодаров оставался сидеть за столом, с мрачным видом вливая в бороду рюмку за рюмкой. Но вдруг он поднялся и, с грохотом отшвырнув стул, шагнул в круг танцующих. На глазах изумленных сотрудников Живодаров приблизился к Наде и подхватил ее на руки. Из груди его вырвалось нечеловеческое рычание.

– Похищение Европы! – воскликнул Питерский.

Кто-то из сотрудников засмеялся, кто-то, как Кронфельд, осудил Живодарова за дурные манеры. И только Шерстяной не раздумывая бросился Наде на выручку. Он вырвал девушку из лап безумца, после чего между ними произошла та самая знаменитая драка. Само сражение было непродолжительным, потому что Живодаров первым же ударом уложил Шерстяного на пол. Но хотя добро было повержено, зло не успело восторжествовать – с Живодаровым после драки сделался эпилептический приступ, и его пришлось вынести на воздух.

Это происшествие, конечно, еще долго обсуждалось в музее. Однако с тех пор Живодаров пребывает в ремиссии и ведет себя почти как нормальный человек. Драк, припадков и эротических покушений он больше не устраивает, хотя, правда, регулярно забывает выключить чайник.

День продолжается. Неспешное музейное время совершает свое плавное течение. Ветерок из открытого окна перевертывает страницу книги – Надя читает воспоминания внучатой племянницы Почечуева. И все бы хорошо, но тишину в отделе нарушает регулярный надоедливый стук: Живодаров на своем столе колет сахар для чаепитий.

– Где вы берете эти головы? – не выдерживает Кронфельд.

– Извиняюсь, – бурчит Живодаров.

Он спребает сахар в кулек и с горячей кружкой выходит из комнаты.

– К Питерскому пошел, – предполагает Надя.

– Что ж, им есть о чем поговорить...

Кронфельд и Надя иронически улыбаются. Дело в том, что Питерский с Живодаровым – приверженцы одной известной в кругах специалистов ненаучной теории. Речь о якобы существующем неопубликованном романе Почечуева под названием «Провозвестие». Слухи об этом романе ходят с тех пор, как возникло почечуевоведение. Дескать, на склоне лет классик создал грандиозное провидческое произведение, в котором предсказал и русско-японскую войну, и много чего другого. Подтверждения этим слухам никакого не было, хотя после революции культурный отдел ВЧК производил в усадьбе тщательный обыск. Потом в Почечуеве создан был музей, после чего здесь и случился большой пожар. Если рукопись «Провозвестия» существовала и укрылась от ВЧК, то от огня она едва ли спаслась. Впрочем, серьезные ученые полагают, что «Провозвестие» Почечуева не более чем миф. В гроб этой ошибочной теории вбил свой гвоздик и Кронфельд. Изучая источники и разные мнимые свидетельства, он нашел в них массу противоречий и несоответствий. К тому же он в принципе отрицает, что художественная литература способна что-либо провидеть и провозвещать. Этой же научной точки зрения придерживается и Наденька. Она стоит на тех же позициях, что и Кронфельд, а с такими деятелями, как Живодаров и Питерский, быть заодно не хочет.

На некоторое время в комнате воцаряются тишина и покой. Однако музей – это все-таки не курорт, а место службы. С таким напоминанием очень скоро является Лидия Ефимовна.

– Кто на группу, товарищи? – строгим тоном спрашивает она.

Вопрос, как говорится, интересный. Надя вела последней, а где болтается Щерстяной, неизвестно. Перегнав стол дяде Питерскому, он уже выполнил на сегодня свою трудовую норму. Кронфельд поднимает задумчивый взгляд.

– Наденька, вы не поищите нашего бородатого друга?

– С удовольствием.

Оставив администраторшу дожидаться, Надя отправляется в «мемор». Там у Питерского свой маленький отдельный кабинетик, где она и надеется найти Живодарова. Так и есть – его хриловатый голос слышится еще из-за двери. Живодаров говорит на повышенных тонах – похоже, они с Питерским о чем-то спорят. Впрочем, Надя не собирается подслушивать; она толкает дверь и входит в кабинет. Картина перед ней открывается довольно странная: стол, принесенный из фондов, так и не собран. По полу разбросаны его деревянные части и разнокалиберные ящички. В один из этих ящичков с двух сторон вцепились Живодаров и Питерский.

– Отдайте! – рычит Живодаров. – Я первый нашел!..

Он тянет ящик к себе, но Питерский упирается:

– Черта с два! Стол мой, а значит, и все в нем мое...

– Стол не ваш, а казенный!

– Тем более!

– Что тем более?!

– Минуточку, граждане! – встревает Надя. – Что тут у вас происходит?

От неожиданности Живодаров выпускает ящик, и Питерский падает с ним на спину. Наде становится весело.

– Товарищи, может быть, вы потом подеретесь? А то у Живодарова группа.

Надино появление остановило схватку. Мужчины раскраснелись и тяжело дышат, глядя друг на друга с ненавистью. Живодаров топорщит бороду:

– Ты у меня попомнишь... – обещает он хриплым голосом.

– Не смей мне угрожать! – взвизгивает Питерский. – У меня имя, а ты кто такой? Белобилетник!

Как бы то ни было, ящик остается у него. Когда Надя и Живодаров покидают кабинетик, Питерский все еще обнимает свою добычу обеими руками.

Живодаров найден, однако доставить его в отдел легче, чем привести в чувство. Взгляд его блуждает, борода безостановочно движется: он что-то зло и невнятно бормочет. Нет сомнения: Живодаров не в себе и экскурсию в таком виде вести не может. Надя вздыхает и при полном сочувствии Лидии Ефимовны отправляется на группу сама.

А когда она вновь возвращается в отдел, Кронфельд сообщает ей, что отпустил Живодарова с работы по состоянию здоровья. Ни Кронфельд, ни Надя не знают, что своего бородатого коллегу они увидят только через двадцать с лишним лет.

Впрочем, Надя не знает даже того, что случится сегодня вечером – после того как Кронфельд встретит ее в очередной раз в парке. Не знает, но думает об этом.

ОТБИВНАЯ НА УЖИН (продолжение-2)

Она сидела, отражаясь вместе с креслом в телевизионном экране. Отражение было смутное и вдобавок припудренное пылью. «Никто даже пыль не смахнет, – с горечью подумала Надя. – Весь дом на мне...» Однако идти за тряпкой сил уже не осталось. Рука ее потянулась к пульту... и безвольно опала.

СВИДАНИЕ НА МОРОЗЕ

Или все-таки он включился? Тьма телеэкрана разжигается до сумерек, так, будто в кофе пустили молоко. Белесые разводы, клубясь, собираются очертаниями какого-то интерьера. Вот показалось слепое зеркало – в нем ничего пока не отражается... Вот на тоненькой, не затвердевшей еще ножке заколебался торшер... Со стены уже смотрит писатель Хемингуэй; сейчас он усмехнется...

– Куда это ты собралась? – слышит Надя знакомый голос.

– Что за вопрос, мама! Разве мне нельзя?..

Еще немного, и Надя попадет на воспитательную беседу. Но нет – сегодня у нее в руке спасительный пульт. Надя жмет на кнопку, и ее опять окружает неясный клубящийся сумрак.

Снова ни времени, ни пространства... и только что-то щекочет, необыкновенно приятно щекочет ушко. Что это? Чье-то дыхание, чей-то страстный, прорывающийся в голос шепот. Слова в этом шепоте не важны, они лишь замена любовным стонам. Ей так хорошо... Наденька отвечает несвязным нежно-певучим лепетом...

Прижавшись друг к другу, двое сидят на пустой стадионной трибуне. Под ними – обледенелая скамья, а напротив – залитое лунным светом, заснеженное футбольное поле, вдоль и поперек простроченное собачьими следами. За полем – пустырь, тоже застланный снегом, и бетонный забор. А за забором, подальше, громоздятся, мерцая окнами, Жилдома. Только свет этих окон Надю с Игорем не согревает – он обращен вовнутрь, в комнаты с торшерами и коврами, в кухни, плотно укомплектованные чужим состоявшимся семейным счастьем.

Вдоль трибуны шарит ледяной ветерок; ищет мороз поживы и находит – прихватывает спрятанные под скамейкой ноги. Но не добраться морозу до сердца, не сковать его, молодое, горячее. Двое прячутся лицами в одном воротнике, пахнущем влажным песком и мамиными духами... и шепчут, и шепчут. Надя чувствует руку Игоря – как та пробирается к ней под пальто.

– Погрейся... – бормочет она пластилиновыми от мороза губами.

Надя хочет руке помочь; непослушными пальцами она пытается растегнуть пуговицу... но вместо этого нечаянно нажимает кнопку пульта.

ОТБИВНАЯ НА УЖИН (продолжение-3)

Она проснулась от холода. По ногам сквозило из открывшейся балконной двери. Надя взглянула на часики, и сердце ее упало. Сроки мужнего возвращения, те сроки, которым еще можно было бы сочинить оправдание, давно прошли. Праздничный ужин, труды – все пошло прахом. Это было хуже, чем пережарить мясо, – испорченное блюдо можно заменить другим, а мужа, не явившегося на годовщину собственной свадьбы, уже никем не заменишь.

То, что случилось, показалось ей глубоко символическим. Закрывая балконную дверь, Надя увидела в стекле свое отражение. На ней было надетое к случаю бирюзовое «мокрого» шелка платье с воланами на рукавах. «Нарядилась, дура...» – подумала Надя. Ей пришлось распахнуть глаза, чтобы не потекли слезы.

Однако безотносительно к печальным обстоятельствам нельзя было не отметить, что платье сидело на ней хорошо.

– К черту! – сказала Надя вслух.

Она пошла на кухню, решительно откупорила бутылку вина, налила полбокала и залпом выпила.

– Не раскисать! – приказала она себе.

Надя съела конфету, потом опять выпила. В результате она все-таки раскисла. Некоторое время она просидела за столом, подперши рукой щеку, а когда отняла ладонь от лица, то увидела на ней черные разводы туши... Нет, дальше так продолжаться не могло – нужно было что-то делать. Надя встала, уронив табурет, и пошла в ванную умываться. Там ее взгляд упал на корзину с нестираным бельем... и решение было принято. Спустя какие-то минуты Надя уже топила в баке своей полуавтоматической «Эврики» первую закладку белья и с ним вместе воланы «мокрого» шелка. И в том же баке канули, растворившись, две или три остаточные слезинки.

Барабан старой «Эврики» постукивал, словно сердце. Когда его биение прекращалось, Надя меняла белье и запускала машину снова.

Игорь пришел на третьей закладке.

ВИНА ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ

Электронное дверное устройство определило ключ и запищало, оттирая подъезд. Открыв тугую железную дверь, Нефедов занес ногу в тамбур, но тут же убрал ее, чтобы не наступить на кота.

– Прошу прощения... – пробормотал он.

Кот был соседский, звали его Дизель, однако он сделал вид, что с Нефедовым не знаком.

– Что же ты? Выходи, – Игорь приглашающе распахнул дверь.

Дизель холодно посмотрел ему в глаза и неторопливо ступил на улицу.

– Вам туда, а нам наоборот... – усмехнулся Нефедов.

В ожидании лифта он думал о том, как его встретит Надя. Изобразит она такое же лицо, как у Дизеля, или набросится на него с криком? Надин гнев в его адрес мог выражаться по-разному в зависимости от тяжести им содеянного. Холодная встреча без поцелуя отвечала вине первой степени; бурная, со слезами – второй. Но только два или три раза в жизни Надин гнев достигал своего предела. Игорь помнил ее ненавидящий, испепеляющий взгляд и последующее многодневное, мучительное для него отчуждение. Впрочем, такой высшей меры наказания сегодняшняя провинность Нефедова, по его мнению, не заслуживала.

Лишь оказавшись в квартире, и то не сразу, Игорь понял, что положение его очень серьезное. Встречи не было никакой, а по дому в неурочный час разносился гул стиральной машины. По пути на кухню Нефедов чуть не упал, поскользнувшись в мыльной луже. Но когда на обеденном столе он обнаружил конфеты, бутылку вина и бокал со следами помады – только тогда его сердце екнуло. Игорь хлопнул себя по лбу и медленно осел на табурет. Он вспомнил.

Нефедов сидел на том же месте, где часом ранее сидела Надя, – в той же позе и, возможно, со схожими мыслями. Был момент, когда ему, как и ей, показалось, что нужно действовать. Он уже почти собрался с духом – собрался, чтобы идти к Наде и молить ее о прощении. Но тут с «Эврикой» случился припадок отжима; в ванной свалился какой-то таз, и эхом его грому слышался Надин сердитый голос. Нефедов решил, что сейчас его извинения приняты не будут.

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

Все когда-нибудь подходит к концу, даже свадебное пиршество. Здравницы и положенные лобзания переходят мало-помалу в неразборчивые речи и поцелуи всех со всеми. Истошились запасы спиртного; съедены легкие закуски и закуски тяжелые; от конфет и фруктов остались кожура да фантики. Гости начинают расходиться. Парни в помаде, и хмельные девушки, и новоприобретенные родственники, прощаясь по очереди, выкатываются из квартиры, и подъезд салютует уходящим низким гулом перил. Выпито, съедено, сказано и станцовано, сколько просила душа; пожалуй, лишь песни спеты не все. Эти песни слышны еще за окнами в рассветных улицах, а родители невесты, принявшие на себя удар, пытаются уже залечивать раны своего истерзанного жилища.

Это время, когда молодым полагалось бы удалиться в брачные чертоги, усталые коврами. Только за всеми предсвадебными хлопотами, за суетой и бесконечными родительскими совещаниями чертоги эти не успели приготовить в срок. Смешно, но свою первую ночь новоиспеченные супруги вынуждены провести врозь – в своих прежних добрачных постельках.

А весь следующий день, вместо того чтобы провести его в неге и объятиях, молодожены с четверкой родителей таскают свой приданный скарб на улицу Островского. Там для них в доме номер семнадцать дробь три у владелицы Лидии Ефимовны Спириной снята на время комната. Они носят посуду, телевизор, постельное белье – словом, все, без чего даже во временном варианте немислимо семейное счастье. Весь день родители хлопочут, исполненные ревнивой заботливости, суетятся и вежливо препираются, но к вечеру у них, у всех четверых одновременно, будто кончается завод. Вдруг

погрустнев, папы и мамы прощаются с теперь уже бывшими своими питомцами и, взявшись попарно за руки, уходят к себе, в свои опустевшие квартиры.

Эстафету у них принимает Лидия Ефимовна. Ее новые жильцы должны сразу знать, что женщина она добрая, но вдовая и держится строгих правил и что среди многих недугов, которыми она страдает, есть один редкий под названием клаустрофобия. В силу последнего Лидия Ефимовна предпочитает держать открытыми все двери в доме, включая и ту, что ведет в комнату жильцов. Солнце почти уже закатилось, а хозяйка продолжает посвящать их в распорядок ее собственной жизни, сложный и прихотливый, как у всех бессемейных пожилых женщин. Молодые узнают, во сколько Лидия Ефимовна уходит ко сну, и когда встает по утрам, и даже, зачем-то, о том, что она любит кушать на завтрак. Повествование ее прерывает только невесть откуда взявшийся рыжий большой кот. Зыркнув на незнакомцев, кот с сиглым мяуканьем бьет Лидию Ефимовну в ногу широким лбом.

– Ах, господи, засиделась! – спохватывается хозяйка. – Еще один постоялец явился.

С приходом кота Лидия Ефимовна временно теряет интерес к новым жильцам и удаляется на свою половину, полуприкрыв все-таки за собой дверь. Впервые с тех пор, как они сделались мужем и женой, Игорь и Надя остаются наедине. Уста их сливаются в долгом поцелуе, в котором, однако, чувствуется скорее облегчение, нежели любовная страсть, – так целуются люди после долгой разлуки. И действительно, если вдуматься, Игорь с Надей были разлучены всю их предыдущую жизнь; судьбы их, хотя и сблизившиеся на протяжении трехгодичного и отчасти конспиративного романа, по-настоящему соединились только теперь. Сейчас они ощущают в себе усталость, словно после дальней дороги, – усталость, лучшим лекарством от которой мог бы стать обо-

юдный покойный сон. Но что ни говори и как ни зевай, а предстоящая ночь должна пойти первой в зачет их супружества. Мобилизовав молодые ресурсы, Игорь с Надей приносят скромную, но, как им кажется, необходимую жертву на брачный алтарь.

Алтарь этот в виде дивана-книжки стоит, как и положено дивану, спиной к стене. Но где бы, в каком бы углу комнаты ни располагалось ложе молодых супругов, оно всегда занимает в ней центральное место. И важность его не в одной лишь услуге, оказываемой в законные минуты страсти. Главное значение супружеской постели в том, что она также соединяет мужчину и женщину во время ночного покойного сна и в мирные часы созерцательного полубдения перед экраном телевизора. Строго говоря, именно постель образует из двух человек семью. Когда молодые тела, повернувшись на один бок, вложатся одно в другое, словно тележки в универсаме, или когда два взгляда обратятся в одну сторону и четверо глаз разом озарятся общим голубым отблеском, тогда-то и отлетит тихий ангел – благовестить о рождении новой семьи. Что будет потом – выйдет ли из двух тел, увязанных общей простыней, крепкий плот – это покажет время. Однако начало положено.

На протяжении их долгой любовной истории Игорь не раз представлял себе сцену этой ночи. Сбылись ли его фантазии?.. Тьма наполнила комнату, зачехлив все ненужные, лишние декорации. В тишине утонули звуки – даже Лидия Ефимовна, то ли затаившись, то ли одолев наконец бессонницу, перестала возиться и кашлять на своей половине. Спит и Надя; однако плоть ее продолжает чутко и счастливо отзываться каждому прикосновению. Как река, нашедшая свой берег, любимая по-детски доверчиво прильнула к Игорю всем телом. Ее голова покоится на его руке; рука эта давно затекла, но Игорь боится пошевеливаться. В потемках витает запах чужого

дома, и где-то пощелкивают хозяйские ходики, отмеряя минуты наступившего счастья. Минуты эти одна за другой проходят, неразличимые в потемках, но тщетно Игорь пытается узнать среди них ту, главную, которую следует запомнить на всю оставшуюся жизнь. Сказать по правде, он немного разочарован, как однажды в далеком детстве, когда на садовском новогоднем утреннике по каким-то техническим причинам не загорелась елочка. Минуты идут; Игорь лежит, не смея вздохнуть и ворочаться. Постепенно, незаметно для себя, он отправляется вслед за Надей в область бессознательного.

Зато следующий день проходит просто замечательно. С утра молодожены ходят вместе по магазинам, где издерживают первые их общие пять рублей. Пообедав в кафе (рубли восемьдесят на двоих), они возвращаются к себе, на улицу Островского. До вечера им скучать не приходится: они благоустраивают свое временное гнездышко, пьют на хозяйской кухне чай с поученьями и между делом нечаянно совершают два рискованных акта любви. Практически их застукав, Лидия Ефимовна ограничивается лишь сдержанным замечанием, что всему есть Богом отведенное время. Ближе к вечеру, когда остальное человечество, холостое и давно обженившееся, возвращается с работы, новобрачные делают визиты родителям. Дорогой им доставляет удовольствие раскланиваться со знакомыми.

А потом наступает то самое, Богом отведенное время. И Богом отведенное место ждет, чтобы снова принять молодых супругов. Диван приглашающе растворен; он и вправду напоминает открытую книгу – открытую на вчерашней странице. И завтра, и впредь он будет открыт на этой же странице, пока не отнимется у Игоря с Надей любовь. А если такое случится, диван захлопнется, погребет их в себе, потеряет, как закладки, засушит и забудет, словно два листочка, не пригодившихся в гербарий.

ВИНА ТРЕТЬЕЙ СТЕПЕНИ (продолжение)

«Чета эстрадных знаменитостей объявила о том, что их брак себя исчерпал.

– Мы расходимся, но не развенчиваемся, – сообщила певица нашему корреспонденту. – Отныне каждый из нас будет жить своей жизнью.

Корр.: Публика заметила, что вы надели кольцо на другую руку...

Певица: От людей ничего не скроешь! (Лукаво смеется.) Вот думаю поехать куда-нибудь развеяться...»

Нефедов брезгливо отшвырнул газету.

Гудение стиральной машины смолкло несколько минут назад, зато из комнат теперь доносилась перебранка. Реакция второго уровня: Надя отчитывала дочь за позднее возвращение. Но до чего неприятными бывают голоса у женщин, когда они злятся...

Игорь встал из-за стола и прошелся по кухне. Странно, но голода он совершенно не чувствовал. В сковородку он заглянул лишь затем, чтобы удостовериться... так и есть – опять отбивная. У кого-то поразительное отсутствие фантазии...

Нефедов плеснул вина в Надин бокал и выпил, отвернув от себя испачканный в помаде край. Вино показалось ему безвкусным, а от бокала пахло парфюмерией...

– Привет, папуля!

Он поднял глаза.

– Ну, здравствуй...

Явилась искать в нем тактического союзника? Прочиталась, милая.

– Откуда ты в таком виде?

Катя оскорбленно поджала губы:

– Я же тебя не спрашиваю – откуда ты!

– Еще бы ты спрашивала, – нахмурился Нефедов.

У Кати в глазах показались слезы. Сейчас было можно плакать, потому что ей все равно предстояло умываться.

– Не переживай, – усмехнулся Нефедов. – Паны дерутся, у хлопцев чубы трещат.

– Я вам не хлопец, – всхлипнула Катя, – я ваша дочь... Хотя бы конфетку я могу взять?

– На здоровье.

Одну конфету она положила в рот, две других про запас спрятала в кулачке. Больше на кухне ее ничто не удерживало.

– Шпокойной ноши, па!

– И тебе того же.

Раздражение не унималось – смутное, обычно не свойственное раздражение, на которое именно сейчас Нефедов не имел никакого права.

«Душно у нас» – это сказала рыжая Леночка. «Надо поехать куда-нибудь развеяться», – шепнула на ухо эстрадная певица.

Нефедов снял тапки и в носках бесшумно прокрался в переднюю. Там он тихо обулся и незаметно, не остановленный никем, ушел из дома.

Часть вторая

УЛИЦА СЛУЧАЙНАЯ

Небо над городом было усеяно звездами – так, будто кто-то салютовал в него манной крупой. С виду могло показаться, что им там даже тесно – множеству светящихся крупинок-объектов в обозримом пространстве космоса. Однако Нефедов знал, что на самом деле объект от объекта, звезда от звезды, отстоят во Вселенной на немыслимые расстояния.

Впечатление зависело от местонахождения наблюдателя. С околоземной орбиты город наш выглядел небольшим скоплением приятно мерцающих огоньков где-то к северу от галактики Москва. Но если бы наблюдатель переместился вниз, в самые эти ночные улицы, он бы подумал, что снова попал в космос. Здесь от окна к окну не передавалось ничего, кроме света, ослабленного задернутыми шторами. Случайный контакт между объектами, блуждавшими в ночи, был тут возможен лишь в форме столкновения с непредсказуемыми последствиями.

Пуст и безлюден был город. Одни только кошки, хвостатые и загадочные, как кометы, двигались по своим сложным орбитам. Откуда-то издали доносилось безумное скандирование футбольных фанатов, вернув-

шихся московской электричкой. На душе у Нефедова было беспокойно, но не кошки и не фанаты были тому виной. Он шагал из улицы в улицу, каждой присваивая название. Улица Раздражения сменялась улицей Тоски, а оттуда уже оставалось рукой подать до улицы Сожжения мостов. Игорь шел твердой поступью человека, не желавшего походить на странствующего пьянчугу, но, объективно говоря, на данный момент он таковым и являлся. «Разветься надо! – повторял он как заклинание. – Мне надо разветься...» Однако улица Разветвения никак не попадалась.

Позади остались Жилдома, заводской многоэтажный «спальник», где Нефедов прожил-проспал большую часть своих лет. Кончились фонари, худо-бедно освещавшие дорогу; а сама дорога стала разнообразнее. Под каблуками то глухо тупала плотно убитая почва, то хрустел крупномолотый гравий. Этот гравий от века сыплют в дорожные ямы жители нашего частного сектора. Путь слабовато подсвечивали только нечастые окна маленьких бесформенных, безликих домиков. Номера этих домиков вряд ли помнили сами хозяева, да и названия улиц – настоящие – были стерты на их фронтонах. Однако Нефедову казалось, что, несмотря на потемки, он достаточно хорошо тут ориентируется. Ему верилось, что уже скоро должна была показаться улица Островского, на углу которой в доме семнадцать дробь три они с Надей квартировали в первый год после женитьбы. Для него эта улица навсегда оставалась улицей Счастья, потому что тот год был лучшим в его жизни, а возможно, и в Надиной жизни тоже.

Там, на Островского, Игорь, наверное, покурил бы у знакомого заборчика, постоял бы, подумал да и двинулся бы обратно в свои Жилдома. Вернувшись домой, он в носках прокрался бы в спальню, тихо разделся бы и скользнул в постель, постаравшись не спровоциро-

вать Надю касанием. Назавтра, много через неделю, их семейное бытие вошло бы в привычную колею, и случай с неотпразднованной годовщиной изгладился бы постепенно в памяти.

Однако попасть на заветную улицу в эту ночь Нефедову было не суждено. Совершенно случайно его шаги и мысли перенаправило одно явление, довольно пока необычное для нашего частного сектора. Справа по ходу, за темной грядой домов, Нефедов внезапно заметил странное бело-голубое сияние. Казалось, что там не ко времени и в неполюженном месте занялась вдруг небесная заря. Без мысли, движимый чистым любопытством, Нефедов повернул стопы. Он шел на свет, подобно ночному мотыльку, и не остановился, даже когда понял, что свет этот искусственный. «Заря» получалась от множества фонарей, внутри и снаружи освещавших грандиозное подворье, обнесенное кирпичным забором, похожим на крепостную стену. В единственном проеме забора были устроены мощные самоходные броневорота, которые, впрочем, были на тот момент раздвинуты. Из ворот торчал внушительных размеров автомобильный зад с отверстым багажником. В машине копался какой-то мужчина, извлекавший на свет большие магазинные пакеты. Заслышав чужие шаги, мужчина обернулся и смерил Нефедова подозрительным взглядом. Но в следующую секунду выражение его лица переменилось.

– Ба! Кого я вижу! – просиял он.

Нефедов остановился в недоумении. Мужчина бросил свои пакеты и распахнул для объятий руки:

– Здорово, Гарик! – воскликнул он. – Неужто своих не узнаешь?

Лишь теперь Игорь понял, кто перед ним. Мужчина с пакетами был не кто иной, как Толя Хохол. Они обнялись.

– Ну как ты? – спросил Толя. – И что это бродишь так поздно?

– А ты что тут делаешь?

– Я?.. Вот гонял за боеприпасами. Босс, понимаешь, гуляет... – Хохол кивнул в сторону трехэтажного особняка, видневшегося в проеме ворот.

– Босс, говоришь? И кто же он?

– Будто не знаешь? – удивился Хохол. – Галя, конечно. Это ж его поместье.

Нефедов нахмурился:

– Галя... Но ведь он, кажется, бандит... Ты что ж это – у него шестеришь?

– И вовсе не шестерю, – обиделся Толя. – Если хочешь знать, я здесь типа управляющий. И вообще он от старых дел отошел – у Гали теперь типа бизнес.

– Понятно, – усмехнулся Нефедов. – От дел отошел и построил домик... Ладно, передавай ему привет.

Он протянул Толе руку для прощания, но тот удержал его ладонь в своей.

– Как это так – «передавай привет»? Давай уж ты сам! Галя гуляет, он тебе рад будет. Все равно ты, я вижу, без дела шатаешься.

Игорь заколебался. С Галей они не виделись лет пятнадцать – с тех самых пор, когда у того начались «дела», от которых он якобы теперь отошел.

– Пальцы-то... он не станет? – засомневался Нефедов.

– Чего?

– Растопыривать.

– Ну что ты, – успокоил Толя. – Галя мужик простой.

Он подтолкнул Игоря в сторону особняка:

– Шагай смелей, Гарик! Мы собак еще не спускали.

Очутившись во дворе, Нефедов понял, отчего хозяйская машина торчала багажником из ворот. Площадку перед домом занимал красный автомобиль Ксенофонта.

- Давно с ним не виделся, – пробормотал Игорь.
- Видишь, – откликнулся Толя, – а ты не хотел зайти.

Спрятанными где-то фотоэлементами дом почуял их приближение и дополнительно осветил парадное крыльцо. Но Толя на крыльцо не пошел, а повел Нефедова крутом – куда-то за угол. Там оказался еще один вход, уже без фотоэлементов. Здесь Хохол, у которого руки заняты были пакетами, без церемоний постучал в дверь ногой.

- Галка!.. – крикнул он. – Открывай, где тебя носит!..

Нефедов готов был уже встретиться лицом к лицу с «боссом», но... дверь отворила женщина.

- Знакомься, Гарик, – сказал Хохол. – Она тоже Галка.

- Очень приятно... – удивленно пробормотал Нефедов.

«Тоже Галка» ничего не ответила, а лишь взглянула на вошедших карими матово-блестящими глазами.

- Жинка моя, – пояснил Толя. – Землячка с Украины.

- Поздравляю, – вежливо вставил Нефедов. – Деток не завели еще?

- Двое! Что-что, а это предприятие у нас работает.

Хохол с гордостью пришлепнул жинку по изрядному заду. Зад ответно вздрогнул, но хозяйка его, кажется, смутилась. Так ничего не молвив, она забрала у мужа пакеты и, сильно топая, ушла с ними куда-то вглубь дома.

- Я ее с хутора взял, – подмигнул Толя. – По-москальски разговляет неважно, зато в деле хороша. И с нашими собаками, кроме нее, никто не может управиться – звери, а не собаки.

Сбыв продовольствие своей хуторянке, Хохол повел Нефедова в жилые покои. Путь туда пролегал через устланый коврами холл и комнату, увешанную картинами реалистического письма.

- Культура-мультир, – заметил Хохол, не останавливаясь.

Откуда-то уже слышался энергичный хрипловатый баритон:

– Ты мне не дрыхни в натуре! Пришел в гости, так давай базарить... Слышь, что ли? Сейчас Галка кофе подаст.

– Нам сюда, – сказал Толя.

Середину комнаты, в которую они вошли, занимал огромный белокожаный подковообразный диван. Одно крыло дивана занимал своей грузной фигурой хозяин дома, а другое – Ксенофонов, лежавший навзничь с открытыми глазами. Их разделял стеклянный низкий стол с остатками трапезы.

– Нет, ты видал, Хохол? Сложился! Упал, как кегля...

Эти слова были сказаны прежде, чем хозяин сообразил, что вошедших двое. Когда же он разглядел Нефедова, то шумно его приветствовал, впрочем не отрывая зад от дивана.

– Га-арик!.. Сколько лет, сколько зим!.. А мы тут маленько пьянствуем. Присоединяйся к нам, не побрезгуй, не гляди, что мы плохо воспитаны...

– Говори за себя! – неожиданно ясным голосом возразил Ксенофонов. Положения тела он, однако, не изменил.

В комнату вошла украинка Галка и, ни слова не говоря, принялась наводить порядок на столе. Двигалась она без особого изящества, но мужчины притихли, с интересом за ней наблюдая. Выставив чистые рюмки, Галка подкатила к столу бар на колесиках и удалилась.

– Повезло Хохлу с бабой, – заметил хозяин. – Главное дело, помалкивает – не то что другие прочие.

– Ты тоже женат? – поинтересовался Нефедов.

На Галино лицо набежала тучка.

– Женат... Я свою в нашем стриптиз-клубе надыбал, а надо было, как Хохол, с хутора брать. Ноги от ушей, а сама дура душой...

– И где же она сейчас?

– Слава богу, в Испании. Силикон себе новый вставила – и к морю... Ничего, вот детей ей заделаю – будет знать, как по курортам шастать.

– А сам-то ты как? Толя говорит, ты вроде вышел из своего профсоюза?

– Так и есть... – Галя вздохнул с печальной усмешкой. – Теперь я типа на дембеле. Да и с кем воевать? Братва моя полегла смертью храбрых, а кто уцелел, все теперь в бизнесе.

– И ты, значит, тоже?

– Что я, хуже людей? Вот, магазин открыл – торгую стройматериалами.

– Интересное дело.

– А то! Доска шпунтованная, тес, вагонка... Я тут и к культуре приистрастился. Видал мою галерею? Как у Армани стал одеваться, так меня это дело и засосало. Бабе силикон да цацки, а мне живопись подавай...

Демонстрируя свою тягу к культуре, хозяин достал из бара бутылку текилы. Толя с Нефедовым возражать не стали, хотя предпочли бы водку. Ксенофонтову было все равно, что пить, но он никак не мог принять вертикальное положение.

Но разговор получался и под текилу. С первой же рюмкой нахлынули воспоминания – как оно и должно быть у старых, давно не видевшихся приятелей. Потом они перешли опять к текущей современности. Говорили о женах, о культуре, о шпунтованной доске. Беседа, как водится, шла с пятого на десятое, но Игорь чувствовал, что в душе его будто распускается какой-то туго завязанный узел. Он был готов уже поделиться с товарищами своими глубоко личными переживаниями и признаться им в том, что ушел час назад из семьи. Но внезапно хозяин дома перестал ему отвечать. Буквально на полуслове Галя уронил голову на грудь, а затем медленно повалился на спящего уже Ксенофонтова.

– В отрубе, – сочувственно прокомментировал Толя. – Они эту гадость из кактуса гонят...

Немного размыслив, Хохол объявил, что Галю и Ксенофонтова надо «уложить по-нормальному».

– Пойду к жинке, распоряджусь насчет постелей, – сказал он и вышел из комнаты.

Оставшись без собеседников, Нефедов налил себе еще текилы, выпил и впал в задумчивость. Еще немного, и он присоединился бы к спящим товарищам. Где бы ни разместила их на ночь чета хохлов, утром Нефедов и Ксенофонтов нашли бы друг друга и вместе на красной машине поехали бы на работу. И завод не заметил бы их помятых лиц, и все бы, наверное, обошлось. Но внезапно у Гали в нагрудном кармашке заиграл мобильник.

Галя на секунду перестал храпеть, почесал грудь, но не проснулся. Нефедов осторожно двумя пальцами извлек телефон из его кармашка и посмотрел на экранчик. Звонил Шерстяной. «Смотри-ка, – удивился Игорь. – У них с Галей какие-то дела». Нажав на зеленую кнопку, он приложил трубку к уху:

– Слушаю...

– Алло, алло, Галя! – залопотало в мобильнике. – У меня к тебе исключительное предложение...

– Я не Галя, – сказал Нефедов.

Голос Шерстяного пресекся.

– Правда?.. А кто вы, пардон?

– Галя спит, а я Нефедов.

– Нефедов! – обрадовался Шерстяной. – Здорово, Гарик! А почему ты на проводе? Или вы с Галей пьете?

– Нет, уже спим, – усмехнулся Нефедов. – Ты скажи, если важное, я ему передам.

– Важное... Он живопись собирает, а я для него картину нашел – «Почечуево зимой» называется, не пойму только, чьей кисти.

– Ты что же, – удивился Нефедов, – живописью теперь торгуешь?

– Нет, – Шерстяной хихикнул. – Я торгую своим наследством. Дядька у меня преставился – Питерский, если помнишь. Отличный оказался дядька – квартира его мне досталась как единственному родственнику.

– Поздравляю... И как квартира?

– Квартира – нет слов! Профессорская... Да ты приезжай, сам увидишь.

Нефедов задумался.

– Приехать к тебе?..

– Приезжай! Выпьем за новоселье.

– Слушай... А что, если я прямо сейчас приеду?

– Какие вопросы? Сейчас прямо и приезжай!

Нефедов расспросил Шерстяного, как к нему добраться, и, отключив телефончик, вернул его в Галин кармашек.

Большей глупости, чем путешествие в шестьдесят верст на ночь глядя в нетрезвом виде, Нефедов придумать не мог. Однако так получилось, что его опять некому было остановить, и даже собак во дворе Галка еще не спускала.

ШЕЛАПУТИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК

– Три восемьсот пятьдесят! Дочь! Роддом имени Клары Цеткин. Переулок Шеллапутинский... Запомнил?

Далекий голос тети Тани еле слышен. Расстояние съедает индукцию; слабеньких междугородных токов не достаточно, чтобы как следует разговорить большой металлический телефон. Он висит на стене в заводской проходной рядом с бюро пропусков, под плакатиком «Не болтай».

– Шеллапутинский... – повторяет Нефедов, выцарапывая слово ключом на стене.

– Эй! А ну! – кричит ему вооруженная бабка-вахтерша. – Всю стену уже искорябали!

Нефедов оборачивается, смотрит на бабку невидяще.

– Слышу... дочь... три восемьсот пятьдесят... – повторяет он за тетей Таней.

– Ох ты, господи! – догадывается бабка. – Никак папашей стал!

Тетя Таня сообщает еще о том, сколько выпила сама таблеток, как волновалась и как не спала всю ночь, но этого Нефедов уже не записывает. Вообще это была ее собственная, тети Танина идея, чтобы Надя до родов пожила у нее в Москве. Дело в том, что рожать в нашем городе небезопасно в септическом отношении.

Вот и свершилось... В отделе связующих материалов известие не оставило равнодушных. Все, даже Зоя Николаевна, побросали работу, охают и поздравляют Нефедова.

– Заводи мотоцикл! – командует Кошелев Ксенофонтову.

И вот уже Ксюхина «Ява», рубиновая сверкающая красавица, мчит что есть духу в «Московский» гастронорм. Как она любит скорость! В поворотах хромированные дуги чертят по асфальту, пуская снопы искр; два ее горячих цилиндра, два согласно бьющихся сердца, поют победную песнь. И ветром захлебываются седоки, один из которых – на радостях потерявший чувство самосохранения молодой отец.

Отмечание происходит «на природе», с наветренной к заводу стороны. Оглушенный происходящим, Нефедов с растерянной улыбкой принимает поздравления отделыцев. Увы, запас добрых слов и пожеланий превосходит запасы спиртного. Ксенофонтова опять снаряжают в «Московский», и он уносится в синем мотоциклетном дыму. Возвращается Ксюха скоро, но... при-

возит за собой хвост: «Яву» преследует желтый милицкий «Урал». Съехав с дороги, Ксюха роняет мотоцикл и с авоськой бутылок бежит к своим. Мент тормозит, спрыгивает с «Урала» и пеший продолжает погоню. На бегу он дует в свисток и матерится, требуя Ксюхины права, но не тут-то было – отдельцы встают за товарища стеной. Показывая на Нефедова, они хором толкуют менту про «исключительный повод». Наконец до него доходит, – уяснив причину попойки, мент сменяет гнев на милость и принимает поднесенный стакан. Снявши с головы фуражку и повесив ее на ближайший сук, мент неожиданно произносит прочувствованный философский тост.

– У мужика, – говорит он, обращаясь к Игорю, – есть только два настоящих повода, чтобы напиться, – это женитьба и рождение ребенка. Первым разом тыходишь в дверь, а вторым – она за тобой захлопывается.

Блестящая речь мента – последнее, что Нефедов воспринимает отчетливо; потом в его сознании возникает пауза... Вновь оно включается спустя неизвестно сколько времени, в тот момент, когда они с Ксюхой мчатся куда-то опять верхом на жужжащей «Яве». Набегающие многоэтажки кренятся и валятся, угрожая прихлопнуть наездников вместе с мотоциклом, но «Ява» быстра, увертлива. Одно лишь заботит Нефедова – как бы не вылететь из седла...

И снова наступает провал...

Нефедов не сознает, что «Ява», перегревшаяся, но неповрежденная, вдоволь наигравшаяся с судьбой, возвращается в свое стойло. Он даже не понимает, что едет в седле сам-третий и что позади него сидит Шерстяной, взявшийся невесть откуда. Ксюха держится за руль «Явы», Шерсть уцепился за Ксюху, а между ними – обмякший Нефедов, который ни за кого не держится, потому что спит. Так они и въезжают во двор старой па-

нельной пятиэтажки. Дом этот – ветеран микрорайона, и у жильцов его есть привилегия – им позволено во дворе держать небольшие сарайчики. В таком-то сарайчике вместе с кроликами, принадлежащими Ксюхиной матушке, и ночует красавица «Ява».

Мотоцикл встает у сарая и, пару раз напоследок икнув, замолкает. Шерсть, придерживая Нефедова под мышки, стаскивает его с седла и укладывает на траву. Ксенофонтов, зафиксировав машину на подножке, падает рядом с Нефедовым и тоже отключается. Шерстяной чешет голову, глядя на спящих товарищей, потом залезает в авоську, притороченную к багажнику мотоцикла, и достает из нее недопитую бутылку водки. Усевшись в траве, он в два приема опорожняет бутылку и с блаженным видом закуривает.

Шерстяной размышляет о том, как удачно для него складывается день. Из Москвы он приехал по делу, с намерением выпросить у родителей тридцать–сорок рублей. Дело это вполне могло кончиться неуспехом, однако на сей раз, по счастью, мать его получила от завода премию. Денег ей дали шестьдесят рублей, как-то нетронутыми и перекочевали благополучно в сыновний карман. Затем, собираясь уже отбыть в столицу, Шерстяной на улице чуть не попал под колеса Ксюхиной «Явы». Он свистнул, Ксюха затормозил – и вот теперь Шерсть покуривает, сидя на травке, а бесплатная водка совершает в нем приятное преобразование.

Однако длительная неподвижность совсем не в характере Шерстяного. Толкнув раз-другой лежащего Нефедова и не добившись реакции, Шерсть срывает травинку и щекочет ей у товарища в носу. Игорь наугад отмахивается, мычит и наконец открывает глаза.

– Шерсть? Откуда ты взялся? – смотрит он удивленно.

– С добрым утром, папаша! – ухмыляется Шерстяной. – Вставай, у меня идея.

– Что за идея? – Нефедов приподнимается на локтях.

– Поехали со мной в Москву.

– Ты с ума сошел... – Игорь падает снова в траву.

Но нет, Шерстяной не сумасшедший; наоборот, он в пользу своей идеи предоставляет все доводы разума. Во-первых, у них куча денег – Шерсть хлопает себя по карману. А во-вторых, поездка в Москву Нефедову предстоит по-любому.

– В роддом, – убеждает Шерсть, – к Наде ведь ты собираешься? Вот у меня и переночуешь. И это дело отметим...

Игорь слушает, глядя в небо. Аргументы у Шерстяного сильные, вот только организм возражает. Облака наверху шевелятся, вызывая у Нефедова тошноту... «Не смотреть на них, – говорит он себе, – не смотреть на облака и взять себя в руки...»

– Помоги мне подняться, – просит он Шерстяного.

Тот с готовностью берет его под мышки и приводит в вертикальное положение. Не потревожив Ксенофонта, лежащего возле его остывшего уже мотоцикла, друзья отправляются на станцию.

В вагон электрички они входили на закате солнца... а просыпаются, когда в Москве уже наступило то, что здесь называется ночью. Прямо с перрона Шерстяной увлекает Игоря под землю, в метро, и они с пересадками долго куда-то едут. Куда – это Нефедов хотел бы знать, но в метро очень шумно и спрашивать некогда, потому что тут главная забота – как бы кому-нибудь не отдавить ногу.

Но и по выходе из метро им, оказывается, еще надо топать вдоль какого-то желтого проспекта, к ночи уже обмелевшего, но хранящего еще дневной смрад. Наконец Шерстяной сворачивает налево в большую арку. Приятели попадают в квартал каких-то тяжелых, мореного кипича больших домов.

– Престижный район, – сообщает Шерсть с гордостью, – только что не в центре.

Через минуту они входят в подъезд, где Игорю в нос ударяет сильнейший запах кошачьей мочи.

– Дыши глубже, враз протрезвеешь, – советует Шерстяной.

Громяхающий лифт с остекленной клетью и складными троллейбусными дверями медленно едет на шестой этаж. Здесь лестничная площадка, на которую выходят несколько квартирных дверей. Все они добротно обиты и снабжены затейливыми бронзовыми номерами – кроме одной, к которой и направляется Шерстяной. Он толкает дверь плечом, и она отворяется, ибо не заперта.

– Вот мы и дома, – говорит он.

В прихожей на проводе, сплетенном в косичку, свисает лампочка, но она едва светит сквозь абажур из пыли. Вдоль стен навален разнообразный хлам, и почему-то много картонных коробок с надписью “Maroc”.

– Ты что – мандаринами торгуешь? – интересуется Нефедов.

– Не я, – Шерсть машет рукой. – Вообще-то, здесь общежитие Московской филармонии. Тут вот конференсье живет, но он сейчас на гастролях; а тут Гамлет, танцор... А вот ту-ут...

Шерсть дергает за ручку дверь, но в отличие от входной эта оказывается запертой.

– ...тут мы проживаем с Марыськой... – договаривает он. – Только где ж она шляется?..

Вынужденный действовать ключом, Шерстяной все же открывает дверь и впускает Нефедова в комнату. Он щелкает в темноте выключателем... и взгляду Игоря предстает помещение, которое лишь с большой натяжкой можно назвать жилым. Интерьер шерстяновской комнаты составляет рыжий увечный гарнитур с инвентарными номерами на каждом предмете, списанный,

наверное, из Дома колхозника. Лампочка здесь висит такая же голая, как в коридоре, а стены украшены одной только старой афишей Аллы Йошпе со Стаханом Рахимовым да каким-то бурым звездообразным пятном, тоже, очевидно, давнишним.

Нефедов оглядывается в недоумении.

– Странно все это... – бормочет он.

– Что тебе странно?

– Гамлет, филармония... Ты-то как здесь оказался? Вроде не поешь, не танцуешь... И что это за Марыська? Ты мне о ней не рассказывал...

– Темный ты, Гарик, – снисходительно усмехается Шерсть. – По-твоему, в филармонии только танцуют? Марыська, например, работает оформителем.

– А ты?

– А я... Черт, куда же она запропастилась?..

Впрочем, отсутствие сожительницы и, как подозревает Игорь, хозяйки комнаты планов Шерстяного не меняет. Он усаживает Нефедова на продавленную кровать и принимается хлопотать, накрывая на стол. Из платяного шкафа он извлекает бутылку с надетым на горлышко пальцем от медицинской перчатки.

– Ректификат, – поясняет он. – Марыська из типографии таскает.

На бутылке действительно заметны графитовые дактилоскопические узоры.

Отлучившись из комнаты, Шерсть приносит кусок вареной колбасы в бумаге и коробочку шпрот.

– Наши или Гамлета?... – сомневается он, разглядывая коробочку. – Ну, пусть будут наши.

Убранство стола довершают две щербатые чашки без ручек и облупленный эмалированный чайник. Товарищи разливают ректификат по чашкам и разбавляют его водой из чайника, отчего жидкость сразу делается теплой.

– Ну, поехали! – командует Шерсть. – За твое отцовство – ура!

Проглотив свою порцию, Нефедов сжимает челюсти, пережидая рвотные позывы. Кроме тошноты, он не чувствует ничего – ни горячей волны в теле, ни хмельного одушевления...

– Повторим? – предлагает Шерстяной.

– Давай... – вяло соглашается Нефедов.

Они повторяют заход, и ровно с тем же результатом.

– Ну, как тебе? – спрашивает Шерстяной.

Игорь морщится, подавляя спазм.

– Гадость, но пить можно.

– Я не про спирт, а про мои апартаменты. По-моему, здесь ништяк.

Нефедов снова оглядывает комнату.

– Жить можно... хо... хотя и гадость.

– Э! Да ты языком уже не ворочаешь, – замечает Шерстяной. – Силен Марыськин ректификат! Давай по полчашечки – и антракт...

Приятели выпивают еще по полчаши, после чего у Игоря действительно отнимается язык. Зато Шерстяной болтает о чем попало: о том, что Марыська его – полячка и очень умная женщина, а что Гамлет – голубой, хотя и родом из Абхазии. И что коробки, наваленные в коридоре, принадлежат как раз этому Гамлету, потому что он из абхазских мандаринов делает марокканские. Много чего Шерстяной успевает сообщить Нефедову, прежде чем и сам теряет способность связно формулировать. В разговоре их наступает пауза, которая, затянувшись, вполне могла бы перейти в обоюдный сон. Если бы...

Если бы дверь неожиданно не отворилась и в комнате не объявились новые лица. Первой заходит девушка или молодая женщина небольшого роста и неяркой

внешности. Следом показывается длинноволосый брюнет с непропорционально развитыми ляжками. Можно не спрашивать, кто из них кто.

– Марыська!.. – с преувеличенной пьяной радостью восклицает Шерстяной.

Он встает из-за стола и делает шаг навстречу подружке... но внезапно ноги его подкашиваются, и он падает на четвереньки.

– Оп-ля! – говорит Марыська.

Шерсть поднимается с пола, но лишь затем, чтобы, зажав рукой рот, опрометью выбежать из комнаты. Марыська провожает его невозмутимым взглядом и обращивается к Нефедову

– Давно тут сидите? – спрашивает она.

Игорь отвечает невразумительным мычанием.

– Понятно, – говорит Марыська.

К столу, поигрывая ляжками, подходит брюнет.

– Гамлэт, – представляется он и пожимает Нефедову руку.

Игорь в ответ опять мычит. Однако он замечает, что Марыська с Гамлетом пришли не пустые. У них с собой пакет, полный банок консервированного пива. Выставив банки на стол, Марыська расправляет пакет и вешает на стенной гвоздик. На пакете – потертый рисунок в виде эмблемы «Мальборо», так что в комнате становится одним украшением больше.

Хозяйка вручает Нефедову банку с пивом.

– Финское, – значительно сообщает она.

Игорь, пытаясь сосредоточиться, рассматривает банку, затем неумело дергает чеку... и заливает себе штаны.

– Оп-ля! – говорит Марыська.

Они с Гамлетом хихикают, но тоже оба обливаются.

Пить прямо из банок не очень удобно, но Марыське нравится.

– Умеют капиталисты делать... – отрыгнувшись, уважительно замечает она.

Тем не менее градуса в замечательном пиве явно недостает, так что в дальнейшем его приходится смешивать с ректификатом.

Обстановка за столом налаживается вполне дружеская, и ни Марыську, ни Гамлета, похоже, не беспокоит то, что их новый знакомец не в состоянии даже произнести свое имя. Марыська щебечет о чем-то прокуреным шершавым голосом, а танцор глядит на Игоря задумчивыми восточными глазами.

Наконец хозяйка вспоминает о своем пропавшем сожителе.

– Хватит тебе строить глазки, – толкает она локтем Гамлета. – Лучше пойди поищи Шерстяного.

Танцор без возражений встает и красивым шагом выходит из комнаты.

– Пижон, как все педики, – комментирует вслед Марыська. Заметно, однако, что ляжки Гамлета не оставляют ее равнодушной.

Танцор возвращается через минуту с докладом, что Шерсть спит в мандариновых коробках.

– Да? – говорит Марыська. – Ну, пусть себе спит... Ты Гамлет тоже... спать иди, все равно от тебя никакого толку.

По лицу танцора видно, что он посидел бы с ними еще, но хозяйка выпроваживает его довольно решительно. Едва за Гамлетом закрывается дверь, Марыська подсаживается к Нефедову на кровать.

– На что он нам, правда? – интимно хихикает она. – От этих танцоров конем разит. И вообще в нем духовного одна только внешность...

Заметив, что Нефедов начинает задремывать, Марыська щекочет его под ребрами.

– А хочешь... ну хочешь, стихи почитаем? – предлагает она.

Игорь отрицательно мычит и валится набок.

Выкурив сигаретку и посоветовавшись сама с собой, Марыська идет к выключателю, гасит в комнате свет и в темноте раздевается. Уже нагая, она возвращается в кровать и ложится с Нефедовым, прижимаясь к нему всем телом. Несколько минут она так и лежит, вслушиваясь в его мерное сопение... Наконец, чертыхнувшись, Марыська встает и неузнанной покидает ложе.

Общежитие филармонии погружается в сон и относительную тишину.

ЭЛЕКТРОПОЕЗД НА МОСКВУ

Покупая билет, Нефедов старался не дышать в окошечко кассы. Похоже, на сегодня он был последним, кому понадобилось ехать в столицу. Кроме него в станционном зальчике находились только два дежурных мента, чьи внимательные взгляды Игорь чувствовал спиной. Выходя на улицу, он, не удержавшись, покосился в их сторону, и один из ментов показал ему, впрочем беззлобно, дубинку.

Платформа тоже была безлюдна. Похожая на палубу небольшого авианосца, она впереди обрывалась во мрак, в глубине которого проблескивали разновеликие городские и промышленные огоньки. Но вот где-то там, в стоячем ночном мерцании, вспыхнула и побежала яркая точка. Длинный луч, прямой, как ментовская дубинка, изошел из этой точки и ударил по зазвеневшим рельсам. Последняя электричка, шальная, воспетая, накатила, налетела, смахнула Нефедова с платформы и унесла его, будто порывом ветра.

Поезд в этот полночный час был почти пуст. Под полом вагона налегке грозно-весело выл мотор, но буйный рокот колес доносился не снизу – он врвался

снаружи, в раскрытые форточки, вместе с ароматами креозота и ночной хвойной сырости. Сквозняки продували вагон, очищая его от закиси пассажирского пота и табака, скопившейся в течение дня. Набравшая ход электричка так расплясалась, что вот-вот, казалось, соскочит со своих железных катушек и сиганет всем составом с откоса. Временами чудилось, что она мчит уже не по рельсам, а по воздуху, со свистом пикируя на полустанки, ночной птицей пролетая меж испуганно отмахивающимися елями и взмывая над речными, залитыми туманом долинами.

Кроме Нефедова в вагоне ехали еще только два пассажира. Оба были мужчины, и оба, судя по положению их голов, спали. Пьяны они были, подобно Игорю, или их просто сморило в дороге? Что за причина была спать им в этом вагоне, а не своих постелях? И куда их несла электричка – к женам, домой, или от дома прочь?.. Но трудно определить обстоятельства человека лишь по виду его склоненной спины.

Прежде чем тоже уснуть, Нефедов еще какое-то время смотрел в окно на собственное отражение. Ему казалось удивительным, как скоро и беспрепятственно бегут сквозь его голову фонари и ели.

ШЕЛАПУТИНСКИЙ ПЕРЕУЛОК (продолжение)

Конечно, в городском многоквартирном доме ночная тишина – понятие условное. Просто на смену дневному слитному гулу здесь приходит разнообразие отдельных звуков. То кухонная раковина сглотнет и долго потом икает, то зашумит, волнуясь, канализационное древо. То внезапный ход лифта дрожью отзовется в стенах... Шорохи, скрипы, застенные кашли, вскрики во сне...

А для кого-то сейчас именно наступает время действовать. Вот из отдушины в полу показалась голова: лоб широк и отблескивает, как полированный капот авто. Кверху взметываются две длинные, чрезвычайно подвижные антенны... Вскоре, хоть и не без труда, из отдушины выдавливается остальное немаленькое тело. Даже странно, что такое замечательное существо сидело весь день под полом: тугие бока его сияют глянцем, словно побывали в мойке. Создание никак не напоминает своего родственника, суетливого обитателя хрущоб, – рыжего, похожего на семечковую шелуху прусака. Имя ему – большой московский черный таракан. В общежитии филармонии он очутился не по лимиту и не проездом; таракан – местный уроженец и жил здесь еще до гамлетов и марысек.

Немного оглядевшись и поведя на все стороны усами, таракан не спеша направляется к помойному ведру. Обилие еды и ее шаговая доступность составляют в его жизни бесспорное удобство. Однако Москва – город густонаселенный, так что не успел один таракан забраться в ведро, как уже откуда-то появляется другой. Второй даже выглядит представительней первого: с ногами он едва поместился бы в десертной ложке. Земляки опознают друг друга, скрещивая усы, но, пока они обмениваются приветствиями, отовсюду уже стекаются новые и новые их собратья. Вскоре у помойного ведра собирается изрядное общество, все члены которого принадлежат к одному кругу.

Впрочем, за светским общением тараканы не забывают и о главном – зачем они, собственно, собрались. Все постепенно скапливаются в ведре, где предаются энергичной трапезе. Здесь им не до приличий – тараканы пищаются лапками и загораживают съедобные кусочки своими телами, пульсирующими от непрерывных плотков. Но рано или поздно они все же чувствуют насыще-

ние; довольные отяжелевшие тараканы не спускаются, а, перевалившись через край ведра, попросту шлепаются на пол. Каждого из них теперь ждет своя послеобеденная программа. Кто-то из них собирается заняться любовью, а кому-то уже пора отложить яйца. Некоторые, может быть бессемейные, отправляются странствовать по квартире. Из путешествующих многие посещают Марыськину комнату, но там вместо Марыськи и Шерстяного они находят в кровати незнакомого человека. Любознательные тараканы усами ощупывают его лицо, цепляясь за волосы, карабкаются человеку на голову и, не учтя своей толщины, пытаются влезть ему в ухо. Человек шевелится, почесывается... и вдруг с криком ужаса вскакивает. Он отряхивается так, будто одежда на нем горит, и остервенело топчет падающих с него тварей. Пол в комнате уже кишит щевелящимися, не желающими издыхать шестиногими, а на подмогу им сползаются новые, совсем уже гигантских размеров. Ситуация становится отчаянной... но у человека есть последнее спасительное средство. Он просыпается.

– Ну ты и орал, Гарик! – слышится голос Шерстяного.

Нефедов рывком садится в кровати и со страхом осматривает постель.

– Тараканы... – растерянно бормочет он.

– Ага, – раздается шершавый Марыськин голосок. – У нас тут у всех тараканы.

Девушка, стоя у зеркала, собирает на голове хвост, отчего ее лицо сделалось похожим на китайское. В настоящий момент Марыська одета в одну только мужскую рубашку, заменяющую, очевидно, халат. Рубашка смело обнажает ее ноги – нестройные и коротковатые. Правда, и вся Марыська как-то нехороша с утра.

Зато Шерстяной словно и не ночевал в коробках. Он распространяет по комнате запах одеколona и выглядит неестественно бодрим.

– Опохмелился, пока мы спали, – доносит Нефедову Марыська. – Все выпил, что в доме было.

– Кто первым встал, того и тапки, – нахально замечает ее сожитель.

Впрочем, все не так страшно; Шерсть показывает Нефедову нетронутые шесть червонцев, полученные вчера от матери. Стало быть, жизнь продолжается. Четверть часа, не больше, уходит на умывание, сборы и проработку Марыськиных черт лица. И вот уже вся троица не в лучшем физическом самочувствии, но полная надежд покидает общежитие филармонии.

Лязгающий лифт опускает друзей на московскую землю; дворы выводят на проспект; троллейбус доставляет к станции метро; подземка стискивает, закручивает, заматывает в трубу тоннеля... В вагоне стоячие пассажиры покачиваются, словно повешенные на общей перекладине. Никто из них даже понятия не имеет, что здесь едет Нефедов, который не далее как вчера стал отцом. Да он и сам не вполне отдает себе в этом отчет. Мысли Игоря пролетают сквозь голову, как фонари в законной грохочущей черноте метро.

Поездка оканчивается на многолюдной, очень оживленной площади. Воздух тут плотен и густ – даже тому, кто побывал в метро, он залепляет носы и уши. Машины и пешеходы снуют здесь в самых разных направлениях, но отнюдь не бесцельно. У маленькой экспедиции, возглавляемой Шерстяным, цель тоже имеется, и она расположена на противоположном берегу площади. Сквозь уличное мельтешение товарищам видна уже группа людей, выстроившихся друг другу в затылок. Группа не движется – значит, это очередь; состоит она из одних мужчин – стало быть, очередь в пивняк.

Вереница небритых мужчин, пахнущих бедой, тянется вдоль цоколя дома и спускается по лестнице туда, где ниже нулевой отметки устроено как бы крыльцо на-

оборот. Но Шерсть не собирается встраиваться бедолагам в хвост. Он ведет свою команду вниз, ко входу, где держит оборону могучий служитель. С карманом охранника Шерстяной проделывает ловкую и почти незаметную операцию, обратную той, что совершают трамвайные щипачи. Служитель как будто не реагирует, но в обороне его образуется небольшая брешь, в которую мигом просачивается вся троица. Законопослушные, а по большей части просто малоимущие пьяницы раздражаются им вдогонку матерной, но вполне справедливой бранью.

Неожиданно для Нефедова подвал оказывается весьма обширным и – ожидаемо – темным, продымленным и многолюдным. В заведении одновременно пахнет потом, воблой, табачным перегаром и засохшим пивом. Сизый воздух дрожит от крика, который тут служит единственным способом общения. Орут посетители и официанты, снующие между столами в белых замызганных курточках. Здесь даже стены орут – зевами развешанных повсюду музыкальных колонок.

Очутившись в зале, друзья топчутся и оглядываются в поисках свободных мест. Но быстрее они сами попадают на глазок кому следует. Резвой, хоть и не вполне твердой походкой к ним подбегает один из официантов.

– Ну и что вы стоите, аки три тополя? – приветствует он их с халдейской развязностью. – Сюда прошу, молодые люди!

Взмахом нечистой тряпки официант указывает на большой шестиместный стол, где сидят уже трое других посетителей. Судя по их виду, они находятся тут со времени открытия бара. Молчаливые и бесстрастные, как опиумные курильщики, эти трое, похоже, не могут уже ни пить, ни встать и уйти. Впрочем, все внимание официанта обращено к новым клиентам.

– Креветки сегодня свежие, – сообщает он, будто выдавая особую тайну.

Обращается официант исключительно к Шерстяному, то ли халдейским своим инстинктом распознав в нем плательщика, то ли почуяв социально близкого. Однако в их разговор встревает Марыська. Она не хочет креветки, потому что от них у нее крапивница.

– Потудришься, и никто не заметит! – отрезает Шерсть и делает заказ.

Надо отдать официанту должное – не успевают приятели выкурить по сигарете, как перед ними уже появляются шесть кружек пива. Тут же приносится общая суповая тарелка с парящими розовыми черноглазыми ракообразными.

Все это – и пиво, и креветки – они уничтожают минут за пять, причем Марыська, позабыв о крапивнице, не отстает от товарищей. Они повторяют заказ; потом еще... Червонцы, полученные шерстяновской матерью за хороший труд, переключиваются в курточку расторопного халдея.

Вот и все. Расставаясь с деньгами, приятели тоже неплохо потрудились. Взгляды их осоловели блуждают, животы осыпаны креветочной шелухой. Внешне они теперь мало чем отличаются от молчаливых старожилов, соседствующих с ними за столом. Но следует помнить, что пивняк для них – это еще не конец пути.

– Пора подниматься... – задумчиво говорит Нефедов. – Нам ведь еще цветы покупать...

– Цветы?.. А, ну конечно... – Шерсть озабоченно щупает свой карман. – Если у нас еще что-то осталось.

Выход из пивняка на улицу ошеломляет не меньше, чем вход в него. Очутившись опять на площади, приятели жмурятся от яркого дневного света. А воздух! Они и не замечали раньше, как много кислорода в московском воздухе. Чтобы переждать головокружение и при-

ти в себя, им требуется где-то бросить якорь, и друзья усаживаются на ближайший турникет.

Покуда они в подвале поправляли свое самочувствие, день в Москве успел достичь кульминации. Солнце уже через крыши перекинуло кипятильник в желобы улиц, сотрясаемые мощными рукотворными потоками. Подножья домов омывает людская пена: гости столицы и москвичи, топая, цокая, шаркая, торопятся куда-то с серьезными лицами. Кто-то спешит заработать деньги, кто-то хочет потратить их, но в любом случае при виде такой массовой целеустремленности сограждан бездельнику должно быть не по себе.

У Игоря с Шерстяным под ягодицами гудит и подрагивает горячая труба турникета, словно в ней пульсирует кровь города. Напротив, загородясь спиной от прохожих, Марыська с неприязненным выражением лица глядится в пудреницу – ищет у себя крапивницу.

– Если бы я рожала, – бурчит она себе под нос, – то обошлась бы без цветов.

– Ты и без мужа бы обошлась, – откликается Шерстяной. – А без букета в роддом ехать стыдно.

Нефедов помалкивает. «С букетом, – думает он, – не так стыдно, как без него».

Однако покупка цветов не оставляет им дальнейшего выбора. Теперь у друзей лишь одна дорога – к роддому имени Клары Цеткин, в указанный тетей Таней Шелалутинский переулок. Который, впрочем, еще надо найти... Задача нелегкая даже и для трезвого человека.

Москва велика; много в ней переулков, и любимое их занятие – игра с приезжими в прятки. В этой жестокой игре, будь Игорь сейчас один, он, несомненно, потерпел бы поражение. В поисках заветного адреса он заблудился бы окончательно и просто-напросто пал бы где-нибудь от истощения, накрывшись своим букетом. Но сегодня с Нефедовым Шерстяной, а с Шерстяным,

как всегда, его бойкий язык. С помощью множества интервью, взятых ловко у неразговорчивых москвичей, Шерсть таки выведывает тайну Шелалутинского переулка.

«Специализированный родильный дом имени Клары Цеткин». С невольным душевным трепетом приятели изучают старое мрачноватое здание с глубоко сидящими окнами. Это настоящий родильный замок, чьи толстые стены должны надежно заглушать вопли собранных здесь счастливых мучениц.

Шерсть чешет голову:

– Что значит «специализированный»? Блатной?

– Не знаю... – отвечает оробевший Нефедов. – Тетя Таня не говорила.

Где-то за этими стенами томится Надя. Юная женщина лелеет выношенный ею плод любви и не смеет дать ему имя в ожидании своего рыцаря. Но не знает она, что рыцарь ее уже рядом. Прodelав далекий и трудный путь, он намерен приступить к осаде замка. И в этом ему помогут его верные друзья.

Нефедов, Шерстяной и Марыська набирают полные груди воздуха и кричат что есть мочи:

– НА-ДЯ!

С карнизов роддома валятся перепуганные голуби и, на лету просыпаясь, мечутся вместе с эхом.

В окнах замка показываются женские головки. Лица прекрасных пленниц молоды и бледны... впрочем, кажется, не все... Приглядевшись, друзья замечают среди них и смуглые, и даже одно совершенно черное.

– Полный интернационал, – констатирует Шерстяной. – Да здравствует дружба народов.

Он шлет всем роженицам воздушный поцелуй, но те, похоже, разочарованы. Постепенно головки одна за другой пропадают, и остается лишь одна с забавным пучком волос на темени, похожая на ананас, выставлен-

ный дозревать на подоконник. Женщина-ананас улыбается; возможно, у нее слабое зрение, а может быть, ее тоже зовут Надей. Как бы то ни было, сердце Нефедова принадлежит не ей.

Первая попытка окончилась неудачей, но еще рано расстраиваться. Нужно просто обойти здание кругом и повторить свой призыв у другого фасада. Друзья так и поступают – и с тем же как будто эффектом: вначале с карнизов падают голуби, потом из окон выглядывают разноцветные женщины. А потом остается одна Единственная.

Надя скрывается ненадолго и появляется снова – с маленьким белым коконом на руках. Игорь стоит потрясенный.

– Столбняк напал! – смеется Шерстяной. – Ну же, папаша, поздоровайся с ними!

Словно конферансье, выводящий артиста на комплимент, он поднимает ослабевшую руку Игоря с зажатым в ней букетом и весело машет Наде.

Марыська судорожно роется в сумочке, нашаривая пудреницу. Она плачет.

ДЯДИНА КВАРТИРА

После часа удалой езды электричку стало понемногу прихватывать за колеса. Огней за вагонными окнами прибывало. Будто прикуриваясь друг от друга, они делились и множились, где выстраиваясь в цепочки, где высыпаемая гроздьями. Белые и цветные, всяк по-своему пламеня, искрясь и мерцая, огни сливались в единую величественную светящуюся кляксу. Москва напоминала бескрайнее поле подожженной травы или грандиозный разворошенный костер, погасить который не в силах были бы все пионеры в мире. А Нефедов был ма-

ленькая хворостинка, уготованная для этого костра. Проснувшись, он опять глядел в окно, но уже не находил в нем своего отражения.

К вокзалу электричка подходила осторожно, продергиваясь в густом сплетении рельсов, словно ниточка сквозь основу. Немногочисленные ее пассажиры, собранные по ночным платформам, прекратили клевать носами, оживились и завставали, снимая с полок поклажу. Последние свои метры она ползла еле-еле, но застопорила все равно неожиданно, будто ткнувшись во что-то лбом. Молодым мужским голосом электричка объявила прибытие на конечную станцию и испустила продолжительное облегченное шипение.

Сразу по выходе из вагона Нефедов ощутил, как на уши ему надавило воздухом. Впрочем, атмосфера костра-Москвы оказалась не жаркая, а примерно такая, как в духовке, выставленной на минимальную мощность, или в помещении с плохо отрегулированным кондиционером. Уютного сходства с большим помещением добавляло и здешнее небо – низкое и желтоватое, словно давно не мытый потолок. Оно надежно скрывало от глаз москвичей пугающую картину космоса.

Зато, несмотря на поздний час, здесь хорошо была представлена картина разнообразных человеческих отношений. Вступать в эти отношения так или иначе был вынужден каждый, кому вздумалось путешествовать по ночному городу. В метро и на улицах, которыми Нефедов ехал и шел, сверяясь с легендой, наговоренной ему Шерстяным, он везде ощущал толчки и касания людских тел. Игорь ловил на себе мимолетные оценивающие взгляды; с ним заигрывала реклама, чьи страстные, как мычание дауна, призывы порой не поддавались расшифровке. И не только реклама хотела быть им услышанной. Взобравшись с ногами на лавочки, шумели полночные пивные подростки; галдели кавказцы, «орла-

ми» рассеявшиеся на тротуарах, ругались простуженными голосами голоногие проститутки.

На всех языках, кроме русского, Москва заговаривала с Нефедовым, смущая и создавая впечатление сложности, недоступной его пониманию. А ведь он помнил ее совсем другой. Когда-то ночная столица выглядела величественно-молчаливой, словно швейцар в мундире, туго застегнутом на желтые пуговицы. Пустынные ее проспекты светились, как отупоженные лампы, а строчки бессмертных лозунгов горели на ее крышах, подобно орденским планкам.

Все это осталось в прошлом. Сравнение оттого и пришло на ум, что в последние годы Нефедов нечасто посещал Москву. Просто отпала надобность – практическая и иная. Ненужной была и сегодняшняя его поездка, хотя об этом, конечно, думать теперь было поздно.

Он подходил уже к дому, где, согласно легенде, должен был проживать Шерстяной. Здание оказалось большим и важным, выстроенным как раз еще в старомундирные времена. Однажды, много лет назад, Нефедов ночевал в подобном доме. Архитектурная ассоциация или схожесть пьяных ночных обстоятельств напомнили Игорю общежитие Московской филармонии, Марыську и кошмар с участием тараканов.

История сделала виток, однако не повторилась. Хотя и здешний подъезд вонял кошками, но лифт уже был современный, глухой, в котором Лидия Ефимовна, страдающая клаустрофобией, кончилась бы, не проехав двух этажей. Двери на лестничной площадке тоже были современные – мощные и неприступные, способные, наверное, выдержать выстрел гранатомета. Впрочем, одна из этих дверей была гостеприимно распахнута.

Дальше уже – никаких подобий. Квартира оказалась почти шикарнейшей, а Шерсть выглядел обрюзгшим и по-

старевшим. На носу его были теперь очки, придававшие ему до смешного интеллигентный вид. Правда, в них и в домашнем шелковом халате он вполне гармонировал с обстановкой своего нынешнего жилища, отчасти напоминавшей почечуевские мемориальные интерьеры.

Покончив с объятиями, друзья прошли в комнату, уставленную книжными шкафами. Похоже, это была библиотека, служившая по совместительству гостиной.

– Славное, однако, жилье завещал тебе дядя, – заметил Нефедов, осторожно усаживаясь на антикварный диван.

– Ага, – кивнул Шерстяной. – Только оно мне досталось безо всякого завещания.

– Правда? – Игорь качнул ногой. – Но жилье все равно славное.

– А хочешь знать, Гарик, почему оно мне досталось?

– Ну... потому что он умер. Ты сам по телефону сказал...

– Он не умер – его убили!

– Если убили, то умер... – возразил машинально Нефедов. – То есть... что ты мне хочешь сказать... как это так – убили?

Шерсть придвинул к дивану старинный столик на гнутых ножках.

– Убили, Гарик, убили. Прямо в этой чудесной квартире... – он прихлопнул ладонью по столику.

– Как, прямо тут?

– Нет, не тут, а на кухне. Я расскажу тебе, только выпьем сначала за мое новоселье.

Покопавшись в серванте покойного Питерского, он добыл в нем хрустальные рюмки и бутылку советского еще коньяка «ВК».

– Мы похожи на мародеров, – заметил с усмешкой Игорь.

– Пустяки, – отмахнулся Шерсть. – Дядя сам был не ангел... Я только в его хозяйстве плохо еще ориентируюсь.

Коньяк не утратил крепости и на вкус был вполне хорош. Мысленно поблагодарив шерстяного дядю, Нефедов вернулся к вопросу о его убийстве.

– По правде сказать, дело темное, – Шерстяной почесал в затылке. – Собственно, оно так и не раскрыто. Кто его и за что – неизвестно. Ясно только, что дядю грохнули сковородой.

– Сковородой? – изумился Нефедов. – Для профессора как-то странно...

– Менты говорят – ничего странного, сковородой убивают часто. Удивились только, что дядя был не женат. И при том же весь дом перевернут был, как при ограблении. Короче говоря, сковороду они забрали как вещдок, а через месяц принесли обратно. Сказали, что дядино дело – висяк и что заниматься им – сейчас некогда.

– Все-таки как-то дико... – поежился Игорь. – И неужели теперь ты на этой сковороде готовишь?

– Ну, какой из меня кулинар... – Шерстяной усмехнулся. – Есть тут одна. Тоже, можно сказать, от дяди по наследству досталась.

– Ты же сказал, что он жил один.

– Один. Только она объявилась уже после его смерти... Представляешь? Приходит с вещами и говорит: «Я аспирантка то ли из Брянска, то ли из Бердска. Ваш дядя ведет у нас курс и пригласил меня тут пожить».

Нефедов пожал плечами:

– Надо было ей объяснить и назад отправить.

– Да я объяснил... – Шерстяной замялся. – Но она даже книжки пропылесосила.. Такая хозяйственная... Чувствую, что надо ее выставить, а как-то неловко.

– И где же она сейчас, аспирантка из Брянска? Ночь ведь уже на дворе...

– Шут ее знает, – равнодушно отозвался Шерсть. – Хоть бы и вовсе не приходила. Почему, не знаю, а не лежит у меня к ней душа. Марыська другая была.. Помнишь, Гарик, Марыську?

ПРОФСОЮЗНАЯ КОМАНДИРОВКА

– Привет, мешочник! За колбасой приехал? – Знакомый шершавый голосок раздается у самого уха.

– Привет, – отвечает Нефедов и лишь потом удивляется: – Ты как тут оказалась?

– Судьба, – отвечает Марыська. – Тоже колбаски захотелось.

Она втискивается перед Игорем. Очередь пыгается скандалить, но, к счастью, до драки дело не доходит.

Из гастронома Нефедов с Марыськой выходят вместе. Положение у обоих несколько затруднительное – им неловко распрощаться сразу. Кажется, что сам факт невероятной встречи посреди десятиmillionного города их к чему-то обязывает, но к чему? О чем говорить сейчас, они оба не знают и на всякий случай закуривают.

– Я, вообще-то, в Москве по делу, – сообщает Нефедов.

– Да ну? – Марыська, прищурясь, выпускает дым.

– Мне в обком профсоюзов надо, – он хлопает рукой по портфелю. – Везу кое-какие бумаги.

– Как интересно... И где ж этот твой обком?

– Шут его знает, – пожимает плечами Игорь. – У меня только адрес записан.

Марыська затягивается, и, словно с дымом, в голову ей приходит идея.

– А хочешь, – предлагает она, – мы этот обком вдвоем поищем?

– Не знаю... – Нефедов мнется. – Разве у тебя нет других дел?

– Плевать на дела, – отмахивается Марыська. – Отнесем твои бумажки, а потом... ну а потом придумаем что-нибудь.

Игорь качает головой:

– На придумки нужны финансы, а я уже в магазине потратился.

Честно говоря, у него сегодня нет никакого настроения что-либо «придумывать». Он и в Москве-то оказался по чистой случайности, потому что развозить служебные документы – это не его функция.

Обычно такие поручения охотно выполняет Зоя Николаевна. Ей известно расположение всех нужных учреждений, а также ближайших к ним магазинов. Лучше нее никто не умеет сочетать личную пользу с производственной, особенно в московских командировках. К сожалению, накануне пятый цех сварил опять свой печально знаменитый лак. Этот особый лак готовится по специальному заказу раз или два в год, после чего цех всем составом уходит на бюллетень. Когда однажды небольшое количество его попало в городскую речку, то вся ее небогатая фауна немедленно всплыла вверх брюхом. Зоя Николаевна вверх брюхом сегодня не всплыла, но цветом лица и опухлостью с утра напоминала утопленницу. Ехать в столицу в таком виде было для нее невыносимо, и так получилось, что перст судьбы указал на Нефедова.

Второе свое вмешательство, как верно подметила Марыська, судьба осуществила в колбасном отделе. У Игоря возникает знакомое чувство: будто кто-то без его ведома написал для него сценарий этого дня – написал, а ему, Нефедову, прочитать не дал. Нельзя сказать,

что такое положение вещей его радует, но оно освобождает от необходимости делать выбор. Тем более что, по Марыськиным уверениям, деньги для них на сегодня не проблема – надо только позвонить Шерстяному.

– С каких это пор у него появились деньги? – удивляется Игорь.

– С тех пор, как ему филармония доверила черную кассу. Он теперь богатенький Буратино.

– Хорошо, – сдается Нефедов. – Но сначала обком профсоюзов.

Он вручает Марыське бумажку с адресом и с этой минуты всецело полагается на ее знание местности. Сам же он моментально теряет чувство направления. Для сокращения пути они идут какими-то дворами, выстроившимися нескончаемой анфиладой. Марыськины каблучки бойким стуком оглашают каменные мешки; на своих коротковатых ножках девушка легко перепрыгивает дворовые лужи. Игорь едва за ней поспевает, но, глядя на то, как уверенно Марыська ныряет в арки, он начинает верить в успех своей профсоюзной миссии.

Но Нефедов еще не знает, что в сегодняшнем сценарии для него приготовлена новая неожиданность. Его прыткая предводительница Марыська, пересекая очередной двор, вдруг останавливается как вкопанная. Игорь с ходу чуть ее не сбивает.

– Что случилось? Ты потеряла дорогу?

– Нет... – отвечает Марыська странным неживым голосом. – Давай мы с тобой присядем.

Он сажает ее на край какой-то песочницы. Девушка, побледнев лицом, ищет трясущейся рукой свои сигареты.

– Тебе плохо, Марыся? – спрашивает Игорь встревоженно.

Но она словно не слышит.

– Посмотри... – шепчет Марыська, – посмотри на сумочку...

– А что с твоей сумочкой? – недоумевает он.

– Да не с моей... черт!.. – шипит она, досадуя. – Видишь, там, возле арки... ну, где труба?..

Нефедов смотрит на арку, сбегает взглядом по мятой водосточной трубе... и действительно обнаруживает на засиженном голубями цоколе одинокую дамскую сумочку.

– Ну ты и приметливая, – усмехается он.

– А ты лопух! – тем же сдавленным шепотом огрызается Марыська. – Если через минуту за ней не придут, сумочка будет наша.

Глаза Нефедова округляются:

– Ты с ума сошла! Это же воровство.

– Подумаешь! – отмахивается она. – Ее какая-нибудь спекулянтка оставила.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю! Здесь за углом комиссионный, а в этом дворе всегда фарца толчется. Раз сумочка тут валяется, значит, была облава, и хозяйку ее замела милиция.

– Но то, что ты предлагаешь, это... нехорошо.

– Нехорошо будет, если она достанется жуликам!

Марыська окидывает двор цепким взглядом и, убедившись, что он по-прежнему безлюден, решительно встает. Отбросив недокуренную сигарету, она направляется к арке. Нефедов плетется за ней, бормоча бесильные возражения. В душе-то он снял с себя ответственность за происходящее, и сделал это раньше, чем судьба подбросила им сумочку...

Тем временем Марыська берет его под руку. В целях конспирации она понуждает Игоря сменить шаг на прогулочный, что получается довольно неестественно. Поравнявшись с водосточной трубой, он по команде открывает портфель, и Марыська, кошачьим движением схватив сумочку, бросает ее в отделение с колбасой. Теперь, когда преступление совершено, их можно

братъ с поличным. Прижимаясь друг к дружке и всякий миг ожидая, что позади раздастся шум погони, криминальная парочка инстинктивно наддаёт ходу.

Но вот уже далеко позади остался роковой двор; в глазах мелькают иные дворы и улицы, а Марыська с Нефедовым все не могут убавить бег. Впрочем, бегут не они одни: московские тротуары полны, как всегда, спешащими людьми – в этом городе надо думать, действовать и передвигаться быстро. Наконец воришки осознают, что, кроме собственного страха, за ними никто не гонится. Они находят какой-то скверик и там, отдышавшись на лавочке, приступают к изучению добычи.

Сумочка не сразу отдаёт им свои богатства. Марыська скребет ногтями незнакомый замочек и пожимает его разными способами. В итоге все-таки раздается щелчок, и сумочка покорно разводит створки. Жадные, нетерпеливые пальчики проникают в ее нутро, и первое, что они оттуда достают, – это блокнотик с каким-то списком.

– Ну, что я говорила! – торжествует Марыська – «Ли – три по восемьдесят... Дабл райфл – пять по сто...»

– Значит, и правда фарцовщица... – бормочет Нефедов. Это открытие доставляет ему некоторое облегчение.

Кроме блокнотика в сумочке обнаруживается носовой платок, ворох пустышной косметики и потрепанное портмоне, кармашки которого набиты квитанциями и разными другими неинтересными бумажками. Лишь подробное его исследование приносит Марыське две синие полусотенные купюры.

– Негусто наторговала...

– Да, – соглашается Игорь, – сегодня не ее день.

Что правда, то правда, и вряд ли фарцовщица стала бы спорить. Наверняка тоже самое сказала бы о себе так некстати опушшая Зоя Николаевна. Двое сегодняш-

них неудачников определились, но чтобы Нефедову не составить им компанию, ему следует поторопиться. Рабочий день уже близится к концу, а он, бегая по Москве с украденной сумочкой, ни на шаг не приблизился к обкому профсоюзов.

Не взяв себе ничего, кроме наличности, Игорь с Марыськой оставляют сумочку на лавочке. Может быть, ее подберет хорошая женщина, такая, что не бегаёт от милиции, и сумочка прослужит ей долго-долго.

И снова они несутся по улицам, лавируя в пешеходных потоках. Только теперь Нефедова гонит не страх, а чувство гражданской ответственности. «Об-ком-об-ком-об-ком», – выстукивают Марыськины каблучки... Но до чего же много в Москве контор! Пляшут в глазах разновеликие вывески: черные с золотом, мраморные, литые в бронзе. Министерства, управления, чего-то отделы, за чем-то надзоры и, конечно, всевозможные комитеты... Комитеты, да не те! Хлопают тяжелые двери; люди в шляпах покидают учреждения, а внутрь уж никто не заходит. Но вот – наконец-то! Чуть было не проскочили...

«МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ» – вырезано на плите полированного гранита. Эта плита у входа напоминает могольскую – есть ли жизнь там, за дубовой дверью?.. Игорь с невольным трепетом входит в профсоюзное святилище... и оно встречает его торжественно-гулкой церковной тишиной и запахом мокрой тряпки. В учреждении – ни души, кроме старухи со шваброй, замывающей мраморный пол.

Случилось ужасное, невероятное – в общем, случилось то, чего следовало ожидать! В последней безумной надежде Игорь пытается всучить свои документы уборщице – и окончательно теряет лицо.

– Понабирали дураков в кульеры! – качает головой старуха и тычет шваброй ему прямо в ноги.

Чувства Нефедова помутились. Он покидает обком, пылая ушами и оставляя за собой мокрые следы... Воображение уже рисует ему завтрашнюю встречу в отделе. Игорю представляется ухмыляющаяся физиономия Ксенофонтова и мина презрения на опухшем лице Зои Николаевны... О да! Уж она бы не стала красть сумочки прежде, чем выполнить служебное поручение.

Марыська покуривает, дожидаясь его на улице. Весть о том, что Нефедов опоздал с документами, ее не обескураживает.

– Бездельники профсоюзные, – замечает она без гнева.

Крашеным ногтем Марыська щелкает сигарету, сбивая пепел.

– Раз так, ну и черт с ними! – объявляет она. – Переночуешь у нас, а утром сдашь ты свои бумажки.

Что Игоря ждет, если он согласится? Дома Надины слезы, а на работе наказание за прогул. Обе эти беды не перевесят, конечно, грозящего ему позора. Судьба, как обычно, не оставляет Нефедову выбора.

Задавив свои два окурка на обкомовском пороге, Игорь с Марыськой идут на соединение с Шерстяным. Колбаса для закуски у них уже есть.

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Окна гостиной-библиотеки были запахнуты плотными бордового цвета шторами с затейливым набивным рисунком. Потолочная лампа, убранный в тканевый бахромчатый абажур, разливала по комнате густой, медового оттенка свет. На выпуклостях резьбы тонко отблескивала антикварная мебель. Книжные шкафы, стоявшие по всем четырем стенам, обкладывали комнату тишиной. Книги съедали живую речь – в томах увязала

и глотла товарищеская беседа. Сквозь подступавшую дрему Нефедов с трудом уже разбирал слова Шерстяного. Ему было немного странно, что вечер, начавшийся с «Агдама» на стадионе, заканчивался в такой респектабельной обстановке.

– Гарик, ты спишь уже, что ли?

Шерсть хлопнул его по колену, отчего Нефедов невольно брыкнул ногой.

– Что ты, ни в коем случае... – он высоко поднял брови, помогая глазам открыться.

– Ну так вот... – продолжал Шерстяной. – Я ему: «Пошел вон из моей квартиры, а не то... не то...»

– Постой... – перебил Нефедов. – С кем это ты так ругаешься? Прости, у меня выпало...

– Мне что, начинать сначала? – обиделся Шерстяной. – Я толкую тебе про Живодарова. Про то, как он приходил требовать с меня рукопись.

– Живодаров? Припоминаю... Это тот бородач из музея, с которым ты из-за Нади подрался?

– Именно он, – нахмурился Шерстяной. – Этот псих полжизни просидел в сумасшедшем доме, а теперь его выпустили... или сбежал, не знаю. И вот он явился ко мне требовать почечуевскую рукопись.

– Чью рукопись? – недослышал Нефедов.

– Почечуевскую – представляешь!

– Нет – из дурдома он явно сбежал... Но спрашивается: при чем тут ты? Какое ты к рукописям имеешь отношение?

– Такое, что я наследник. Он забрал себе в голову, что эту рукопись дядя Питерский спер из музея и теперь она у меня.

– Допустим... Но Живодаров-то что хочет? Вернуть народу его достояние?

– Не думаю... Он только орал, что рукопись стоит бешеных денег и что это он, Живодаров, ее нашел.

– Чушы! – отмахнулся Нефедов. – Рукописи в музее не пропадали. Надя хранитель, и я бы знал.

– В том-то и дело – он говорит, что рукопись неизвестная. Все думали, что она сгорела при пожаре или не существовала вовсе, а она, дескать, лежала в каком-то ящике.

– Ну, сумасшедший чего не придумает...

Игорь скривился, борясь с зевотой:

– И-эу... И чем же у вас закончилось? Драки, надеюсь, не было?

– Не было... – Шерсть вздохнул. – Он так орал и топал, что снизу пришли соседи. Сказали, что позвонят участковому.

– А что Живодаров?

– Да что... Бородой подрывал, поскрипел зубами и был таков... – Шерстяной усмехнулся: – Я, конечно, на всякий случай обыскал потом всю квартиру...

– И ничего?

– Ничего...

– Так я и думал...

В носу у Игоря пощипывало, словно он собирался чихнуть или заплакать; глаза его наполнились сонной слезой.

– Шерсть, ты не против, если я тут у тебя на диване прилягу?

Ответ Шерстяного проглотили книги... Бахромчатый абажур над Игоревой головой закружился, как старинная карусель; шкафы со всей своей многотомной премудростью двинулись по комнате хороводом. Но странное это явление наблюдалось лишь несколько секунд, а потом все исчезло – то ли это Шерсть выключил в комнате свет, то ли Нефедов заснул так скоро.

Да, Игорь спал, но... как-то нехорошо. Вообще, сон у пьяных бывает двух видов: он либо напоминает кому, либо наоборот, протекая в судорогах и вскриках, закан-

чивается падением с кровати. Сон Нефедова был второго типа. Может быть, его тревожила совесть, лишь частично приморенная алкоголем, а возможно, ему был короток антикварный диван. Вдобавок, по московской традиции, Игорю стали сниться тараканы.

– Пшли, проклятые!.. – мычал он и шлепал во сне губами, а диван под ним гудел всеми своими пружинами.

В результате Нефедов проснулся – правда, всего на одну минутку. Открыв глаза, он полежал немного, всматриваясь в обступающий его глухой прокуренный мрак, а потом со стоном, своим и пружинным, перевернулся на другой бок.

Но на другом боку он не обрел покоя.

Хотя новый сон его казался поначалу мирным. Игорь увидел железную дорогу, багажный вагон, стоящий на запасном пути, и в запыленном окне вагона чернобородого человека со стаканом водки. Мимо с грохотом шли поезда, но бородач провожал их равнодушным взглядом. «Сейчас он допьет эту водку, – подумал Игорь, – и пойдет на станцию искать ссоры. Вернется он с большим фонарем под глазом. А ночью его вагон прицепят к составу и увезут в другой город». Пока он так размышлял, человек действительно опрокинул стакан себе в бороду и, пропав из окна, показался опять, теперь уже на площадке тамбура. Только вышел он туда не один, а с какой-то женщиной – наверное, своей напарницей или просто дорожной знакомой. Приглядевшись к женщине, Игорь с удивлением узнал в ней Марыську. Тогда получалось, что бородачатый человек не кто иной, как Гамлет. «Что с нами делает время...» – опечалился Игорь. Ему показалось вдруг, что еще немного, и он вспомнит какую-то очень грустную историю – ту, что свела этих двоих в купе багажного вагона. Но он не успел... Спрыгнув из вагона на землю, Гамлет с Марыской принялись ругаться. О чем они спорили, было не

разобрать, но спор их был явно нешуточный. «Пожалуй, – подумал Игорь, – им и на станцию ходить не надо». Ему совсем не хотелось стать свидетелем драки, но дело обернулось даже хуже, чем Игорь предполагал. Гамлет, внезапно изловчившись, схватил Марыську за волосы и стукнул ее головой о вагонное колесо. Женщина вскрикнула и умолкла, а колесо, будто колокол, долго еще гудело.

Закричал, наверное, и Нефедов, после чего проснулся. В сильном волнении он прислушался. Что-то скверное действительно происходило, но теперь уже наяву. В квартире кто-то ходил, громко топая уличной обувью, и матерился низким незнакомым голосом.

– Шерсты – тревожно позвал Нефедов. – Тебе нужна моя помощь?

Не дождавшись ответа, он рывком поднялся и, расталкивая в потемках мебель, стал искать выход из комнаты. Но голова и ноги его не были еще в порядке: поехав случайно на дядином ковре, Игорь потерял равновесие. Падая, он налетел на книжный шкаф, а тот, пошатнувшись, выронил сверху увесистый том, который своим корешком угодил Нефедову в темя, лишив его сознания.

К счастью, контузия была незначительной, и со временем обморок перешел в обыкновенный крепкий сон. Шумы в квартире прекратились сами собой, а спать на ковре оказалось гораздо удобнее, чем на диване.

УТРО СЮРПРИЗОВ

Свет нового дня давно уже отыскал для себя щелку между запахнутыми шторами. Узкой полоской он медленно перемещался по комнате, ощупывая все на своем пути. Добравшись до журнального столика,

свет заглянул в пустые рюмки и потревожил муху, спавшую на недоеденной конфете. Не умея зажмуриться, муха принялась тереть глаза лапками, а солнечная полоска, не останавливаясь, спрыгнула со стола на пол. Вытянувшись в струнку, она прошла по ковру и скоро наткнулась на лежащего человека. Этот объект был тоже внимательно отсканирован. Он находился в неподобающем месте, но сам по себе оказался довольно обыкновенным. Когда полоска достигла его носа, человек чихнул, а когда легла на глаза, он проснулся.

Это и было первое, что увидел Нефедов: дорожка света, посеребрившая ковровый ворс, и солнце в щели между шторами, узкое, как кошачий зрачок. Встретившись взглядами с солнцем, Игорь чуть не лишился зрения. Зажмурившись, он попробовал опросить свои остальные органы чувств, но отозвалось ему одно правое ухо, да и то лишь болезненным ощущением. Ухо страдало, приплюснутое головой к чему-то жесткому, однако высвободить его оказалось непросто – к предмету, служившему Нефедову подушкой, приклеилась вся правая сторона лица. Когда Игорь, морщась, сумел все же от него отлепиться, то увидел, что предмет, на котором он спал, был книжный том.

«МОСТЫ И ТОННЕЛИ. Справочник» – было вытиснено на обложке, и та же надпись зеркально читалась на щеке Нефедова. «Странно, – подумал Игорь, – если Питерский был филолог, зачем ему инженерный справочник?» Он сел, привалившись спиной к шкафу, и постарался собраться с мыслями. Ковер подле него был чист, значит, во сне его не стошнило, и это уже было хорошо. Но как он тут оказался? Нефедов ложился вчера на диване – это он достоверно помнил. Значит, что-то случилось ночью – что-то, в результате чего Игорь оказался здесь, лицом на «Мостах и тоннелях»... Он почесал

голову. Большинство людей в минуту умственного напряжения совершают это машинальное и, как правило, бесполезное действие. Однако Нефедов повезло: именно там, где чесал, он обнаружил у себя большую свежую шишку, которая помогла ему кое-что вспомнить.

– Стало быть, это ты меня и огрел... – усмехнулся Игорь, взвешивая в руках толстенный том. – Неплохо...

Ему захотелось ближе познакомиться с книгой, что чуть его не убила. Нефедов откинул верхнюю корочку переплета... и не поверил своим глазам – под обложкой был вовсе не справочник! На титульной странице чернилами от руки было выведено заглавие: «ОТЕЧЕСТВУ ПРОВОЗВЕСТИЕ. Романъ П.П. Почечуева».

Текст предварялся эпиграфом на немецком языке. «Русланд зольтэ айнэ брюкке цвишен ойропа унд азиэн шлаген, – прочел Нефедов. – Томас Ниббе».

Далее было по-русски, но Игорь уже не мог читать – от волнения строчки прыгали в его глазах.

– Ай да дядя!.. – бормотал он. – Ну и прохиндей...

Выходило, что Питерский украл-таки рукопись из музея! Значит, и псих Живодаров скандалил тут неспроста. При мысли о скандале Игорь почувствовал внезапный укол тревоги. Что-то сработало в его мозгу, – он вспомнил свой сон с Марыськой и Гамлетом и странные беспорядки, происходившие в квартире ночью.

С бьющимся сердцем Нефедов прислушался.

– Шерсть! – неуверенно позвал он.

Квартира ответила тишиной.

Шкаф помог ему подняться на ноги. Прижимая к груди почечуевскую рукопись и слегка пошатываясь, Игорь пошел выяснять обстановку. Он двигался по коридору, заглядывая подряд во все двери, но ни в спальне, ни в стенном шкафу, ни в какой-то еще темной комнатке ему не встретилось ни души. Добравшись до туалета,

Нефедов на некоторое время прервал свои поиски. Последняя дверь была дверь на кухню, но... Лучше бы он ее не открывал! Зрелище, обрушившееся на Игоря, чуть не заставило его опять потерять сознание. На полу шерстяной кухни лежал женский труп, а рядом в луже запекшейся крови валялась большая чугунная черная сковорода.

Часть третья

КУДА ГЛАЗА ГЛЯДЯТ

Налево... направо... опять налево... Дома поворачивались в глазах и в последний миг расступались, образуя очередной проход. Нефедов шел очень скоро, но, в каком направлении, совершенно не сознавал. Казалось, он управлялся извне, как человек из детской компьютерной игры-бродилки. Но кто же давил на клавиши? Кто смотрел человечку в спину и гнал его без пути по московским улицам? В действительности – никто; бег его был истерический. Так подействовало на Игоря увиденное на шерстянновской кухне. Люди по-разному реагируют на кровь и трупы. Кто-то пробует у жертвы пульс и звонит в милицию, кто-то вопит и лишается чувств. Игорь же просто потерял контроль над собственными ногами. Ноги сами выбежали в прихожую, прыгнули сами в ботинки и помчали его куда-то. Куда – неизвестно, но лишь бы подальше от жуткого места.

Только шнурки на ботинках сами не завязались.

Компьютерный человек падает, подстреленный, например, из бластера. Нефедов был должен тоже – раньше ли, позже ли, но упасть. Все уложилось в одну секунду: вскрик, полет, два удара о землю. Прежде чем Игорь спланировал на асфальт, он, словно бомбу, выро-

нил «Провозвестие» – это было уже второе совместное их падение. Позднейшие впечатления вытеснили у Игоря мысль о рукописи, но оказалось, что до последней минуты она оставалась у него под мышкой.

К счастью, на этот раз все обошлось без травм. Нефедов почистил ладони и обдул с двух сторон фальшивую обложку «Провозвестия». Оглядевшись по сторонам, он заметил невдалеке автобусную остановку с лавочкой. Присесть и перевести дух – вот что ему было сейчас нужно. Игорь побрел к остановке, стегая асфальт шнурами, – теперь этот звук он слышал.

Но очувствоваться, прийти в себя скоро не получалось. Довольно долго он просто сидел, оцепенело созерцая уличное мельтешение. Кто-то со стороны мог принять его за человека, ожидающего автобуса, а Нефедов ждал, когда к нему вернется способность мыслить.

И мысль его постепенно оживала. Первый осознанный им вопрос был из области топографии. Где же теперь находился Нефедов? Куда занесли его самобеглые ноги? Карту Москвы он знал неважно, а вид окружающей городской застройки подсказок не содержал. Везде, куда ни посмотри, высились, стлались и громоздились жилые и нежилые здания; в просветах меж ними видны были еще похожие. Это был просто какой-то район; здесь жили, работали и от разных причин умирали люди. В такие места попадаешь случайно, если не думаешь, куда идешь; но Игорь уже начал думать – он понял, что скоро ему предстоит искать отсюда выход.

Его рассудок шел на поправку, но только не в том, что касалось кошмара на шерстянковой кухне. Об этом Нефедов не смел еще размышлять. Наверное, где-то в глубинах его мозга анализ и совершался, но это была работа такая же бесконтрольная, как недавняя работа ног. Ни версий, ни даже каких-либо предположений

насчет убийства у Игоря не возникало, а всплывающий образ черной сковороды он немедленно отправлял в дальнюю корзину сознания.

Он сидел и курил в позе задумчивости на остановке. Сколько времени так прошло – вычислить невозможно. Три автобуса встретил и проводил Нефедов, но, как известно, московские автобусы расписания не соблюдают.

– Мужчина! – вдруг раздалось у него над ухом.

Вздрагнув, он поднял голову.

– Мужчина, вы курите нам прямо в нос!

Рядом с собой на лавочке Игорь увидел двух женщин с крашеными волосами.

– Простите...

Он бросил окурочек наземь и затоптал каблуком.

– Ишь, «простите»! – женщины не успокоились. – Сами толстые книжки читают, а никакой культуры.

Обращаясь к подруге, одна из них стала рассказывать, что недавно была в Германии и что там за курение на остановках полагается большой штраф.

– А которые сорют окурками, то и вовсе... – покосилась она на Игоря.

– Правильно... – кивнула подруга. – Ты, что ли, к зятю по вызову ездила?

«Вот сковородкой бы вас!..» – подумал в сердцах Нефедов. Он поднял с земли свой окурочек, встал и отнес его в урну.

На остановку, конечно, он уже не вернулся. Игорь двинулся дальше, побрел теперь уже не спеша, что называется, куда глаза глядят. Правда, вожатыми его глаза сейчас были никудашными: блуждая по сторонам, взгляд их толком ни на чем не фиксировался. Так, миновав уже два или три продовольственных магазина, Игорь оставил их без внимания. Лишь четвертая вывеска, состоявшая из одного, прямого до неприличия сло-

ва, смогла до него достучаться. «ВИНО», – прочитал Нефедов. Сделав еще с десяток шагов по инерции, он все-таки остановился. «Стоит ли?» – сам себя спросил Игорь. После секундной паузы ответ пришел утвердительный. Это было его первое сегодня сознательное решение.

Нефедов вошел в помещение, пахнущее кислятиной. Магазин был специализированный, то есть один из тех, где похмельные граждане могут не стыдиться своего тремора.

– Говорите! – крикнула ему продавщица.

– «Агдам» и пакет, пожалуйста...

Женщина не умела улыбаться, но не успел Игорь произнести волшебное слово, как бутылка в пакете уже стояла перед ним на прилавке.

– Спасибо, – сказал он.

– Следующий! – крикнула продавщица.

В пакете с «Агдамом» нашлось также место для почечуевской рукописи, и, спрятав ее, Игорь вздохнул с облегчением. Прежде, разгуливая с книгой под мышкой, он походил на свихнувшегося студента.

Из магазина он вышел уже не тем человеком, что вошел в него. Шаг Нефедова укрепился; взгляд выражал конкретный интерес. Ему теперь было нужно найти спокойное местечко, где можно было бы без помех побеседовать с «Агдамом». Но задача оказалась непростой. Детские городки он отвергал по этическим соображениям; магазинные задворки, заклепанные маргиналами, по эстетическим. А на лавочке в сквере легко было нарваться, к примеру, на тетку, побывавшую в Германии. Впрочем, скверы ему что-то даже не попадались. Мужчине с «Агдамом», приличному, средних лет, сложно устроиться в Москве. Однако Нефедов решил не сдаваться – он шел и шел, исследуя все встречные тупички и закоулки. В смысле цели поиски его остава-

лись безрезультатными, но зато отвлекали Игоря от тяжелых мыслей.

Он отмерил, наверное, целую городскую милю, когда неожиданно дома расступились, и впереди вдруг открылся изрядный зеленый массив. Нефедову повезло: он набрел на зады обширного нерегулярного парка – то есть как раз такого, какой и был ему нужен. В ограде парка на выбор имелось несколько прорех, но Игорь, как человек здесь случайный, воспользовался первой попавшейся.

Эта ограда с прорехами поделила мир надвое. Не успел Нефедов углубиться и на сто шагов в парк, как городские звуки все утонули в лиственном шорохе и стрекоте насекомых. Запахи земли, разогретой солнцем, трав и даже каких-то цветочков оповещали, что он попал если не в царство живой природы, то в ее небольшое княжество. Кущицы и отдельные деревца, бросавшие прозрачную тень, наперебой приглашали расположиться с «Агдамом». Однако, столкнувшись с разнообразием предложений, Игорь уже не спешил очаровываться. Тропинка, принявшая его еще от ограды, бежала, никуда не сворачивая, и скоро Нефедов почувствовал, что движется под уклон. Спустя некоторое расстояние он увидел блеснувшую между деревьев речную гладь – это была река Москва.

Доставив его на берег, тропинка внезапно исчезла: она растворилась в некошеной мягкой траве, покрывавшей склон. Игорь понял, что он наконец пришел. Внизу, в мутноватой московской водице, паслось, поругиваясь, утиное семейство. Подальше плавучий трамвайчик деловито урчал, вспахивая реку клювиком. На другом берегу погромыхивал, пуская тайком дымки и стоки, маленький ржавый заводик. Кругом все дышало покоем... Город, как правило, прячет такие места от приезжих, но для Нефедова Москва сделала исклю-

чение – возможно, ввиду его трудных сегодняшних обстоятельств.

Он опустился в траву, достал из пакета бутылку и откупорил ее зубами. Первые же глотки, сочетаясь с аурой места, подействовали на него благотворно. Тяжелые мысли, которые прежде Нефедов гнал от себя, теперь не то разбежались сами, не то существенно полегчали. Картина кухонного убийства утрачивала живую яркость, тускнела и запекалась в памяти. Да и убийство ли это было?.. Шла аспирантка со сковородкой, упала, ударилась головой. Шерстяной побежал за доктором...

Но по мере того как мало-помалу стихали тревоги последних часов, вместо них на передний план выступала опять его личная драма. Только сейчас вместо горькой досады и беспричинной жалости к самому себе Игорь впервые почувствовал стыд и раскаяние. Да так остро почувствовал, что ему понадобилось сделать срочный большой глоток. В том, что случилось вчера, был персонально повинен Нефедов – он, и больше никто... Бедная Надя! Сердце сжалось... и отпустило – снова помог «Агдам».

Впрочем, возможно, и личные его дела не были безнадежно плохи. Ведь с ним теперь была рукопись Почечуева; шутка ли сказать – та самая! С рукописью Нефедов – это не то что Нефедов без рукописи. Человек, возвращающий миру такой артефакт, уже не может быть судим как обычный пьянчуга и скверный муж.

С некоторым даже трепетом Игорь достал из пакета «Провозвестие», открыл его и перелистал. Страницы, испещренные дореформенной, бледноватой от времени каллиграфической вязью, легкого чтения не обещали.

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА

В шесть часов сорок пять минут светодиод в левом нижнем углу телевизора перемигнул и сменил цвет с красного на зеленый. Шесть секунд спустя в динамиках послышался женский свежий голос, а еще через две секунды по экрану расплылось изображение. Телевизор настроен был как будильник, но ему было безразлично, есть ли в постели тот, кого надо будить. Он хоть и сложная, но тупая машина, и даже если бы в доме все умерли, то все равно телевизор включился бы и выпустил незрячую дикторшу щебетать ту же утреннюю чушь. А Нефедова в постели не было. Его не было даже и на диване, где он спал в крайних случаях. Вчера вечером Игорь ушел из дома.

Сметая с тумбочки разную прикроватную мелочь, Надя нашарила пульт и прицелилась в телевизор – дикторша сгнула. Вставать так рано сегодня не имело смысла: за отсутствием мужа кофе и завтрак для него готовить не требовалось. Но... выключиться, как телевизор, Надя, конечно же, не умела, и потому эти лишние, ненужные ей полчаса она попросту тихо проплакала. У нее было две подушки, своя и пустая мужняя; плакать Надя могла в любую. Но время все-таки поставило слезам границу. В восемь с четвертью она взяла себя в руки и пошла умываться.

Все дальнейшие Надины действия уже соответствовали каждодневному ежеутреннему распорядку. Действия эти, несмотря на их личный, подчас интимный характер, подчинялись, по сути, служебной необходимости. Все музейцы в эти минуты делали то же самое, а водитель Иван Степаныч где-то, конечно, уже колдовал, оживляя старый почечуевский пазик.

Сила духа, надежный макияж и чувство своей общественной значимости – вот лучшие средства для жен-

щины, чтобы не впасть в уныние. Надя исполнила все утренние ритуалы, ни разу нигде не замешкавшись. Собранная, чуть строгая, в девять десять она вышла в переднюю, где обулась, четко досылая ноги в туфли. В девять одиннадцать Надя посмотрела на себя в зеркало и осталась удовлетворена. В следующую минуту зажуужал мобильник.

Это был телефон Игоря, забытый им, как всегда, на тумбочке. Он светился, вибрировал и полз на спине, словно издыхающая муха. Секунду помедлив, Надя взяла его двумя пальцами и, нажав на зеленую кнопку, поднесла к уху.

– Гарик, зараза! – услышала она. – Где же это ты шляешься?

Голос в трубке принадлежал Ксенофонтову, однако Надя ничего не ответила. Она вдавила ногтем кнопку отбоя и держала ее до тех пор, пока мобильник не перестал подавать признаки жизни. В глазах ее мелькнуло гадливое удовлетворение.

Больше о личном она не думала. Отключив нефедовский телефон, Надя и в себе тоже выключила несвоевременные мысли и переживания. Выйдя из дома, она взяла ровный деловито-бодрый шаг, а лицо ее приняло непроницаемо-доброжелательное выражение. Нельзя было даже вообразить, что эта женщина час назад плакала в подушку.

Сборный пункт почечуевцев находился на городской площади возле памятника Ленину. Желтый пазик, конечно, стоял уже на своем месте, привычно осененный рукой вождя пролетариата. Транспортное звено было самым надежным во всем музейном хозяйстве. Иван Степаныч подавал автобус чрезвычайно аккуратно, несмотря ни на погодные обстоятельства, ни на проблемы со здоровьем, случавшиеся в силу возраста и у него, и у пазика.

Стоя в терпеливом ожидании, автобус дремал, словно пожилая лошадь, и лишь дрожание его помятого годами бампера выдавало внутреннюю работу мотора. Дверь в салон его была открыта, однако в автобусе находились пока что лишь два человека. У руля был, конечно, Иван Степаныч, а переднее место в салоне (направо от двери) занимала администратор экскурсий Лидия Ефимовна. Разделенные теплым капотом, они сидели молча, с такими же непроницаемыми лицами, с каким присоединилась к ним главный хранитель Надежда Николаевна. И по их лицам тоже нельзя было никак судить об их личной жизни, между тем как она была у них, и притом совместная.

Лидия Ефимовна и Иван Степаныч сошлись еще несколько лет тому назад, после того как у Лидии Ефимовны умер ее рыжий кот. Тогда-то музейский пазик замечен был ночующим на улице Островского, а после этого вскоре забор и веранда домика номер семнадцать дробь три зазеленели свежей краской – такой же в точности, что крыльцо почечуевского Главного дома. С тех пор внешне Лидия Ефимовна никак не изменилась, но стала благосклоннее отзываться о противоположном поле.

– Если мужчин не баловать, – говаривала она, – от них тоже бывает польза. Кабы не Иван Степаныч, то кто бы мне на крышу слазил?

Чтобы не раскланиваться со всеми входящими, Надежда Николаевна заняла место в самом хвосте автобуса. Тем не менее она приветливо улыбалась, если ей приходилось встретиться взглядами с кем-то из прибывающих сотрудников. Точнее сказать, сотрудниц, потому что почечуевский коллектив давно уже в большинстве составляли женщины, притом, как говорится, на возрасте. Немногочисленные музейские «мужчины», впрочем, тоже были немолоды. Подвизались они в ос-

новном по хозяйственной части, то есть, по выражению Лидии Ефимовны, «лазили на крышу». Единственным научником мужского пола оставался старик Кронфельд – он, конечно, на крышу не лазил, но, пожалуй, уже и не смог бы.

Были времена, когда в Почечуеве кипела умственная жизнь, когда Кронфельд и вечный его соперник Питерский скрещивали интеллекты в ученых дискуссиях. Теперь только дамские языки скрещиваются в нескончаемых сплетнях. Питерский вышел давно на пенсию и, говорят, уже даже умер, а Кронфельд.. да вот он: еле заносит ногу на ступеньку автобуса.

От прежнего Кронфельда оставалась одна лишь его чиненая-перечиненая неизменная холщовая сумка. Однако уже много лет он носил в ней не рукописи, а пузырьки с лекарствами и слипшиеся бутерброды. Когда наконец он взобрался в автобус, добрая молодая бухгалтерша встала, уступая ему место, и Кронфельд, не раздумывая, уселся.

Надежда Николаевна вздохнула и отвернулась к окну. Снятый с тормоза пазик выпустил воздух.

– Трогай! – скомандовала Лидия Ефимовна Ивану Степаньчу, и глаза их встретились в кабинном зеркальце.

Автобус всхрипнул, затрепетал бампером, взвыл тонким голосом и поехал. В окне поплыли привычные, знакомые во всех подробностях виды.

В молодости дорога из города в Почечуево представлялась Наде чуть ли не путешествием во времени – из мира хмурых пятиэтажек с Лениным, с линялыми глупыми лозунгами в усадебный, немного забавный, но теплый и уютный мирок. Город в те годы был обрамлен бедноватыми неопрятными двориками сельского образца. Всяк выезжающий из него мог напоследок полюбоваться курами, собачьими будками и задами баб, неизменно торчащими в огородах. Впрочем, все это до-

вольно скоро ссыпáлось за край автобусного окна. Спереди, справа и слева по ходу наплывали поля, неторопливо, будто в старинном танце, разворачивавшие плиссе и гофре своих пашен в желтых пуговицах стогов. А затем внезапно набегал березняк, и начиналось веселье. Автобус сваливался под горку к речке, проскакивал мост и с разбегу взлетал до половины противоположного склона. Оставшиеся полсклона пазику приходилось брать силой, но в те времена он был молод, и такие подъемы давались ему без труда. Самой усадьбы не разглядеть было в густой зелени парка, а парк, обозначенный лишь условным малозаметным пунктиром ограды, трудно было отличить от простого леса. Исторические деревья отнюдь не чурались окружавшей их обыкновенной растительности и в котором уже поколении обменивались с ней семенем. Простившись до вечера с пазиком, почечуевцы не спеша расходились по рабочим местам, чтобы весь день пить чай, читать книги, вести отвлеченные разговоры или просто бездельничать в сени деревьев и истории. Было что-то почти античное в той почечуевской жизни, теперь казавшейся Наде лишь плодом воображения.

Сегодня шоссе между городом и музеем было с обеих сторон сплошь обставлено особняками. Разнообразно уродливая застройка съела, сомкнула пространство между реальностью и мечтой. Хозяева этих особняков глядели помещиками и держали богатые выезды. Наверное, хорошо, что кто-то смог чудесным образом так улучшить свои жилищные условия, но для Нади дорога в музей сделалась теперь скучной. Она и в окно не глядела бы, если бы внутри автобуса не было еще скучней.

Автобус кашлял и натужно выл. Далеко уж не с прежней легкостью взбирался пазик на почечуевскую горку. Возможно, скорость его могла быть и больше, но Иван

Степаныч никак не решался обогнать велосипедиста, выжимавшего педали перед самым носом автобуса. Дело в том, что велосипедист этот был не кто иной, как директор Морковский. Он таким способом добирался на службу, потому что езда без мотора отвечала его экологической концепции. Музей Морковский возглавил недавно, но сотрудники успели привыкнуть к тому, что с утра от него разит потом, и к тому, что у него много концепций. К сожалению, почечуевская действительность ни одной из этих концепций не соответствовала. Сотрудников музея он (справедливо отчасти) считал бездельниками, а самого Почечуева находил переоцененным автором и взглядов его на историю России не разделял. С историей же собственно почечуевской усадьбы Морковский ознакомился по путеводителю, купленному в музейном киоске. Путеводитель был издан на русском и четырех иностранных языках, но Морковский оказался полиглотом и в тот же день, запершись у себя в кабинете, исправил все пять вариантов.

Но бумажными преобразованиями новый директор не ограничился. Заглянув в лесопарк, Морковский обнаружил, что деревья в нем растут безо всякой концепции. Он приказал сделать в парке просеки для устройства велосипедных дорожек и продумать возможность фонарного освещения. Этому начинанию воспротивилась Шубина, начальница лесопаркового отдела, но Морковский ее уволил, а руководить отделом назначил рабочего Игната, человека неграмотного, но жадного до топора.

Были у него планы и по экспозиционной части, но осуществить их пока что не удавалось. Ученый совет противился его концепции альтернативной экскурсии, а хранительница Нефедова запрещала устраивать в Главном доме перформансы и инсталляции. Эта Нефедова

очень раздражала Морковского, потому что должность главного хранителя утверждалась в министерстве и уволить ее, как Шубину, он не мог. Оставалось только вести с ней позиционную войну, в порядке которой директор отказывал в средствах на реставрацию и даже на простой ремонт Главного дома. Может быть, он надеялся, что дом рано или поздно рухнет и погребет под собой неактуальную экспозицию и всех его тайных и явных недругов-ретроградов.

Но наибольшую ненависть у Морковского вызывал почему-то почечуевский дуб. Директор называл историческое дерево не иначе как гнилым зубом и, конечно, давно бы уже велел Игнату спилить его, однако дуб официально охранялся государством. Морковскому лишь оставалось злобствовать в адрес дуба и государства, но государство и дуб его, кажется, не замечали.

Государство было слишком велико, а дуб слишком стар – оба видели много дураков-директоров. Но для Надежды Николаевны Морковский был ежедневный противник. Эту линию фронта она обязана была держать, что бы там ни происходило у нее в тылу.

«ПРОВОЗВЕСТИЕ» ПОЧЕЧУЕВА

«Абсурд!.. Попал пальцем в небо!.. Ахинеально!..»

Вероятно, Нефедов сказал что-то вслух, потому что из травы неподалеку высунулась чья-то голова, покрытая носовым платком. Но возмущение Игоря было объяснимо. Таинственный последний роман классика оказался и не роман вовсе, а какой-то футуристический памфлет, читать который с высоты исторического знания было невыносимо.

«По вине тупого и косного правительства, – писал Почечуев, – Россия проиграла две большие войны –

одну на востоке, другую на западе. Границы распавшейся империи сделались прозрачными. Победители на специально созванной конференции учредили объединенную Восточно-западную коммерческую компанию. Задача ее была проложить чрез сибирские болота железную двухколейную дорогу для беспрепятственного сообщения товаров между Европой и Азией. Русским же конференция определила для прокорма малую транзитную толику – чтобы от голода не партизанили, не свинчивали с рельсов гаек и другой беды не чинили».

– Это даже не смешно... – пробормотал Нефедов. – Сидел старик под дубом, сидел – и сбрендил.

«Аборигены, то есть русские и другие коренные народы, обрадовались поражению в войне, потому что с той поры были освобождены от податей и службы в армии. Большею частью они ушли в леса, а меньшею остались прислуживать у Дороги, строительство которой шло с двух сторон полным ходом. Самым толковым из этих оставшихся доверены были ручные молоты, и они влились во всесветный работный интернационал, так что скоро их было уже не отличить от негров, китайцев и поляков. Те же, кто ушел, не пожелавши служить иноземцам, стали разводить огороды и зажили простой жизнью. Однако они не совсем отказались от благ цивилизации, которые несла с собой Дорога. Ночами эти русские подворывали из проходящих составов, и татьба сия обеспечивала хозяйствам их весомый приварок.

Но, невзирая на некоторую убыль товара в пути, Восточно-западная торговая компания процветала. Железную дорогу, пронизавшую бывшую Российскую империю, иностранные газеты (а других теперь не было) величали новым Шелковым путем. Красноречивейшие из журналистов сравнивали нескончаемый товаропоток

с живительными водами Нила, в пойме коего некогда благоденствовало Египетское царство. Вдоль Дороги по обеим ее сторонам возводились большие и малые промышленные города, между которыми протянуты были телеграфные проволоки. Берега великих сибирских рек соединили чугунные громовержущие мосты. Но не только товары, а и тысячи людей не встречали препятствий, пересекая континент, независимо от чинов, званий, подданства, цвета кожи и иных различий. На станциях поезда объявлялись на четырех языках; здесь дамы щеголяли в самых немыслимых нарядах – от кимоно до арабских шальвар, а в буфетах даже ночью можно было откусать японскую рисовую котлетку и запить ее свежим баварским пивом.

Совсем иначе жизнь протекала в селеньях удалившихся аборигенов. Как я уже сказал, насущные нужды свои они утоляли с помощью огородного земледелия, а также дорожной ренты, что с вышеупомянутым невольным прибавлением платила им Восточно-западная компания. Таким образом у них оставалось много свободного времени, которое они посвящали уженью рыбы в реках и философским размышлениям».

Далее в почечуевской рукописи шли страницы, посвященные сельскому быту и русской природе. Получалось, что тот и другая после катастрофы мало изменились, но только крестьяне отчего-то принялись философствовать.

«А местами он пишет неплохо», – отметил про себя Нефедов. Ему вдруг живо представились картофельные деревеньки в окрестностях Почечуева, и луга, и парк над речкой, где гуляли они с Надей еще до того, как она устроилась на работу в музей. Раз или два они даже брали с собой удочки, но ничего не поймали. Все-таки в те годы им было не до рыбы, как, впрочем, и не до философских размышлений.

СОВЕТСКИЙ ОТДЕЛ

Зачем в музее-усадьбе Почечуева нужен Советский отдел? Все знают, что великий писатель скончался от болезни печени раньше, чем случилась первая русская революция. Но если бы даже печень его была здорова, у старика нашлось бы много других причин, чтобы не дожить до Великого Октября. К тому же неизвестно, как бы он принял советскую власть: об отношении классика к социалистам в исследованиях говорится глухо.

К счастью, в большинстве своем посетители подобными вопросами не задаются, а просто идут себе мимо. Но если кому-то интересно, что ж, он может получить информацию в самом Советском отделе: и о литературной преемственности, и о глубокой связи между критическим и социалистическим реализмом. Только надо иметь в виду, что Советский отдел нередко бывает закрыт. Ведь главное его назначение, о котором посетителям знать необязательно, заключается все-таки в том, чтобы проводить в нем разные музейские мероприятия – от заседаний до посиделок. Тут и мебель не мемориальная, а простая конторская, которую не страшно залить чернилами или вином. На спинке одного из стульев есть даже надпись, вырезанная перочинным ножиком: «Протасов – дурак», – прямо как в школе. Протасов – директор музея, он часто здесь ораторствует. Экспозиция в Советском отделе тоже не представляет особой ценности. К примеру, когда недавно кто-то кокнул бюст писателя Паустовского, то его просто сактировали, и все.

Здание, где располагается отдел, раньше было конюшней, а в советское время к нему только пристроили крыльцо с колоннами. По степени ветхости оно даже опережает многие другие усадебные постройки. Средств на ремонт его (впрочем, как и других объектов)

не выделяет директор Протасов, но не потому, что пренебрегает советской тематикой, а потому что находит средствам лучшее применение. В сущности, надпись на стуле не совсем верна – Протасов сначала вор, а дурак уже во вторую очередь. Но чем хорош почечуевский директор, так это тем, что не сует нос в ученые дела, хотя какие ему ученые дела, если по образованию он фрезеровщик. До музея Протасов служил инструктором райкома по сельскому хозяйству, когда его «бросили на культуру», он поначалу, пока не освоился, даже переживал.

Но все-таки в Советском отделе директор чувствует себя наиболее уверенно. Речи он говорить не мастер, но по райкомовской привычке любит делать доклады. Как раз сегодня вся прогрессивная общественность отмечает Международный день музеев, и у Протасова есть повод.

Советский отдел по такому случаю, конечно же, закрыт. Посетителям ни к чему слышать разносящиеся по его залам протасовское косноязычие и запахи приготовляемого праздничного обеда. Праздник, впрочем, не из великих, так что и доклад, и обед нынче средней важности. Хотя танцы, наверное, будут, потому что сегодня здесь Наденька, а еще ни одна музейская вечеринка с ее участием без танцев не обходилась.

Протасов бубнит что-то о растущей кривой посещаемости. Первый ряд его слушателей составляют работники бухгалтерии и АХО. Из-за спины директора в зал глядят, не мигая, головы советских писателей, и только вместо Паустовского стоит горшок с цветком. Писателям что, они гипсовые, но остальным, кто из плоти и крови, очень хочется, чтобы Протасов поскорее закончил. Когда же этот миг счастливый наконец наступает, кто-то в зале, не выдержав, хлопает. Аплодисменты докладом не предусмотрены; директор высматривает

шутника и грозит ему пальцем. Собрав свои тезисы, Протасов покидает трибуну.

– Ладно уж, вы тут это... – говорит он, делая неопределенный жест. – Я пойду пока, покурую.

Выйдя на крыльцо Советского отдела, директор закуривает и, храня величавую неподвижность, смотрит с высоты ступеней куда-то вдаль. Тем временем в зале, где он читал доклад, происходит быстрая и радикальная перемена обстановки. На середине его сплочены и застланы ватманом несколько конторских столов. Уже выставляется угощение, центральным блюдом которого будет, конечно, картофельное пюре с тушенкой.

Минут через десять Протасов гасит окурок о колонну и прячет его, заливнув в стенную трещину. Пора возвращаться ему к коллективу. В зале сотрудники успели обсесть столы и затрагивают свои вилки, не решаясь приступить к трапезе. Директор неторопливо занимает главенствующее место. Справа от него уже открывает бутылку заведующий АХО Тчанников (в просторечии – Чайник). Слева – незанятый стул, предназначенный Белоглазову, заместителю директора по научной части. Белоглазов бежал от Протасова на другой конец стола, чтобы избавиться от насмешек. Директор небезосновательно подозревает своего заместителя в гомосексуализме и на этом основании всячески его третирует.

– Значица, так!.. – Привлекая к себе внимание, Протасов звенит вилкой по рюмке. – Все собрались?.. А где Белоглазов?.. А, вижу, вижу... Ну сиди, где сидишь. С женщинами тебе способней.

Бухгалтерия и АХО отзывчивы к его шуткам.

– Товарищ директор, – смеется кадровичка Люся, – можно, я на его место пересяду? Мне как раз способней с мужчинами.

– Погоди, Люсьенда, не время... – отмахивается Протасов. По лицу его, однако, видно, что «время» для кадровички непременно настанет.

Он опять звенит вилкой.

– Значица, так... А ну тихо!.. Мы с вами, как говорится, не на пьянку собрались. Я от лица, как говорится, и тому подобное поздравляю вас с этим праздником. Желая всем вам культурно повеселиться. Но чтобы, конечно, без этих... без экс... с...

– Без эксцессов, – с места помогает кто-то из научных.

– Вот именно! Бюсты, значица, не колотить и тому подобное.

– Ура! – возглашает Тчанников, поднимая рюмку.

– Ура-а! – нестройно подхватывают музейцы.

Все выпивают, потом едят, потом выпивают снова. Звучат дежурные тосты. Но постепенно застолье начинает сбиваться с ритма. Кто-то пьет, когда надо закусывать, кто-то жует, когда другие чокаются. Тосты делаются не слышны в шелесте возникающих повсеместно бесед. Тем не менее в разговорах и во всей атмосфере зала чувствуется еще некоторая скованность. Ученая часть коллектива и хозяйственно-административная взаимно смущаются. Надо брататься, но как поглядит на это Протасов? Директор – вот чье присутствие всех стесняет. Пора бы уже ему, прихватив приближенных, отчалить в «директорский домик», где в кабинете наверняка припасены у них и коньяк, и красная рыба. Но разомлел Протасов – в приятном рассеянии слушает он нашептывания кадровички Люси и вилкой гоняет в тарелке горошину от салата.

Как избавиться от начальства?.. Питерский подмигивает Кронфельду, Кронфельд подмигивает Питерскому – сейчас они солидарны.

– А не спеть ли нам что-нибудь душевное? – предлагает первый второму.

– Пожалуй, что и споем, – соглашается второй с первым.

Обнявшись за плечи, они а капелла затягивают песню про синий троллейбус. Некоторые из научных подхватывают. Протасов, поморщившись, швыряет вилку; горошина из тарелки прыгает ему на брюки.

– Уже завыли, – бурчит он с досадой.

Стрянув с себя Люсю, директор поднимается с места:

– Бухгалтерия, кадры, давай на выход!

Оглядев остающихся напоследок, Протасов грозит им пальцем:

– Значица, помните, что я сказал: до утра чтобы здесь не рассиживаться и около объекта не блевать!

Научники кивают головами, не прекращая пения:

– Возьмемся за-а руки, друзья, чтоб не пропасть по-а-диночке...

По убытии Протасова и его клики музейцы оживляются и чокаются наперекрест.

– Теперь, – объявляет Питерский, – когда наше уважаемое мурло нас покинуло, ставим на голосование танцы!

Предложение встречается одобрительным шумом. Танцы в Советском отделе стали уже традицией. В этом, кстати, немалая заслуга Наденьки, ведь по танцевальной части она безусловный лидер коллектива.

И вот уже Советский отдел превращается в дискотеку. В дело пущен магнитофон – музейский механический экскурсовод, к счастью ни разу еще не употреблявшийся по прямому назначению. Пленка, где Попа озвучивает свою невозможную методичку, вынута, а вместо нее из динамика рвутся мелодии и ритмы зарубежной эстрады. Сама Попа уже колеблется в танце, основу которого составляют лебединые взмахи рук. Рядом, смешно оттопырив зад и поводя коленями, самовыражается Шерстяной. Питерский с Кронфельдом на встречных курсах демонстрируют стильный проход,

освоенный ими лет двадцать назад в университетской общаге. Сколько людей, столько пластических автопортретов, но лишь Наденька здесь танцует по-настоящему и не повторяет затверженных па. Ножки ее то бьют с прискоком, то чертят изящно по полу; жесты рук неожиданны, разнообразны и полны страсти. Грудь порхают под тонкой тканью; ложбинка на обнаженной спине живет каждое мгновение; платье попеременно натягивается на бедрах. Радость движения, вдохновенная чувственность выражаются в ее лице – в танце Наденька прекрасна и бесподобна.

Однако не все из присутствующих в восторге от ее свободной манеры. В числе нетанцующих созерцателей есть несколько старушек-смотрительниц. Они перешептываются между собой и делятся замечаниями с Лидией Ефимовной, но та лишь неопределенно покачивает головой. Как бы там кто ни сплетничал и что бы ни позволяла себе ее любимица, Лидия Ефимовна никогда не выразится о Наде дурно.

Но есть еще в зале некто, не отрывающий глаз от танцующей Наденьки. Что этот некто чувствует, по лицу не понять, ибо лицо его опечатано густой смоляной бородой. Только заметно, как с каждой выпитой рюмкой у человека багровеет лоб... Что за помыслы вызревают под этим лбом? Может быть, Надя в опасности?

«ПРОВОЗВЕСТИЕ» (продолжение)

Между тем, пока русские философствовали и удрили рыбу, количество товара, перевозимого по Великой дороге, нарастало и превысило наконец все допустимые пределы. В тоннелях и на разъездах образова-

лась непроходимость, и Дорога стала. Тогда с обеих сторон на расчистку путей пущены были блиндированные паровозы. Так началась Большая война между Западом и Востоком, и шла она с переменным успехом не один год. Поскольку за неимением армии Россия в этой войне не участвовала, то некому было ход ее обратить в чью-нибудь пользу. Раненые и дезертиры обеих армий бежали в русские земли, где находили приют и много лесного целебного моха. Большинство их не возвращались потом на поля сражений, а по примеру аборигенов заводили собственные огороды и принимали Православие. Из числа таких перекрещенных дезертиров двое получили особенную известность. Один из них, имевший техническое образование, был по рождению немец; другой, смугловатый и узкоглазый, происходил из азиатцев, но не из татар. Как звали новообращенных в их прошлой жизни, все и сами они скоро забыли, а дадены им были новые, русские имена. Бывшего немца крестили Фомой, азиатца же Еремом. Эти Фома и Ерема всей душой почему-то приняли и полюбили русский уклад жизни, а выучивши язык, сделались притом необыкновенно речисты. И речи они повели ни много ни мало как о спасении человечества – прямо о том, что спасение цивилизации принесет крестьянская общинная жизнь, простая натуральная пища, а также истинная вера Православная. Стали Фома и Ерема ходить по селениям проповедовать, и повсюду русские слушали их с удовольствием, хотя по манере проповедники сильно между собой различались. Азиатец говорил цветисто, с тонкими оборотами и даже иногда подыгрывал себе на гитаре. Бывший немец напротив – все вешал на дерево таблицы и с указкой умно толковал, как русские должны быть счастливы своим естественным сельским общением, которое не содержит противоречий относи-

тельно классов, собственности и всего прочего. Русские равно внимали обоим.

...Нефедов, не глядя, потянулся за бутылкой и машинально взболтнул ее, пробуя на вес остаток. «Агдам» подходил к концу...

Большая война между Востоком и Западом завершилась сама собой. Не потому, что кто-то одерживал в ней верх, а лишь по причине полного взаимного истощения сторон. Бывшая Великая Дорога, краса и гордость цивилизованного мира, являла собой ужасное зрелище. Воксхоллы, гостиницы, торговые пассажи, банки и мануфактуры – все разрушено было пушечными бомбардировками. Станции сделались кладбищем тысяч вагонных обгорелых скелетов. На путевых откосах, разбросав колеса и черные свои капоты, валялись локомотивы и гнили, как мертвые большие жуки. Взорванные мосты мыли фермы в сибирских реках; на уцелевших телеграфных столбах курчавились оборванные проволоки... Картину великого истребления – вот что теперь являла собой бывшая Великая Дорога. Где запад и где восток – понять было можно лишь по движению солнца, едва проглядывавшего сквозь дымы пожарищ.

Когда же бой пушек стих окончательно, из лесов своих выбрались русские. Пред ними лежали останки Дороги, построенной иноземцами и ими же уничтоженной. Но не вид этих дымящихся останков огорчил русских, а мысль о том, что они лишились привычных законных и незаконных транзитных приварков. Что им теперь было делать? Опечаленные, пошли русские за наставлением к своим проповедникам Фоме и Ереме, и те поняли, что час их пробил. И возвестили они пришедшим русским, что грустить им отнюдь не следует, а надо, наоборот, ликовать и радоваться. Дескать, настало время объявить миру свет истины и начало новой жизни, основанной на православных общинных началах,

без классов и антагонизмов. И чтобы русские не усомнились, Фома с Еремой объявили себя уже не проповедниками, а Святыми Равноапостольными Провозвестниками. И, поверив им, русские возликовали. Оставив пруды свои и огороды на попечение старых да убогих, они вышли опять на дорогу. Там, разделившись на две колонны, русские двинулись в путь по шпалам – одни, под водительством Фомы, на Запад; другие, ведомые Еремой, на Восток.

...Нефедов прикончил «Агдам» и убрал пустую бутылку в пакет; рукопись он отправил туда же. Чтение его утомило; Игорь с силою потянулся, отчего сознание его ненадолго помутилось и в глазах опять побежали прописные дореформенные буковки – только теперь в негативном изображении. Зато, придя в себя, он словно бы наново открыл окружающий мир. Впрочем, мир этот, пока Нефедов пил и читал, мало чем изменился. Его визави, заводик, с прежним усердием делал свое грязное дело. Утки без устали ссорились и питались. В траве по соседству, где раньше показывалась голова в платке, торчало теперь колено с поставленной на него шевелящейся босой ступней.

Нефедов поднялся с земли, отряхнул штаны и еще раз осмотрелся. Идти дальше он мог либо вверх, либо вниз по течению Москвы-реки, хотя разницы почти не было, так как вода в Москве двигалась еле-еле. Но Игорь не мог разделить на две колонны, поэтому, чуть подумав, он направился все же налево, вверх по течению.

Берег поначалу оставался довольно диким, только на склоне его белели кое-где людские тела да у кромки воды вразброс сидели задумчивые русские рыбаки. Постепенно, однако, цивилизации прибывало. Прибрежную земляную тропу сменила мощеная набережная; появились первые урны и скамейки. Высокая

лошадь с милиционером на спине прошла навстречу Нефедову и показала зубы. Публика становилась гуще и разнообразнее; много попадалось азиатских лиц – то ли японских, то ли китайских, но не татарских явно. Обвешанные большими фотоаппаратами, маленькие азиаты гуляли сплоченными группами и постоянно друг друга снимали. Но преобладали все же европеоиды, говорившие по-русски с малороссийским акцентом или с сибирской вопросительной интонацией. Обилие гостей столицы говорило о том, что Нефедов набрел на какое-то достопримечательное место, возможно даже историческое. И действительно: вскоре впереди по ходу на прибрежном взгорке показались над деревьями купола и крыши старинных церковных сооружений. Снизу от набережной к ним вела уступчатая пешеходная дорожка – ею Нефедов и решил воспользоваться. Пора ему было проститься с Москвой-рекой и выбиратья опять в Москву-город. Там он рассчитывал отыскать ближайшую станцию метро, доехать до своего вокзала, сесть в свою электричку и... может быть, наконец обдумать дорогой свои непростые обстоятельства.

ДИПЛОМ

Прописанных граждан в столице проживает не так уж много – порядка десяти миллионов. Остальные – приезжие всех мастей. Ими кишат вокзалы, музеи, коридоры союзных главков и, конечно же, московские магазины. Если из какого-нибудь центрального гастронома взять да и выгнать всех приезжих, то кто в нем останется? Ну разве та дамочка, что всех задерживает у кофейного прилавка: ей, видите ли, не нравится «пéру», а хочется колумбийского... А как бы просторно

стало в московских ресторанах, если бы в них совсем не пускать этих так называемых граждан с мест! Хотя кое-какие меры, конечно, принимаются...

Игорь с Надей в толпе приезжих бредут вдоль большого проспекта, может быть, главного проспекта страны. По обеим его сторонам небо застыт плоские белые многоэтажки, похожие на простыни, вывешенные для просушки. Ниже тянутся километры двухъярусных зеркальных витрин. Эти-то витрины и собрали сюда народ из разных уголков Союза. В магазинах на большом проспекте нужных товаров, разумеется, нет, но есть хоть какие-то. Граждане в пиджачках, в шляпах «под кожу», в кепках простых и кепках-«аэродромах», загоревшие на полевых работах и смуглые так, от природы, выходят из магазинов не с пустыми руками.

Однако Нефедовы приехали сюда не за покупками. Их интересуют здесь не магазины, а рестораны или в крайнем случае кафе. Но хотя предприятий общественного питания тоже немало на большом проспекте, гостеприимством они не отличаются. На дверях их висят таблички, где выполненные художественно, где криво написанные от руки, но довольно однообразного содержания: «Спецобслуживание», «Заказ», «Мест нет». Может быть, эти таблички висят здесь уже с утра, а возможно, со дня открытия заведений. Проверить, не врут ли они, нет никакой возможности, потому что за каждой табличкой стоит еще грозный швейцар и взглядом отпугивает приезжих.

Конечно, идею поужинать на большом проспекте Игорю бес подкинул. Но есть и другое объяснение. Все-таки у Нади сегодня было вручение диплома. Правда, они уже отметили это событие с двумя Надиными однокурсницами в коктейль-баре неподалеку от института. Но потом разумненькие однокурсницы, обе москвички, отправились по домам, чтобы разделить свое

счастье с родителями, а Нефедову показалось глупым уехать из Москвы, съев лишь по два канале на зубочистках.

Надя, со своей стороны, предлагала посидеть еще в баре, но Игорю это место почему-то не нравилось. Даже несмотря на то, что здесь все было предусмотрено для комфортного отдыха и даже специально была устроена искусственная ночь. В зашторенном помещении горели бордовые, низко свисавшие над столиками лампы, что делало его похожим на фотолaborаторию. Под абажуры ламп медленно восходили облака табачного дыма, подрагивавшие в ритме музыки. Музыка эта, состоявшая из одних почти низких частот, только уплотняла воздух, но не мешала посетителям, откинувшись в креслицах, вести расслабленные беседы. Бармен за стойкой выглядел импозантно, совершенно под стать интерьеру, и казался еще более расслабленным, чем любой из посетителей. У него была интересная, затейливо выстриженная борода, а его очки «макнамара» собирали на стеклах весь небольшой здешний космос, разменивая его на два совсем крошечных. Но по какой-то причине Игорь чувствовал себя в заведении словно не в своей тарелке. В отличие... в отличие от кое-кого другого. Подойдя испросить у бармена очередные свои два коктейля, Нефедов заметил вдруг таракана, гулявшего прямо по стойке меж лужиц пролитых нектаров и безбоязненно их дегустировавшего.

– Смотрите, – сказал Игорь бармену, – он пьет и не платит.

Бармен взглянул на таракана, и тот удвоился в его очках.

– Пусть пьет, – сказал бармен. – Я его знаю.

– Но, может быть, его того... – неуверенно предложил Игорь, – убить или хотя бы прогнать?

Бармен медленно приподнял бровь.

– Спокойно, товарищ... – процедил он. – Вы, кажется, тут приезжий, так будьте добры не устанавливать свои порядки.

Это последнее замечание рассердило Нефедова, но он сдержался и ничего не ответил. Вернувшись под свою лампу, он рассказал Наде про таракана и передал свой разговор с барменом.

– Видишь, – сказал он, – нам тут не рады. Давай по-ищем человеческий ресторан и поужинаем как положено.

А Надя была счастливая, немного хмельная и потому на все согласная.

– Ресторан так ресторан, – улыбнулась она. – Как скажешь, Гарик.

И вот уже скоро час, как они меряют шагами большой проспект и читают однообразные неутешительные таблички. Идея с «человеческим рестораном» уже не кажется им удачной. Конечно, будь Игорь более предприимчив и нагл (скажем, как Шерстяной), то они бы наверняка где-нибудь давно сидели и кушали. Но Игорь не Шерстяной; он не знает специальных фраз, безотказно действующих на ресторанных служителей, и даже стесняется показать швейцару червонец через дверное стекло. Хмель между тем в головах повыветрился, а с ним и праздничное настроение. Надя ропщет и облегчает душу несвойственной ей риторикой.

– Где еще, – негодует она, – есть на свете такая столица, чтобы два гражданина со средствами и законченным высшим образованием не могли в ней нормально поужинать?

А большой проспект, как не длинен он, подходит уже к концу. Скоро он выплюнет Надю с Игорем в обыкновенные улицы, где не то что ресторана, а и простой пельменной не сыщешь. Вот и последнее заведение на углу, даже два – ресторан и кафе при одном общем вхо-

де. Табличек по такому случаю здесь на двери тоже две: первая уведомляет, что кафе заказано, а вторая (какая неожиданность!) сообщает, что в ресторане нет мест.

– Вот и обмыли мы мой диплом, – грустно констатирует Надя. – Как хочешь, Гарик, но дальше я не пойду.

А дальше идти и некуда – поворачивай, приезжий, свои оглобли. Нефедов глядит на таблички, издевательски покачивающиеся за дверью, и... чувствует, как в душе его созревает гнев.

– Все! Лопнуло мое терпение! – заявляет он вдруг решительно. – Милая, мы идем на штурм!

Не давая Наде опомниться, он отважно толкает дверь, загремевшую табличками, и входит внутрь. Навстречу ему с растопыренными руками устремляется швейцар:

– Те-те-те!.. Стойты!..

– В чем дело? – надвигается на него Нефедов.

– Читать уметь? Нету мест в ресторане!

– А в кафе? – не сдаётся Игорь.

– Тоже самое – свадьба там.

У Игоря в левой руке зажата десятка, в правой – трепещущая Надина ладошка. Он готов уже раскрыть перед швейцаром свой левый кулак... как вдруг его осеняет.

– Свадьба? – он смотрит швейцару в глаза. – А мы на свадьбу как раз и пришли.

Надя дергает его за руку. Швейцар глядит недоверчиво:

– Так вы приглашенные?.. Фамилии тогда скажите. У нас все записаны.

– Шерстяной, – усмехается Игорь.

– Счас узнаем. Стоить тут...

Страж удаляется куда-то, чтобы сверить «фамилии», и тем самым оставляет без обороны лестницу, ведущую вверх, в ресторан.

– Бежим! – командует Игорь, и они с Надей бросаются к лестнице.

– Те-те-те!.. Куды это вы?!

Швейцар оказывается тут как тут. Пыхтя, нагоняет он беглецов.

– Нету вас... не заказано, – он показывает какой-то список. – Идите отсель... Шерстянов.

Однако позиции поменялись: швейцар теперь стоит сзади и смотрит на них снизу вверх. Нефедов чувствует наконец прилив необходимой наглости.

– Не заказано, говорите? – холодно усмехается он. – Значит, вышла ошибка, и мы пойдем в ресторан.

– Так местов же там нет... – слабеет швейцар.

– Это не факт.

Расправив червонец, Нефедов небрежно вставляет его швейцару за обшлаг кителя.

– Ну, куды ты суешь... – взгляд у того моментально теплеет. – С этого бы и начали... баловники.

Он трусцой возвращается на свой пост, предоставляя Нефедовым свободу действий.

Так есть ли все-таки места в ресторане?.. Есть, и притом немало! Соврал швейцар, соврала проклятая табличка! Впрочем, стоит ли удивляться, когда даже газеты, даже плакаты на крышах врут в Советской стране?

– Вот тебе и «мест нет»!.. – сдерживая радость, ворчит Нефедов.

«Мест нет» настолько, что можно выбирать, где сесть. Так, во всяком случае, они понимают жест товарища с бабочкой, очевидно, здешнего метрдотеля. Товарищ стоит за конторкой и одну за другой подписывает какие-то бумажки; на Нефедовых он не отвлекается, а просто тычет в зал авторучкой.

Игорь с Надей идут в указанном направлении и действительно находят столик – свободный и даже с видом на эстраду. Они падают в полукреслица и с наслаждени-

ем вытягивают гудящие ноги. В эту минуту Нефедовы почти счастливы. По залу разносятся неясные, отдаленные запахи кухни; слышится звон выкладываемых приборов. Пока это только вокруг, только носится в атмосфере, но в целом сигналы приходят весьма обнадеживающие. Не беда, что никто из официантов еще и взгляда не кинул в их сторону, ведь официанты здесь вовсе не прохлаждаются. Сейчас они всем составом сооружают банкетный стол, то есть сплачивают между собой много маленьких столиков и накрывают их как единый. Банкет – коллективное мероприятие, это будет поважней, чем обслуживание индивидуалов, думающих лишь о том, как бы им самим покушать. И пусть эти эгоисты, сидящие за отдельными столиками, не вскидываются вслед пробегающим мимо труженикам подноса. Они выглядят глупо, словно щенки собаки, ловащие пастью мух.

Напрасно они волнуются – муха захочет и сядет сама на собачий нос. Никто не уйдет из ресторана необслуженный – рано или поздно, худо или бедно. Все получают меню для прочтения, по одному на столик, и все познакомятся с животом своего официанта. Если (что скорее всего) официант окажется женского пола, то на животе его будет фартучек с вышитым именем и кармашком для денег.

Но деньги не сразу – все-таки в ресторане сначала кушают. «Жюльен, ассорти рыбное на двоих... Соляночку на первое не желаете?... Бифштекс, если хотите, с кровью... Напитки какие?..»

Напитки в виде шампанского и маленького графинчика с водкой прибывают на стол задолго до всего остального. Но Игорю уже не терпится – он наливает шампанское себе и Наде и заставляет ее чокнуться. Выпив, Нефедовы достают диплом и снова рассматривают его у Нади на коленях. В эту минуту их лица светятся,

а людям за соседними столиками даже и не понять, отчего эти двое счастливы.

Однако за собственным столиком Нефедовы уже не одни. К ним между делом успел присоседиться некий молодой человек.

– Диплом обмываете? – любопытствует он. – Мои поздравления. Я, знаете ли, тоже без пяти минут филолог.

– Очень приятно, коллега, – улыбается Надя, пряча диплом в сумочку.

– Эдик, – ответно улыбаясь, представляется сосед.

На шее у Эдика вместо галстука повязан шелковый платочек. Внешность у него какая-то нефилологическая, хотя кто его знает... Что в нем очевидно – так это общительность. В короткое время Нефедовы успевают узнать о своем соседе довольно много, хотя, возможно, и не самое главное. Во-первых, Эдик любит ходить «по кабакам» – это у него такое хобби. Во-вторых, он бывает везде один, потому что является по характеру и образу мыслей крайним индивидуалистом.

– Даже девушек не приглашаете? – спрашивает осторожно Надя.

– А что девушки? Я ничего в них не нахожу. Пьют и едят, как юноши, а собеседницы, извините, никакие.

– Интересное наблюдение, – сухо замечает Надя.

Но похоже, болтливый индивидуалист нуждается не в собеседниках, а только в слушателях. Эдик продолжает солировать, прерываясь затем лишь, чтобы слотнуть очередную рюмку (впрочем, делает он это довольно часто). Запасы вежливости Нефедовых близки уже к исчерпанию, но... внезапно и разглагольствования соседа, и все остальные звуки канут в ужасном громе, раздавшемся с эстрады.

Мощь музыкального вступления никак не пропорциональна его качеству. Затем конферансье приветствует

«дорогих гостей ресторана». Начинается представление варьете. На эстраду выбегают девушки в трусиках и кокошниках и танцуют, вскидывая колени. Находит в них что-нибудь Эдик или опять ничего? Вот, обращаясь к Игорю, он пытается что-то сказать...

– Что?.. – Нефедов не слышит.

– Телок.. – кричит ему в ухо Эдик, – телок всех разберут к закрыванию!

Вот в чем дело! Сосед, оказывается, успел надраться. Игорь брезгливо отстраняется.

Между тем среди «гостей ресторана» многие представлением возбуждены, особенно участники банкета. Некоторых музыка сорвала с мест, и они уже сами жарят в проходах под аплодисменты товарищей. Некто с галстуком на спине продолжает отплясывать даже в паузах между номерами, пока девушки бегают переодеваться.

– Посмотрите на этот колхоз! – восклицает Эдик с умеренным пьяным жестом. – Заплатили вперед и рады... – Он поворачивается к Наде: – Вы, мадам, теперь тоже дипломированный спесс... алист. Скоро вольетесь в трудовой коллектив, станете пить наперегонки, по банкетам шастать. А я – нет... я... я...

– Вам, может быть, стоит немного утомониться? – кротко замечает Нефедов.

– Что?.. Да! – соглашается Эдик. – Мне пора освежиться...

Он с трудом выбирается из своего креслица.

– Адъё... Этот город я оставляю вам! – он показывает рукой на столик. – Халдеям скажете... скажете, ушел в туалет.

Пошатываясь, Эдик идет прямо в толпу танцующих и, смешавшись с ней, пропадает из видимости.

– Что это значит «оставляю вам»? – спрашивает Надя.

– Это значит, что он не вернется, – задумчиво отвечает Игорь.

Но, даже избавившись от развязного соседа, Нефедовы не чувствуют большого облегчения. Крутом и без Эдика полно неприятных типов. Подпившие кавалеры, развалясь в креслицах, обозревают женщин за чужими столиками. Их собственные равно пьяные спутницы, желая прикурить, подолгу ждут спички из-за того, что спичками кавалеры ковыряют в зубах. Но и дождавшись огня, эти дамы не могут попасть в него сигаретой и гасят его своим хохотом. Женские вскрики, мужской нецензурный говор и множество других разнообразных шумов спекаются в общий тяжелый гвалт. Ресторанная публика гуляет, как ей и положено, но Нефедовых почему-то общее веселье не заражает.

– Что мы тут делаем... – печально недоумевает Надя.

Игорь отводит глаза: ведь это была его идея – поужинать в человеческом ресторане.

Но, достигнув своего апогея, хмельной ажиотаж в зале начинает постепенно затухать. Девушки на эстраде все ленивее поднимают ноги; ряд их делается все короче. Может быть, некоторые выбились совсем из сил, а может быть, и разобраны уже, как предсказывал Эдик.

Кстати, насчет Эдика Нефедов оказался прав: за столик сосед так и не вернулся. Узнав, что он уже минут сорок как «в туалете», их официантка выглядит потрясенной. Таня (так зовут бедную женщину, если только она не надела чужой фартучек) пробует даже заплакать.

– Что за сволочи! – сокрушается она. – Крутом, кругом ну просто одно жулье!

Нефедовых Таня обсчитывает на приличную сумму, но они из сострадания делают вид, что этого не замечают; Игорь даже прибавляет ей пятерку на чай.

На этом и заканчивается их ужин в человеческом ресторане. У них есть еще деньги, чтобы взять такси до вокзала, и есть время, чтобы успеть на ночную электричку. Но осталось ли в душе у них хоть сколько-то пра-

здника?.. Что же виновник сегодняшнего торжества, где он? Сунут в сумочку между кошельком и косметичкой. Не грустно ли и ему?

А может быть, стоит взять да и выбросить день этот из головы? Все пройдет, а диплом останется. Надя надышит пятнышко на окне; Игорь прижмется к ней, обняв за плечи. Тронется электричка и поплывет вдоль перрона, обгоняя катящиеся окурки. И, словно прощальный салют, вспыхнет Москва напоследок. Вспыхнет и погаснет; и ее искусственный день сменится уже настоящей загородной непроглядной ночью.

ПРОФЕССОР ИЗ ГАННОВЕРА

По мере того как Нефедов поднимался выше над Москвой-рекой, догадка его насчет исторического места подтверждалась все более. Взгляду его представляли храмы, а с ними и целый комплекс разнообразных древнерусских сооружений. Взойдя к их подножию на верх берегового склона Игорь остановился, чтобы перевести дух. Он поискал глазами лавочку, но все лавочки и газоны окрест заняты были туристами. Подумав, однако, Нефедов сообразил пристроиться на пушечном чугунном стволе, установленном здесь аккурат между двумя храмами. Ствол смотрел на Москву и был теплым, как от недавней стрельбы, но на самом деле его просто нагрело солнышко.

Игорь достал сигареты и закурил. Вокруг на всем пространстве исторического места кипела жизнь. Храмы и боярские палаты осаждали отряды многоплеменных экскурсантов и обстреливали их из фотоаппаратов. Гиды, одетые в русские кафтаны и сарафаны, лопотали на языках Евросоюза. С разных сторон доносилась музыка: русская плясовая, хип-хоп, песни

советских композиторов и художественные звоны. В воздухе пахло шашлыком и засохшим пивом. Среди шедевров зодчества по дорожкам в одно- и двухконных бричках разъезжали московские свадьбы. Лошадки, запряженные в эти свадебные экипажи, были не так хороши, как милицейская, встреченная Игорем на набережной; они постоянно мотали головами, пугая туристов и сами пугаясь.

Нефедов смотрел по сторонам, ничему не удивляясь. Дети туристов ползали по стволу, на котором он сидел, и падали наземь и, заглядывая в пушечное жерло, туда орали. Игорь не мог ни включиться в окружающий его праздник жизни, ни отрешиться от него. Он впал в состояние странного напряженного бесчувствия, и лишь изредка в душе его, словно раздавленное, но еще не сдохшее насекомое, нет-нет да и шевелилась безотчетная тревога.

Но, как бы то ни было, расслаиваться здесь, на пушке, не имело никакого смысла. Нефедов попал в историческое место в неудачный для себя день. Сегодня памятники архитектуры не его ослепляли своим совершенством; не ему под горой улыбалась своими излучинами река, и даже рассиявшееся в небе солнце грело сегодня не Игоря, а других. Этих вот жизнерадостных, трезвых, никогда не прогуливающих китайцев и других людей доброй воли и чистой совести.

Нефедов затушил окурок, бросил его в свой пакет и побрел в направлении предполагаемого выхода. Он шел против течения, навстречу развеселому людскому потоку, и только старался не наступать на детей. Вдоль выбранной им дороги справа и слева пестрели тенты закусочных с логотипами пивных брендов, а до ушей его доносилось чпокание открываемых банок. Этот звук, улавливаемый среди тысяч других, был Игорю небезразличен – желание подкрепиться пивом овладе-

вало им все настойчивее. Один лишь вопрос заставлял его колебаться: он не знал, как встретится это пивное подкрепление с уже выпитым им «Агдамом». Продолжая еще сомневаться, Нефедов, однако, замедлял постепенно шаг и наконец остановился у входа в очередную пивнушку.

Заведение, обнесенное легким заборчиком, напоминало вольер. От солнца его, как и прочие, прикрывал матерчатый тент, украшенный много раз повторенным вензелем «Карлсберг». Впрочем, вензель ничего не значил, потому что никакого «Карлсберга» в пивнушке не подавали. Нефедов, смолodu не любивший жестяных банок, взял пиво в большом стакане и с этим стаканом в руке пошел между столиками, выискивая свободное место.

– Биттел.. Пожалуйста! – услышал он вдруг совсем рядом. Обернувшись на голос, Игорь увидел господина в металлических очках ничем не примечательной, но интеллигентной внешности.

– Можно?.. – спросил Нефедов, показывая на незанятый стул.

– Пожалуйста, ест мьест! – повторил господин, делая приятное лицо.

Слегка смущаясь, Игорь подсел за его столик.

– Гут'н таг! – сказал немец, продолжая улыбаться.

– Спасибо, – ответил Игорь, продолжая смущаться.

Некоторое время они молча прихлебывали каждый свое пиво, причем немец, запуская губу в стакан, всякий раз доброжелательно поглядывал на Нефедова.

Пиво закончилось у них одновременно.

– Айн момент! – Подмигнув, немец встал и направился к стойке. Через минуту он вернулся с двумя новыми стаканами, один из которых поставил перед Игорем. – Биттел!

Нефедов поднял на него удивленные глаза.

– Я угощайт! – немец опять ему подмигнул. – Я тебя похмеляйт.

Игорь не сразу нашелся с ответом.

– Данке шён... – пробормотал он.

Немец с довольным видом откинулся на стульчике. Заметно было, что он расположен к общению и только придумывает, с чего начать разговор. Наконец господин рыгнул и сделал приятное лицо.

– Пиво плёх! – объявил он, щелкнув ногтем по стакану.

– Бывает и хуже, – Игорь пожал плечами.

– Но! – господин со значением поднял палец. – Россия ест очен карашо!

Нефедов усмехнулся:

– Что же в ней хорошего, если пиво плохое?

Немец пошевелил пальцами, подыскивая нужное слово.

– Карнавал! В Россия всегда карнавал! – он махнул рукой в сторону улицы, запруженной праздной публикой.

Игорь покачал головой:

– Это здесь такой карнавал, для туристов.

– И здьес, и там, – не согласился немец. – В Россия гуляйт, кто где хочет.

– Гуляйт, плевайт, окурки бросайт... Это не карнавал, уважаемый, а бардак.

– Бардак.. бардак.. – немец закатил глаза, припоминая... и вдруг оглушительно загоготал: – Какой правильный выражение!

Он несколько раз повторил слово «бардак» – сначала досмеиваясь, но под конец уже серьезно.

– Но! – поднял он снова палец. – У вас ест зоборност. В Ойропа зоборност нет.

– Соборность?.. – Нефедов усмехнулся. – Тоже хорошее выражение. Только что оно означает...

– Ви не знайт – я объясняйт! – важно ответил немец. – Я профессор славистики из Ганновер, я изу-

чайт русски литература, я понимают Россия! Россия есть душа мира, Россия ест брюккe между Ойропа и Азия.

– Что вы говорите... – Нефедов взглянул на него с любопытством. – А скажите, профессор, если вы профессор, известен ли вам такой писатель Почечуев?

– О! – вскричал немец. – Почечуев ест великий писатель. Я писать книга о Почечуев.

Способность удивляться в Игоре порядком уже придурилась, но он что-то пробормотал про странное совпадение.

– Вас?.. – не расслышал немец.

Нефедов помялся.

– Дело в том, – сказал он, – что, раз вы профессор и пишете о Почечуеве, я могу показать вам кое-что интересное. Но предупреждаю – только показать.

Он с некоторой торжественностью достал из пакета том «Провозвестия» и выложил его на столик.

Немец неспешно поменял очки и сделал профессорское лицо.

– «Мосты и тоннели»... – прочел он на фальшивом переплете. – Ви меня не понять...

– Нет, это вы «не понять»! – перебил его Игорь. – Вы загляните внутри!

Собственной нетерпеливой рукой он распахнул рукопись. Немец прочел несколько строк, потом еще... Брови его зашевелились.

– О, майн гот!.. – прошептал он.

Несколько минут профессор усердно исследовал рукопись, при этом все более возбуждаясь.

– Дас ист фантастише!.. – воскликнул он наконец. – Это ест неизвестный автограф!.. Непубликованный рукопись Почечуев!

Потягивая свое пиво, Нефедов с удовольствием наблюдал за тем, как схватывает ученого немца. Вдруг

совершенно неожиданно профессор привстал со стула и заорал во все горло:

– Томас, ком глих!

Оказалось, что в этой пивнушке было полным-полно немцев. И все они были, похоже, слависты, потому что, сбежавшись на крик, принялись с большим интересом рассматривать рукопись.

Немцы гомонили наперебой и обменивались взволнованными возгласами, не обращая внимания на Игоря, а он даже не рад был, что наделал такой переполох. Однако через некоторое время слависты слегка поутихли и уже в деловом тоне стали о чем-то совещаться. Внезапно, как по команде, лица их обернулись к Нефедову. Профессор из Ганновера подал ему ладонь.

– Гюнтер! – сказал он. – Зовит меня Гюнтер.

– Очень приятно... – пробормотал Игорь.

Остальные немцы тоже запредставлялись и потянулись к нему с рукопожатиями.

– Ми хотит с тобой выпить, – объявил со значением Гюнтер.

– Но мы это и делаем, – Нефедов пожал плечами.

– Найн! – важно возразил профессор. – Ми хотит пить за велики русски литература и за гениальный Почечуев.

– Хорошо, – кивнул Игорь. – Я только возьму еще пива.

– О, найн! – удержал его Гюнтер. – Русски пиво плёх. Такой тема ми пьем коньяк.

И не успел он это сказать, как откуда ни возьмись на столе действительно появилась бутылка коньяка. Слависты принесли свои стульчики и тесно уселись вокруг Нефедова. Все держали в руках уже пластиковые стаканчики и делали приятные лица. Хотя такого оборота событий Игорь не ожидал, но, мысленно раскинув ко-

няка на всех присутствующих, он решил, что беспокоиться не о чем.

Однако он ошибался. После того как воздано было Почечуеву и русской литературе, на столе, словно по волшебству, возникла новая бутылка. Конечно, с учетом всех внешних и внутренних обстоятельств пить больше Нефедову не следовало. Но один из славистов, обращаясь непосредственно к нему, произнес на немецком языке такой долгий и прочувствованный тост, что отказаться было просто невежливо. Потом говорил другой славист, за другим третий... Потом появилась еще бутылка. «За кого эти немцы меня принимают? – вяло спрашивал себя Нефедов. – И... здоровы же они пить!..» Из ложной учтивости Игорь опрокидывал стаканчик за стаканчиком, не замечая, что немцы наливают ему втрое против себя. А спустя какое-то время он вообще потерял способность что-либо замечать и задаваться вопросами.

Вряд ли слависты намеревались упоить Нефедова до потери пульса. Скорее всего, они были они в плену мифа о сверхъестественной устойчивости русских к алкоголю. Хотя (ведь не зря же они совещались!), накачивая Игоря коньяком, немцы наверняка преследовали какую-то цель. Как бы то ни было, но когда, согласно их плану или вопреки ему, Нефедов внезапно отключился, у них произошла заминка. Он упал всем телом вперед, лицом в лежащее на столе «Провозвестие». Стаканчик вывалился из его руки; коньяк потек по столу; слависты ахнули и бросились спасать бесценную рукопись. Но Игорь, протестуяще замычав, последним бессознательным движением подгрел «Провозвестие» под себя и крепко его обнял. И уже, как немцы ни пытались вытянуть или выманить у него рукопись, все было тщетно.

Пришлось славистам опять совещаться, и опять было непонятно без переводчика, о чем они говорят. В итоге

немцы взяли Нефедова под мышки, подняли вместе с рукописью со стульчика и вывели его на улицу. Здесь они свистнули проезжавшей мимо порожней свадебной бричке. Со всеми предосторожностями, относившимися скорее к рукописи, чем к нему, Нефедова погрузили в экипаж. Рядом с ним поместился профессор из Ганновера, а еще два слависта сели напротив. Остальные немцы замахали руками и напутствовали отъезжающих на гортанном своем языке.

По приказанию профессора возница развернул бричку и направил ее к выходу из исторического места. Куда и как потом слависты собирались транспортировать Нефедова, а также каковы были их планы касательно «Провозвестия», знали только они сами.

Часть четвертая

ПУЛЬМОНОЛОГИЯ

Известно, что пьяному человеку видятся совершенно трезвые сны. Больному редко снится его болезнь. Калеки играют в футбол и катаются на горных лыжах, глухие слышат музыку, а грубые мужчины летают во сне, будто ангелы. Мы левитируем и грезим в постелях прекрасной небылью, а в это время наши тела, дневные наши вместилища, вправе от нас отдохнуть. Они принимают в койках удобные для них позы и издают невозбранно разные свойственные им звуки.

Но как человеку быть, если ему не спится? Если, застрявши в ночи, не в силах он сделать шаг из действительности в блаженный мир вымысла... Чтобы избыть реальность, приковавшую его душу к телу, бедняга пыгается фантазировать. Он считает белых верблюдов, проектирует в уме дома или разыгрывает воображаемые пьески. Но грезы искусственными не бывают. Придуманные дома рассыпаются, а персонажи, порожденные бессонницей, бледны и сами не движутся. Словно ребенок, наказанный и забытый, мается человек в ночи, и неизвестен час его избавления.

Меланхолия навещает Нефедова между вечерним и утренним уколами. Она единственная из его посети-

тельниц нелицемерна. Игорь привык к ней; они неразлучны даже в туалете, куда он ходит курить по нескольку раз за ночь. Всякий раз, шлепая тускло освещенным больничным коридором, Нефедов воображает себя зрителем кладбища, но это преувеличение, навеянное как раз меланхолией. В палатах здесь нет пока ни одного покойника – больные кричат, стонут, кашляют, но умирать не спешат. Спят, но живут.

Пульмонологическое отделение вообще считается малолетальным в отличие, скажем, от кардиологии. Там же такое не редкость... Сердечники летальны внезапно и непредсказуемо, как птицы некоторых видов, умирающие иногда от простого испуга. Например, если в палате скончается один из сердечников, то соседи его могут быстро за ним последовать. Кардиологи называют это эффектом домино и стараются таких случаев по возможности избегать. Для этого они отделяют безнадежных больных от тех, кто с надеждой еще не расстался, и отправляют первых умирать в пульмонологию. Здесь неизбежное совершается без эффектов, потому что, во-первых, легочники не так впечатлительны, а во-вторых, сердечники для них как бы люди другой национальности.

Между прочим, одну такую безнадежную сердечницу принесли в отделение не далее чем вчера. Места в палате ей не досталось, и женщину положили прямо в коридоре, что создает для всех неудобства. Правда, врачи говорят, что это временно. Всякий раз, когда Нефедов минует ее по пути в туалет, сердечница ему чуть-чуть улыбается – ей неловко, что она лежит тут и умирает на проходе.

Вот ее койка – между пожарным ящиком и кадкой с фикусом. Сердечница, к слову, не спит – она смотрит на Игоря и... шевелит губами, будто сияя что-то сказать. Может быть, просит позвать сестру?

– Что?.. Я не слышу... – склоняется над ней Нефедов.

– Вредно... курить... – шелестит сердечница ему в ухо.

Добрая женщина! Так, наверное, и растратила свое сердце... Нефедов сидит на перевернутом ведре с надписью «Пульмонология». Поставить в туалете стул не разрешают врачи, чтобы не потворствовать вредным привычкам больных. Докурив, Нефедов бросает бычок в унитаз и дергает за цепочку. Бычок исчезает в шумном водовороте, но потом опять выныривает. Они редко когда тонут с первого раза.

Игорь идет обратно. Порядок теперь такой: фикус, койка сердечницы, пожарный ящик... Но что это? Сердечница откинула вытянутую руку в проход, словно веля Нефедову остановиться. Какое-нибудь еще напутствие?..

Нет, просто она умерла. Ошибки не может быть: женщина не улыбается, и взгляд у нее так пуст, как бывает лишь у слепцов и покойников. Осторожно Нефедов возвращает ее руку в койку. С ним не делается эффекта домино, но вид мертвой женщины вызывает в нем острый приступ меланхолии. Больше не даст она никому полезного совета...

Что ж, надо идти в ординаторскую, будить дежурную медсестру. Новость сестру не обрадует, но что поделаешь. Кроме того, в процедурной давно уже бренчит выкипающий бикс со шприцами. Если шприцы упустить, они изжарятся и провоняют все отделение.

В том, что случилось, больница не виновата – все люди смертны, особенно по ночам. Вообще же лечение тут хорошее. Нефедов тоже не должен жаловаться, тем более что попал сюда по блату – с помощью тети Тани.

– Больница повышенной категории, – обнадеживала она Игоря перед госпитализацией, – не сравнить с вашей районной богадельней. Здесь весь персонал полу-

чает специальную надбавку, так что будешь лежать и радоваться.

И благодетельница не обманула. В этой больнице действительно даже нянечки, которые выносят из-под лежачих, не морщатся, не ругаются, а, наоборот, проявляют к больным внимательность. Доктора в отделениях – видно, что знающие специалисты; они знают, когда медицина бывает бессильна, но все делают, чтобы зря больных не травмировать.

Только с выносом тел здесь у них, похоже, не все налажено. Труп надо эвакуировать тихо и по возможности быстро, но вот уже четверть часа медики в коридоре хлопчут над мертвой сердечницей. В палату к Нефедову доносятся приглушенные голоса и чье-то частое осторожно-торопливое хождение. Ну как тут уснешь? Не выдержав, он надевает тапочки и выглядывает в коридор. Там и правда какие-то затруднения. У койки сердечницы только двое – местная медсестра и вызванный ею дежурный врач; медики препираются.

– Я женщина, а не санитар, чтобы тяжести вам таскать! – шепотом кричит сестра. – И вообще, это не моя больная!

– Что же, моя она, что ли?! – сердится ответно врач. – Мое дело – констатировать смерть.

Рядом стоит приготовленная каталка, но она выше койки на целых полметра, а покойница выглядит очень крупной. В этом, видимо, и проблема.

– Простите, – встречает Нефедов. – Может быть, я помогу?

Медики, вздрогнув, оборачиваются к нему. Врач делает шаг навстречу, загоразивая собой труп.

– Что вы хотели, больной?.. Немедленно ложитесь спать!

– Я только предлагаю помочь...

Врач с сестрой смущенно переглядываются.

– Ну, если вы так хотите... Возьмитесь вот тут за простыночку...

Втроем они берутся за простыню, чтобы прямо на ней переместить покойницу на каталку. Та, естественно, сопротивляется: разбрасывает руки в стороны, мотает головой и складывается углом. Не сразу троим живым удается справиться с одной мертвой женщиной, но все же ее переваливают на каталку и второй простыней прикрывают наконец ее наготу. Врач пожимает Игорю руку.

– Спасибо, – благодарит он шепотом. – Но... прошу вас не распространяться. Знаете, больным ведь не положено...

– Не волнуйтесь, – шепчет в ответ Нефедов. – Мы с покойницей никому не скажем.

Он возвращается к себе – в привычный душноватый сумрак палаты. Теперь ему точно заснуть не удастся. Игорь готов к тому, что единственным его развлечением в ближайшие часы станут лишь сонные звуки, производимые его счастливыми товарищами по несчастью. Но это оказывается не совсем так.

– Что там такое? – входя, слышит он из темноты сиплый голос.

– Спите ничего особенного...

– Жмура выносил? И делать тебе нечего... Спирту тебе они хоть плеснули?

Голос принадлежит соседу Нефедова – пожилому шахтеру. Уж этот-то повидал больничные виды. Угольная пыль, что выела изнутри его могучую грудь, превратила шахтера в легочника со стажем. В московскую клинику он попал не по блату, а потому что в других местах лечение не давало эффекта. Здесь ему, впрочем, тоже лучше не становится. Речь шахтера звучит сквозь бронхиальный шум, словно запись на старой патефонной

пластинке. Он любит поговорить, но разговор его всякий раз переходит в продолжительный кашель. Вот как сейчас... Это хуже любого храпа.

Игорь знает по опыту: если старик раскашлялся, то надо бежать из палаты. Он нашаривает свои сигареты и выходит опять в коридор. Пустая койка стоит еще на прежнем месте, и даже не убран матрас с мокрым пятном на нем.

Так умирают сердечники – тихо, быстро и где придется. Но интересно, как тут в больнице поступают с безнадежными легочниками? Надо, чтобы их тоже куда-нибудь выносили – в такое глухое место, где их предсмертные кашли никого бы не травмировали и не вызывали у окружающих эффект бессонницы.

Нефедов сидит на ведре с надписью «Пульмонология». Сигарета вот-вот выпадет из его пальцев. Похоже, он наконец засыпает...

РУКОПИСЬ В ОПАСНОСТИ

Есть вещи, способные прервать самый крепкий сон. Это могут быть мухи, всем известные и всеми ненавидимые, а может быть и хохот полудюжины спевшихся немцев. Такой, что способен преодолеть любую стенную толщу и плюс еще толщу чьего уютно самого пьяного сна.

Они раздражались гоготом дружно, как по команде, словно бы всей компанией смотрели какую-то очень смешную комедию. Но сколько Нефедов ни силился, ни одной немецкой комедии, а тем более смешной он вспомнить не мог. С памятью на данную минуту у него обстояло плохо.

Зато он мог уже делать некоторые умозаключения. Например, все окружавшие его сейчас предметы име-

ли отношение к приготовлению, хранению и поеданию пищи. Следовательно, Нефедов находился на кухне, и неудобная поза, в которой он лежал, объяснялась тем, что диванчик под ним был кухонный, Г-образный. Помещение, назначение которого не оставляло сомнений, освещено было солнцем сквозь оконные вертикальные жалюзи. Ленты света везде, куда падали, имели розоватый оттенок, из чего Игорь сделал вывод, что время уже вечернее. Это же подтверждали его собственные наручные часы.

Затекшие члены тела ныли и требовали придать им какое-нибудь иное буквенное выражение. Однако Игорь боялся, что перемена позы ускорит возвращение к реальности, а что-то ему подсказывало, что возвращение это не будет приятным. Новый взрыв хохота, рассыпавшийся возбужденным грассирующим говором, воскресил в памяти фрагменты последней его бесславной попойки. Возможно, комедия, так взвеселившая немцев, к кино отношения не имела, а самым смешным персонажем в ней был именно он, Нефедов. Но не боязнь потерять лицо перед немцами тревожила его сейчас. Было что-то еще, а точнее, с ним не было чего-то, очень для него важного... "Провозвестие"!» – внезапно озарило Игоря. Слависты стащили рукопись и оттого хохочут!

Эта мысль не взметнула его с диванчика, но заставила наконец принять сидячую позу. Первым его побуждением было пойти к этим развеселым господам и отнять у них рукопись. Им следовало бы знать, что роман Почечуева – это достояние нации, представителем которой является здесь Нефедов, и красть это достояние, а тем более над ним смеяться не позволено никому. Но потом он решил, что будет выглядеть убедительней, если сначала умоется. «Неудобно, – подумал Игорь. – Хоть и жулики, а все-таки иностранцы».

Хотя и со второй попытки, но ему удалось встать и кое-как утвердиться на ногах. Добравшись до посудной мойки, Нефедов пустил воду и сунул голову под кран. При этом он, конечно, не видел и не слышал, как в кухню кто-то вошел.

– Ага! Вот мы и проснулись! – раздалось вдруг у Игоря за спиной.

От неожиданности он стукнулся затылком о кран. Вынув из мойки голову, Нефедов увидел мужчину в шейном платочке вместо галстука. Мужчина улыбался и делал ему приятное лицо, но немцем он, кажется, не был.

– Еще не проснулся... – пробормотал Нефедов. – Извините, нет ли у вас полотенца?

– Само собой, – ответил с готовностью тип в платочке. – Для вас у меня и кофе найдется... Или вы хотите чего-нибудь покрепче?

– Покрепче?.. Не знаю... – Выпершись поданным полотенцем, Игорь плюхнулся опять на диванчик. – У меня к вам вопрос по поводу рукописи. Скажите, над чем это они там ржут?

– Эдуард, – мужчина протянул ему руку. – Давайте сначала познакомимся. Меня зовут Эдуард.

– Очень приятно... – Игорь скороговоркой представился. – Так как же насчет моего вопроса? У меня с собой была рукопись.

– Ну... давайте не будем забегать, – Эдуард продолжал улыбаться. – Вы уверены, что не хотите выпить?

– Нет, не уверен... Но мне хотелось бы знать...

– Тогда привстаньте, пожалуйста.

Из ящика под сиденьем диванчика Эдуард выудил бутылку коньяка. Игоря передернуло:

– Нет, только не это!..

– Предпочитаете водочку?

Водка тоже нашлась в диванчике. За рюмками Эдуард порхнул к буфету.

– Курите?.. Курите! – Заметив, что Игорь вынул сигареты, он поставил перед ним пепельницу. На донышке пепельницы было написано «Ресторан “Прага”».

– Ну... прозит!

Чокнувшись, они выпили, причем Нефедову эта рюмка далась с большим трудом. Глядя на него, Эдуард усмехнулся:

– Так что там у вас за вопрос? – И, сам себя перебив, продолжил: – Знаете, мы тоже хотели бы вас кое о чем спросить. По поводу этой рукописи...

– То есть?

– В том отношении... – Эдуард чуть замялся, – что есть ли у вас на нее права?

Нефедов нахмурился.

– Есть! – пробурчал он. – Думаю, что побольше, чем у вас и у ваших немцев.

– Да вы не волнуйтесь... – собеседник его поспешил снова сделать приятное лицо. – Я спрашиваю чисто в юридическом смысле. От того, являетесь ли вы правообладателем, зависит, так сказать, цена.

– Цена чего?

– Рукописи, конечно.

– Но почему вы решили, что я ее продаю?

Эдуард удивился:

– Не смешите меня! Сами ходите по Москве с почечувевским автографом, всем подсовываете его читать... Заметьте, я даже не спрашиваю, где вы его взяли.

– А я вам и не собираюсь рассказывать, – совсем по-мрачнел Нефедов. – Короче говоря, рукопись не продается, и точка!

– М-да... – разочарованно протянул Эдуард. – Неконструктивная у вас позиция. А немцы-то, глупые, отнесли к вам по-человечески: привезли на такси, не бросили... Могли бы отнять ее у вас – и ауфвидерзейн...

– Но-но!.. – рассердился Нефедов. – Что это значит – отнять?

– Я пошутил, – невесело усмехнулся Эдуард. – Немцы так сделать не догадались бы... Но понимаете, жалко портить им праздник.

– Нет, не понимаю, – насупился Игорь. – Не понимаю, что вы о них так хлопчете. Будто бы им прислуживаете...

– Вы грубость сказали... – надулся теперь Эдуард. – Я никому не прислуживаю, а занимаюсь культурными связями.

Игорь пожал плечами. Собеседники, недовольные друг другом, налили себе по второй и выпили, уже не чокаясь.

– Ну хорошо, – сказал Эдуард после некоторого молчания. – Пока вы изображаете патриотическую неприступность, я расскажу вам немного о себе.

– Валяйте, – буркнул Нефедов.

– Мое имя вы знаете, а фамилию... – Эдуард сделал значительную паузу, – фамилию вы прочтете на фасаде этого дома.

– То есть как это?

– А так. Когда выйдете отсюда, богатенький и счастливый, посмотрите – там висит мемориальная доска.

– Вы что – знаменитость? – Игорь взглянул с недоверием.

– Не я, а мой папа. Не Почечуев, конечно, но он был известный писатель. Весь этот дом был писательский – там на доске целый список... Так вот, пока папа был жив, то и у меня была жизнь: были свои развлечения, рестораны...

– Девочки...

– Нет, в девочках я ничего не нахожу... Папа и меня подбивал писать. Он говорил: «Хочу, сын, чтобы ты тоже оставил свой след в литературе».

– И вы оставили?

– Кой черт... – Эдуард скривился. – Уже и от папы-то следа не осталось. Только доска на доме да вот эта квартира. Я вам скажу: оставить в литературе след – то же самое, что оставить его на воде.

– Ну, это вы зря, – возразил Нефедов. – Почечуев сто лет как умер, а его и читают, и чтят...

– Чушы – отмахнулся Эдуард. – Распиаренный автор. Бренд! Чтят его простаки вроде вас, а для литературоведов и разных там славистов это просто кормушка. Бизнес, мой дорогой, вот что такое ваш Почечуев! Если бы вы не упрямылись, то и мы с вами могли бы урвать себе кусочек...

– А вы-то здесь при чем?

– Как это так при чем? – Эдуард изобразил удивление. – Читайте, что я агент. Сорок процентов мои, остальное ваше...

– Не выйдет... – Нефедов помотал головой.

– Хорошо, поговорим о цифрах, – с готовностью откликнулся Эдуард. – Только... сначала водочки.

Новая рюмка стала критической для Нефедова – он вдруг почувствовал, что его сознание опять уплывает.

– Не будем о цифрах... – пробормотал Игорь. – Рюкопись не продается...

– Снова здорóво! – Эдуард стукнул рюмкой. – Еще по одной!

Сам он тоже на удивление быстро пьянел. Речь собеседников делалась бессвязней с каждой минутой, и ни тот ни другой даже не заметили, что в кухню уже дважды заглядывал Гюнтер. Профессор выглядел озабоченным, особенно во второй раз. Слависты, прежде шумевшие на всю квартиру, теперь притихли и не смеялись.

Переговоры закончились вполне ожидаемо, хотя и к большому неудовольствию Эдуарда.

– Вы меня слышите? – Он потряс Нефедова за плечо, но тому лишь и нужен был этот последний толчок. Словно подрубленное дерево, Игорь упал опять на диванчик, и тело его сложилось в форме знакомой буквы. Сын писателя выругался, встал и вышел из кухни, сильно ударившись о дверной косяк.

Игорь был пьян сейчас даже более, чем необходимо, чтобы лишиться чувств. Но, как ни странно, забытье его на этот раз оказалось не полным. Кое-что не давало угаснуть тлеющему в его мозгу очажку сознания – это была тревога о почечуевской рукописи. Тела своего Нефедов не чувствовал; глаза он не открывал, чтобы не видеть тошнотворного вращения кухни. И только слух – чувство, последним оставляющее человека, – слух его продолжал трансляцию. Игорь слышал шаги и шум чайника, и шевеление кофейных чашек, и осторожный немецкий шепот. Слависты его разглядывали, но он и сам словно видел со стороны – их и себя, кричащего им беззвучно, чтобы отдали рукопись.

В этих видениях, впрочем, были признаки скорого усыпления. Верно, сном бы и кончилось для Нефедова дело, если бы в своем полусознании он не услышал такое, что внезапно и разом вернуло его к действительности.

Это был голос Эдуарда, очевидно звонившего кому-то по телефону. Сын писателя возбужденно матерился, но не это насторожило Игоря: речь шла о нем и о его рукописи. То ли Эдуард думал, что гость его пребывает в отключке, то ли сам был чересчур пьян, но говорил он достаточно громко. Так Нефедов узнал о себе, что он «лох идейный» и «баран упертый», с которым надобно что-то делать, иначе он рукопись не отдаст. Судя по яростному шуршанию в телефоне, второй абонент тоже не стеснялся в выражениях, но адресовал их, кажется, самому Эдуарду. Сколь ни малы были в данную мину-

ту умственные возможности Игоря, но он не мог не понять: спор шел о том, как отобрать у него «Провозвестие», не напугав при этом славистов.

– Нет!.. – трусил Эдуард. – То, что ты предлагаешь, это не мой жанр...

Телефон злобным шепотом гнул свое.

Эдуард бормотал возражения.

Так продолжалось довольно долго, пока сын писателя наконец не сдался.

– Черт с тобой, приезжай, – выдохнул он обреченно. – Но умоляю тебя, Живодаров: чтобы при немцах у меня без крови!

Разговор был окончен, однако последние слова Эдуарда продолжали эхом звучать в голове Нефедова. «Без крови... Живодаров... Без крови...» Без чьей это крови, спрашивается?..

Фамилия, сорвавшаяся с Эдуардовых уст, напомнила Игорю о бородатом психе, тоже имевшем виды на рукопись. Но вряд ли их было несколько – Живодаровых, охотившихся за «Провозвестием», – и это значило, что сюда, Эдуарду в помощь, ехал сейчас сумасшедший. Буйный умалишенный, вдобавок, как понял Нефедов, способный на кровопролитие!

С содроганием Игорь представил себе «Провозвестие», лежащее в луже крови... «Нет, этому не бывать!» – как керосином плеснуло в уголья его сознания. Гнев дал ему силы подняться с диванчика. В эту минуту Нефедов напоминал медведя, вставшего на задние лапы, – страшное, но неустойчивое существо, готовое снова вернуться на четвереньки. Рыча, обозрел он кухню, по медвежьему своему наитию выбирая самый тяжелый предмет, и вооружился большой сковородой.

Шатаясь и опрокидывая дорогой какие-то тумбочки, Игорь двинулся на звуки немецкой речи и скоро обнаружил комнату, где заседали слависты. И первое, на что

упал его взгляд, была рукопись, лежавшая раскрытой на журнальном столике.

– Хенде хох! – проревел Нефедов и замахнулся на немцев сковородой.

Те шарахнулись в разные стороны. Продолжая грозить им своим оружием, Игорь схватил «Провозвестие» и ринулся прочь из комнаты.

Слависты, изумленные его внезапным нападением, не оказали ни малейшего сопротивления, однако уже в коридоре путь Нефедову преградил Эдуард. Едва ли сын писателя собирался вступить в единоборство – скорее всего, он просто оцепенел от испуга. Но, как бы то ни было, Эдуард не успел посторониться и получил за это удар сковородой в лоб. Все произошло так быстро, что оружие еще пело в руке Нефедова, когда он выскочил из квартиры. Покидая писательский дом, Игорь даже не взглянул на мемориальную доску – состояние его было такое, словно это не он, а его стукнули по голове сковородой.

Приходить понемногу в себя он стал, лишь пробежав версту или две. Сегодня с Нефедовым уже так было: утром он тоже носился, как обезглавленная курица, прежде чем стал что-либо соображать. Только теперь он был крепко пьян, а на Москву надвигались сумерки.

ЕЛОЧКА

Что еще за посетитель в столь поздний час? Почечуевская калитка отворяется с удивленным воем. Пес Вермут всматривается, но в декабрьских вечерних потемках все люди кажутся на одно лицо. Свой или чужой? Вермут нюхает морозный воздух, но слышит только собственный запах псины. Чутье сейчас хуже обычного из-

за сосулек, что выросли под носом. Вопрос разрешится, если подойти поближе. Повиливая хвостом, но и взбредившая на всякий случай, пес трусит навстречу неожиданному посетителю.

Свой, как и следовало ожидать; виляние хвоста усиливается.

– Здравствуй, Вермут! Ты не видел мою жену?

Игорь перчаткой треплет заснеженную собачью холку и этим, видимо, будит в подшерстке блох. Вермут кривит губу, машет в воздухе задней ногой и, свалившись наконец в сугроб, с привизгом чухается. Нефедов его не ждет и шагает дальше.

Музейские дорожки уже перестелены после дневных экскурсий крахмально-скрипучим свежим снежком. Нога человека, в том числе дежурного милиционера, еще по нему не ступала, и лишь кое-где попадаются розетки собачьих следов. По ним при желании можно узнать все последние перемещения Вермута, смысл которых, впрочем, едва ли понятен и ему самому.

Поздно. Темно Почечуево. Двери главного дома заперты, и замок опечатан пластилином, успевшим на морозе окаменеть. Игорь обводит глазами усадебные строения и вдруг замечает оконце, теплящееся неярким светом.

Этот домик зовется людской, потому что когда-то и вправду в нем жила почечуевская дворня. В нынешнюю эпоху людская прибавила в своем значении. Теперь здесь, во-первых, находится комнатка администратора Лидии Ефимовны, ею самой именуемая кабинетом, а во-вторых, помещается милицейская кандейка в статусе опорного пункта. Сейчас она, как никогда, оправдывает свое звание, потому что является единственным обитаемым местом во всем Почечуево.

Нефедов попадает в опорный пункт, обойдя людскую с торца и поднявшись на крыльцо, под которым,

кстати, располагается квартира Вермута. Пес уже разобрался с блохами и теперь сопутствует человеку, а точнее сказать, предшествует. Он раньше Игоря протискивается в кандейку и первым делом энергично встряхивается, разбрасывая кругом плевочки мокрого снега. За это Вермуту полагался бы строгий матерный нагоняй, но менты бурчат что-то невнятное. Изъясниться как следует им мешает присутствие в кандейке дамы.

Дама эта – Нефедова Надя. В ожидании Игоря она была вынуждена пригубить с ментами портвейна и теперь от нечего делать разглядывает пистолет рыжего сержанта Кольки.

– Встречайте Деда Мороза! – шутит Нефедов, входя вслед за Вермутом.

Колька прячет оружие в кобуру.

– Здорово! – откликается он. – А мы вот твою Снегурку за порубку арестовали.

В углу кандейки и правда стоит увязанная бечевкой елка метров полутора высотой. За ней-то, за этой елочкой, Игорь и пришел в Почечуево.

Дело в том, что под Новый год музей всегда производит небольшую научную чистку мемориального лесопарка. Лишними, ясно, оказываются такие вот молодые пушистые хвойные деревца. Сорные в ботаническом смысле, они затем служат источником новогодней радости в домах большинства почечуевцев. Однако здесь есть проблема, так сказать, юридического характера. Вынести елочку из музея несложно, ибо от безделья и частого употребления «Агдама» местные менты давно потеряли хватку. Но городские – другое дело; уж они-то не склонны к благожелательному непротивлению. Городские менты огрубели от ежедневной ловли преступников и слыхом не слыхивали ни о каких научных порубках. Протокол, конфискация, штраф – вот поня-

тия, им знакомые. Потому и выносят музейцы собственные елочки из усадьбы тайком, словно какие-то воришки. А кто из них счастливо замужем, те привлекают мужа в сообщники.

Правда, Наденьку в этом деле еще активно подстрекала Лидия Ефимовна.

– Пусть, – говорила она, – твой за елочкой прогуляется. Будет от него в доме хоть какая-то польза.

А Нефедов испытывает некоторую неловкость.

– Братцы, – просит он милиционеров, – может быть, вы ее и вправду арестуете? Ну, то есть не Надю, а елку... Очень не хочется с ней тащиться.

Колька-сержант ухмыляется:

– Ишь что удумал! Выноси давай...

Его напарник поднимает глаза от книжки. Он до сих пор помалкивал, да и теперь лишь моргает глазами. Это «мент-студент», самый разложившийся из здешних ментов; за время службы в музее в нем развилась необыкновенная страсть к чтению. Скоро, наверное, он будет носить очки.

Рыжий Колька напоследок инструктирует Нефедовых о том, как им безопаснее добраться до города.

– Проезжей дорогой, – говорит он, – идти нельзя, там вас менты сграбастают. Ступайте вы лучше парком.

– Но в парке снегу по пояс... – сомневается Игорь.

– Не бойсь, – успокаивает его Колька. – Там до вас полмузея с елочками прошло.

Что ж, делать нечего; Игорь вскидывает елочку на плечо. Из теплой, уютно пахнувшей сапогами и Вермутом кандейки они с Надей выходят прямо в студеную ночь. Правда, запах Вермута еще некоторое время сопровождает их вместе со своим источником, но только до последнего фонаря. Это Вермутово порубежье; здесь кончается его зона ответственности. Пользуясь случаем, пес освежает на фонаре собственную давнюю

мету и возвращается в усадьбу. Оставшись совсем одни, Нефедовы чуть робеют. Ни жива ни мертва, им предложит лишь природа, холодно-безмолвная в своем зимнем оцепенении.

Едва угадываемая тропа вводит их словно в зал, убранный белыми бахромчатыми портьерами. Быть бы тут, кажется, балу, да что-то не слышно музыки – только скрип шагов раздастся в тиши. По сторонам тропинки выстроились деревья. Они прощаются с елочкой, юной сестрой своей, бросая снежные хлопья на ее спеленутый трупик. Хлопья эти достаются и живым тоже: снежок колет шею, тает и ледяными струйками стекает за шиворот. Но надо идти. Елочку назад к пеньку не приставишь, а дома их дожидается Лидия Ефимовна с ужином.

Впрочем, будет еще труднее, потому что парк заканчивается. Дальше Игорю с Надей придется идти чистым полем – тем самым полем, восхищаться которым способнее, сидя в тепле. Да, оно смыкается с космосом – черный верх, белый низ; и на белом ни единой тени. Под снегами его спят миллионы мышек, но если задремлет в них человек, то никогда уже не проснется. Спасение здесь только одно – надо идти вперед; идти, уповая на вешки, оставленные предшественником.

Вешки – редкие прутики, словно палочки в ученической тетради, торчащие вкривь да вкось вдоль заметной тропы, – если бы не они, не перейти бы Нефедовым поля. Двое в белой пустыне, Игорь с Надей похожи на двух крошечных букашек, упавших в тарелку с мукой. Он идет первым, проторяя путь; ей сзади полегче, но все-таки трудновато. Надя сейчас завидует елочке, которая путешествует на мужском плече. Ничего, терпеть осталось недолго – впереди за речкой ярче звезд уже светятся городские огни.

Путникам только и остается, что сойти в речную балку да перебраться на другой берег. Впрочем, спуститься будет непросто – склон балки крут и заснежен. Нефедовы смотрят с опаской вниз.

– Может быть, съедем на полах? – предлагает Игорь.

– А елка как же? – сомневается Надя.

Пущенная комлем вперед, елочка благополучно соскальзывает по склону вниз.

– Теперь ты.

– Нет, ты первый...

Оба одновременно падают на спины и с воплями скатываются с горы.

Игорь с Надей, смеясь, отряхивают друг друга:

– Видишь, совсем и не страшно...

– Да ты больше, чем я, боялся...

Нефедовы веселятся, занятые собой, а между тем на противоположном склоне балки происходит какое-то движение. Еще одна точка на белом экране, третья букашка, которую первые две пока что не замечают. Она перемещается довольно быстро и по мере приближения вырастает в человеческую фигурку. Неожиданно балка оглашается частым металлическим громом – это фигурка вбегаёт на мостик. Нефедовы вздрагивают в испуге.

В поле только одна тропинка; человек, кто бы он ни был, бежит прямо на них. Он увеличивается на глазах; уже видно, что голова его непокрыта – длинные волосы мечутся с плеча на плечо. Женщина. До Игоря с Надей доносится голос... лучше бы его не слышать! Станный распев из воя и причитаний производит жутковатое впечатление.

– Ненормальная... – шепчет Надя.

– Сойдем с дорожки, – командует Игорь и перехватывает елочку за комель.

У обоих по спинам бегали бы мурашки, не будь сейчас без того холодно. Напряжение достигает предела...

ненормальная набегаёт... и, не сбавляя хода, пронесётся мимо. Не прекращая голосить, она, словно жук, вскарабкивается вверх по склону, с которого только что съехали Нефедовы, после чего исчезает.

С минуту ещё они переваривают впечатление.

– Простоволосая, с воем... – бормочет задумчиво Игорь.

– Пошли отсюда, пожалуйста.. – Надин голос слегка дрожит.

Часть пути, оставшуюся до города, они проделывают оглядываясь. Впрочем, Игорь уже успокоился. Он убеждает Надю, что встреченная ими женщина была всего-навсего ведьма. Надя просит её не пугать.

Наконец появляются первые городские домики. Они сидят на склоне балки в одинаковых белых шапках и окуривают стылое небо пряным дровяным дымком. Обращённые все в одну сторону, они всматриваются в ночь, словно зрители в ожидании представления. Однако Нефедовы этим домикам неинтересны – Игорь с Надей для них просто прохожие.

До Островского ещё далековато, но идти становится веселей. Шолохова, Льва Толстого... Безлюдны улицы в частном секторе, но они согреты печным дыханием. Тишина их подзвучена успокоительным собачьим брехом, а над колодцами и по углам здесь даже светятся фонари. Только под фонарями с елкой надо быть осторожным – вдруг заметит тебя городская милиция... уж она-то не ведьма – мимо не пробежит.

Но вот наконец и он – угол Островского, семнадцать дробь три.

– Здравствуйте, Лидия Ефимовна!

Елочка внесена в сени и подвергается придирчивому осмотру хозяйкой и её котом, рыжим, похожим на милиционера Кольку. Кот ещё будет думать, но Лидия Ефимовна вполне довольна.

– Ах, Надежда... Ах, умница... – выпевает она. – Снегурочка ты моя!..

– А как же Дед Мороз? – обижается Игорь. – Разве не молодец?

– Ну и ты тоже... – снисходительно соглашается Лидия Ефимовна. – Ничего себе.

ЗАДЕРЖАНИЕ

Пьяный, заплутавший в Москве, сталкивается с ироническим равнодушием окружающих. Он спрашивает дорогу, а прохожие лишь посвистывают в ответ да покручивают пальцем у виска. Почему? Разве так неприлично заблудиться человеку в городе? Если бы этот же гражданин потерялся в горах, его бросились бы искать с вертолетами, и вопрос, что он пил и сколько, не стоял бы на первом месте...

Вертолеты в Москве летали, но строго по своим делам. По улицам расползались автобусы с трехзначными номерами. В скалах домов жили суслики – они сновали вблизи своих нор и посвистывали, но при малейшей опасности готовы были исчезнуть. Что-то в Нефедове их пугало – то ли сковорода в его в руке, то ли книга у него под мышкой.

Но как москвичи ни старались хранить свои топографические тайны, Игорь знал: если он будет идти, идти не сдаваясь, то обязательно выйдет к метро. Приезжему в этом городе не пропасть – лишь бы был грамотен. Неважно, гражданин России он или нет, трезв или пьян – любой гость столицы в своих скитаниях наткнется на спасительную двуглавую литеру. А в метро он найдет настенную схему, простую и понятную, как условное изображение нервной системы паука. И даже если разноцветные паучьи ножки за-

пляшут и станут свиваться в его глазах, то и тогда метро отнесется к нему гуманно. Оно будет возить его с грохотом под Москвой – возить до тех пор, пока к человеку не вернется способность соотносить и разбираться в схемах.

Нефедов в метро вел себя как положено: он не курил, не сорил и не ложился с ногами на вагонные диванчики, зная, что это привилегия бомжей. Но Игорь забыл о главном: при пересадках на станциях пьяному лучше не попадаться на глаза милиционерам. Подземная милиция самая строгая; она отличается от обычной уличной, к примеру, так же, как та отличается от почечуевской. Шутки плохи с подземной милицией.

– А-адну минуточку, гражданин!. Вашш...мент...!..

Слова эти для Нефедова прозвучали громом среди грома метро. Делать вид, что ослышался, не имело смысла – платформа полна была всякого люда, но милицейский взгляд упирался конкретно в него. У Нефедова мелькнула мысль, что мента заинтересовала его сковорода. Он вздумал ее предъявить, но, к его удивлению, сковороды с ним уже не было. Вспоминать, где он ее оставил, Игорю было некогда... В таком случае, в чем же дело?

Мент сделал ладонью неоконченное движение к козырьку и, похоже, представился.

– Документики, гражданин!.

За шумом отходящего поезда Нефедов слов этих не расслышал, но легко прочел по губам.

– Подержите, пожалуйста... – он вручил милиционеру почечуевский том и стал сам себя обыскивать. Смысл этих действий был лишь в том, чтобы продемонстрировать послушание. Игорь прекрасно знал, что в отличие от сковороды документов при нем не было изначально.

Тем временем к месту действия подтянулись еще два сотрудника милиции, один из которых был в чине ротвейлера.

– Тэ-эк-с?.. – поинтересовался подошедший мент.

– Да вот, гражданин на ногах не стоит. И кажется, без документиков...

Если первое замечание прозвучало скорее гиперболой, то второе вполне подтвердилось.

– Нету... – Нефедов сокрушенно развел руками.

Ротвейлер приподнял бровь. Из всей троицы у него были самые умные глаза, но взгляд их не оставлял Игорю надежды на снисхождение.

Факт отсутствия у гражданина документов дал ход милицейской машине.

– Тэк-с! – удовлетворенно сказал подошедший мент.

– Пройдемте, гражданин! – весело скомандовал тот, который производил задержание.

Втроем они взяли Нефедова в конвой и повели куда-то вдоль платформы под любопытствующими взглядами публики. Впрочем, этап оказался коротким: он закончился вместе с платформой – там, где останавливается первый вагон и устроено зеркало для машинистов. Милиционеры отомкнули неприметную дверь, выкрашенную в цвет стены, и ввели Игоря в небольшое помещенье. Пахло здесь как во всякой другой милицейской кандейке, и имелся, конечно, портретик Дзержинского. Непривычным лишь было полное отсутствие окон, даже зарешеченных.

Запершись, менты первым делом повесили на гвоздики свои фуражки. Затем с ротвейлера сняли намордник, и он тут же бросился к миске с водой.

– Присаживайтесь, гражданин.

Без головных уборов милиционеры выглядели менее официально. Казалось, им даже хотелось как-либо пошутить с задержанным, просто в головы пока не при-

ходило ничего остроумного. Во всяком случае, составлять протокол они не спешили. Мент, который производил задержание, сел за конторский столик и выложил перед собой почечуевский том.

– «Мосты и тоннели», – прочел он на обложке и подмигнул напарнику: – Инновациями интересуется гражданин.

– Тэк-с... – усмехнулся напарник и подмигнул ротвейлеру.

– Что ж это вы – образованный человек и так надрались?

Нефедов опустил голову.

– Пробить его надо по базе, – подал совет напарник.

Производивший задержание и ротвейлер взглянули на него, как на идиота:

– Как же ты его пробьешь, если он без документов?

– Тэк-с... – стушевался напарник.

– Мы сделаем вот что... – Мент, производивший задержание, задумчиво побарабанил пальцами. – Мы проведем с гражданином профилактическую беседу.

Вздохнув, Игорь приготовился к тяжелому разговору, но милиционер достал из столика общую тетрадь и что-то молча в ней записал.

– Отчет, – пояснил он. – Профилактическая беседа произведена с гражданином... как вас?..

– Почечуев, – сказал Нефедов.

– С гражданином Почечуевым. Распишитесь вот тут.

– Спасибо!.. – Игорь выдохнул с облегчением. – Спасибо огромное... Мне можно идти?

Менты и ротвейлер переглянулись.

– Хотите так сразу?.. А вы под поезд не свалитесь?

– Ни в коем случае! – горячо заверил Нефедов. – Мне еще надо на электричку успеть.

Ротвейлер пошевелил бровями.

– Ну ладно, – разрешил мент, производивший задержание. – Ехайте, гражданин Почечуев. Но чтобы дома и сразу в постель.

Он лично вывел Нефедова на платформу и, сделав опять попытку козырнуть, посадил его в поезд.

ХИНКАЛИ

– Ты хоть бы кровать заправил.

– Вот еще... Горничная придет.

– Придет она, как же...

Горничную тут действительно не дождешься. Оно и неудивительно, ведь курортный сезон в здешних краях сменился уже мандариновым. Пансионатская обслуга смотрит на последних отдыхающих с отвращением, а чаще не смотрит вовсе. Все свои запасы общительности местные служащие изливают друг на друга. Собравшись числом от двух в коридоре или где-нибудь на углу, они часами орут и жестикулируют. Крик – их естественная форма коммуникации; жители Кавказа, они так и беседуют, словно сидят на разных горах. Однако о чем они говорят – это отдыхающих не касается.

А постель Игорю и впрямь не мешает прибрать – свою половину. Вселившись в этот номер, Нефедовы первым делом сдвинули кровати, образовав из них подобие двуспального ложа. Но только подобие, потому что посередине оно все равно разделяется жестким ребром. На ночь глядя Игорь с Надей встречаются то «у него», то «у нее», но потом раскатываются и спят врозь. Соответственно и по утрам: каждый заправляет свою постель отдельно. Точнее сказать, Надя свою заправляет, а Игорь ждет горничную.

Игорь ждет горничную, горничная ждет, когда они съедут из пансионата, а в результате обстановка в номе-

ре имеет весьма неприглядный вид. Смятые простыни с пятнами мандаринового сока; на столе гора оранжевых корок, обрывок лаваша и недопитая бутылка местного полусладкого, по которой вверх медленно ползет местная, уже полудохлая муха. Она доберется до горлышка и упадет внутрь бутылки, чтобы красиво, по-кавказски, умереть, утонув в вине.

Радио в номере скрежещет одними согласными. Передачи на русском, как и горячая вода в душе, бывают здесь только по часу в день, но выключить репродуктор нельзя, потому что тогда станет слышно происходящее за стеной. А происходит там крутые сутки одно и то же – в соседнем номере отдыхают молодожены или сбежавшие на курорт любовники, хотя времяпрепровождение их отдыхом не назовешь.

– Для чего только людям дают путевки... – неодобрительно замечает Надя. – Могли бы и погулять для разнообразия.

– Угу... – вяло соглашается Игорь и делает радио громче.

– А ты... не хочешь? – предлагает она неуверенно.

– Погулять, ты имеешь в виду?

– Может, хинкали наконец попробуем...

Игорь отвечает не сразу. Под прогулкой Надя подразумевает очередную поездку в город. Ходит туда единственный, не признающий расписания рейсовый автобус, маршрут которого непредсказуем и зависит от надобностей водителя и его многочисленных местных приятелей. Денег за проезд водитель с приятелей не берет, а убыток компенсирует за счет отдыхающих. Если, к примеру, спросить у него сдачи с рубля, то он сильно разгневется. Впрочем, сдачи с рубля здесь не дают и в магазинах тоже.

Что же насчет хинкали, то о них Нефедовы узнали от Ксенофонтова. Он отдыхал тут до них, в этом же

пансионате и по такой же профсоюзной заводской путевке.

– Место – дыра дырой, – рассказывал Ксюха, – особенно в несезон. Но хинкали у них – объедение; единственное вообще, зачем стоит туда поехать.

Слова Ксенофонтова подтверждаются, но пока только в том, что касается места. До хинкали у Игоря с Надей дело еще не дошло, хотя найти забегаловку, где они готовились, труда никакого не составляло. В первый же день, примкнув к очереди таких же, как они, курортников, Нефедовы получили право насладиться запахом вареных пряностей. К несчастью, у дядьки, заведовавшего на раздаче дырчатым черпаком, было местных приятелей еще больше, чем у водителя автобуса. Белокожие чужаки, томящиеся в очереди, лишь молча печалилась. Как и следовало ожидать, бак с хинкали опустел ровно перед нефедовскими носами. Это еще надо было счесть удачей, потому что в последующие дни хинкали кончались гораздо раньше.

– В другой раз захады, – бросал равнодушно заведующий черпаком и закрывался ставней.

Увы, всякий раз, что ни заглядывали они в хинкальную, заведение полно было горланивших аборигенов, компанию которым мог составить разве что проныра Ксенофонов.

Впрочем, у здешних мужчин есть и другие пристрастия помимо хинкали. Когда они бывают сыты, то играют в нарды – везде, где можно разместить два зада и доску. От игры джигиты отвлекаются лишь затем, чтобы смерить взглядом проходящую женщину и на ломаном русском выразить ей вдогонку какую-нибудь неприличность. Женщин, в частности Надю, такое внимание нервирует, но джигиты остаются очень собой довольными. Целыми днями, хоть и без видимого результата, они та-

ким образом расточают свою мужскую энергию, так что собственным их соплеменным супругам остается посочувствовать.

Как бы то ни было, сегодня Нефедова не вдохновляет ни изучение местных нравов, ни призрачная надежда отведать легендарных хинкали. Ехать мультимаршрутным автобусом, а потом слоняться по чужому городу, испытывая скуку, смешанную с беспокойством, – для чего? Игорь встает с кровати. Он подходит к окну, которое нельзя открыть, – нельзя, потому что оно глядит на хоздвор, уставленный помойными баками. Пансионат в это время года стоит полупустой, и можно, конечно, было бы попроситься в другой, лучший номер – с видом на выключенный фонтан и аллею пропыленных пальм. Но за это здесь полагается дать на лапу администратору, а отпускной бюджет у Нефедовых, мягко говоря, ограничен.

Игорь стоит у окна, но он рассматривает не пансионатовские задворки и даже не более отдаленную перспективу с кубическими сельскими домиками, взбирающимися в гору. Он глядит на саму эту гору, на приморский безымянный отрог Кавказа, крытый плешивой, как старое бильярдное сукно, но не умирающей южной зеленью. В эту минуту в Игоре созревает первое за все утро желание.

– Послушай, – он обращается к Наде, – зачем нам эти хинкали? Давай мы с тобой... сходим сегодня в горы.

Предложение – он это знает – встречено будет в штыки. Не беда. Игорь выслушает, что у Нади нет в багаже подходящей обуви и что в горах много насекомых и змей. Возможно, будут и другие возражения – он выслушает их все и все отвергнет. Между ним и Надей состоится препирательство, а потом они пойдут в горы.

Так все и происходит. Спустя полчаса Нефедовы уже идут подгорной дорогой, не мощеной, но естествен-

ным образом неприятно каменистой. Конечно, права была Наденька – она обута в парусиновые легкие тапочки, которые идут к ее стройным ножкам, но нехороши для прогулок по горным кавказским дорогам. Сквозь тонкую их подошву Надины стопы и пятки тревожат острые противные камни.

Дорога плоха, а в гору меж тем подниматься не собирается. Ей незачем в гору, ведь она всего-навсего местный проселок, не предназначенный для заезжих покорителей вершин. Вдоль дороги стоят каменные плосковерхие домики – это такие здесь избы. Вместо кур на заборах сидят тут огромные птицы без лиц – индюки; а там, за спинами индюков, пылают мандариновые пожары и трудятся женщины, одетые так, будто пришли с похорон, – видимо, жены игроков в нарды.

– И долго нам топтать через эту деревню? – Надя теряет терпение. – Ты в горы хотел? Так вот же она, гора!

Гора-то действительно «вот» – застит всю правую половину неба. Только, чтобы взойти на нее, не видно ни единой тропинки. Склон, поросший щетинистой желтоватой травой, разгорожен плетнями – он служит тут пастбищем, а вовсе не предназначен для гуляния туристов. В настоящее время его объедают несколько вислозадых овечек и один осел. Животные с интересом прислушиваются к звукам незнакомой им русской речи. Впрочем, речь эта такова сейчас, что лучше овечкам ее не переводить. Дело в том, что Надя отказывается наотрез идти дальше по этой ужасной колючей дороге, ведущей к тому же неизвестно куда. И лезть без тропинки в гору она тоже не хочет, потому что она, по ее выражению, «пока что не дура». Игорь иного мнения: он честит свою спутницу кисейной барышней, размазней и еще такими словами, которых нет в овечьем литературном. Его цель – пробу-

дить в своей спутнице спортивный дух, однако в конце концов он добивается обратного. Надины глазки вдруг увлажняются.

– Ах так!.. – восклицает она и, круто развернувшись, шагает обратно в сторону пансионата.

Надя идет, не оглядываясь, – решительно, но то и дело оступаясь на камушках оттого, что слезы мешают ей видеть дорогу. Игорь смотрит ей вслед; он знает, что она не вернется.

Скоты возвращаются к своей бесконечной трапезе. Кроме хрупа срываемой ими травы да пения насекомых, похожего на обыкновенный звон в ушах, больше никаких звуков. Надина фигурка вдали уменьшилась в точку и пропала. Игорь уже не сердит на нее, а только чувствует свое глубокое одиночество.

Что ж! Нефедов мужественно сдвигает брови – теперь он из принципа взойдет на гору, чего бы это ему ни стоило. Больше не утруждаясь поисками тропинки, он сходит с дороги и перешагивает через ближайший плетень. Овцы напуганы, – с тревожным блеянием они бегут перед Игорем, пока не упрутся лбами в противоположное ограждение. Там они сбиваются в кучку, выставив навстречу пришельцу свои жирные зады с трепещущими хвостиками. Мир вам, овечки! Одолев следующий плетень, Игорь попадает в загон к ослу. Этот удирать не спешит, а лишь глядит на пришельца своим ослиным печальным взором... Кто – природа или человек-творец посмеялся над этим созданием? Мог бы одним прыжком обрести свободу, а вместо этого топчет собственные свои фекалии, подъезаясь в загоне. Вот для Нефедова плетень не преграда. Только бы этот его бросок через пастбище не заметили местные скотоводы...

Но уже позади разгороженный луг. Поднявшись выше по склону, Игорь попадает в пахнущую аптекой ро-

щу невысоких колючих деревьев. Подъем становится круче; деревья удерживаются на нем, вцепившись узловатыми корнями в скалистую почву, и Нефедову все чаще приходится следовать их примеру, помогая себе при ходьбе руками. «Наде пришлось бы здесь туго...» – мелькает в голове его мысль... и следующая, о неактуальности первой.

Нет, восхождение такой сложности не для кисейных барышень! Игорь карабкается по камням, хватаясь за ветки, отвечающие на пожатие руки острыми шипами. До чего все-таки недружелюбные заросли! Попадись они Игорю где-то на ровном месте, разве сунулся бы он в них? Но здесь его вдохновляет сам факт продвижения вверх. Если держишь свой путь к вершине, то думаешь, что у тебя есть цель и жертвы твои не напрасны. Этим-то горы и привлекательны. Утешаясь подобными мыслями, Нефедов убеждает себя, что в трудностях подъема как таковых содержится глубокий смысл. Только... зачем эти трудности усугублять с помощью колючей проволоки?

Помеха такая, что Игорь в нерешительности останавливается. Колючая проволока – это не деревенский плетень; здесь дело, возможно, государственное. Правда, снизу, с дороги, Нефедов не видел на горе никаких государственных объектов, да и выглядит ограждение не очень солидно: проволока проржавела, провисла и оплетена вся выюном с голубыми цветочками. Как бы то ни было, Игорь понимает, что точка возврата для него пройдена. Она осталась далеко внизу – в шипастых кустах, в ослином загоне или, скорее всего, на дороге, где он поссорился с Надей. Не найдя поблизости никакой запрещающей таблички, Нефедов отваживается продолжить путь. Он заносит ногу через проволоку и тем самым нарушает запрет, смысл которого ему пока неясен.

По ту сторону ограждения та же чаща кустов. Однако идти шаг от шага становится легче – это оттого, что убывает крутизна подъема. Нефедов замечает, что окружающие растения и сам он принимают по отношению к земле привычное перпендикулярное положение. В просветах между деревьями показываются какие-то синиеющие дали – небесные, а может быть, и морские. Сомнений теперь уже нет – Игорь добрался наконец до вершины. Он покорил эту гору, но ощущает ли торжество? Дорого далась ему эта победа, а разделить ее не с кем.

Мало где человек так чувствует свое одиночество, как сидя на вершине горы. Привалившись спиной к стволу дерева, Нефедов курит и рассматривает кобылку, порхнувшую ему на колени. Дальность полета ее ограничена; она родилась на горе и тут умрет, даже не подозревая, как высоко занесла ее судьба. Что ж, каждому суждено свое: кобылке – порхать на горе Кавказа, а человеку надо возвращаться к людям.

Нефедов успел отдохнуть. Он встает и отряхивает штаны. Он намерен продолжить свой путь в неизведанное. Вперед и вниз – теперь уже по лицевому, обращенному к морю склону.

Это парадная сторона горы. Колючую дикую поросль тут сменяет широколистный кустарник – явно саженный, явно культурный, кое-где даже с остатками белого ароматного цвета. Вскоре показываются первые, худенькие пока пальмы. Неожиданно под ногами Игорь нащупывает дорожку, точнее, ее останки в виде оплывших от старости, полуразложившихся фрагментов асфальта. За кустами виднеются руины каких-то ротонд и бетонных вазонов, оплетенные зеленью. По сторонам дорожки встречаются небольшие бетонные пьедестальчики, объединенные непогодой; статуи не сохранились – только в местах, где крепились их ноги, торчат арматурные прутья.

Но чем ниже Нефедов спускается, тем более свежими представляются зримые признаки человеческой деятельности. Словно сходит он не с горы, а с вершины истории – в те мифические времена, когда ротонды в парках еще были целыми, пальмы толстыми, а колхозницы и сталевары стояли на своих пьедестальчиках. Постепенно дорожка выглаживается, затягивается молодым асфальтом; вдоль нее возникают лавочки и беленые плевательницы. Наконец вопль павлина извещает Нефедова о том, что он достиг обитаемого уровня.

Трудный поход обернулся приятной курортной прогулкой. Игорь идет, вдыхая ароматы отцветающих роз и гортензий; еще немного – и, может быть, ему покажется сам обладатель кошачьего голоса и прекрасного хвоста... Однако вместо павлина Нефедов сталкивается в аллее с двумя женщинами в белых халатах, несущими перед собой каждая по большой подушке. Все пышных форм – подушки и сами женщины, так что рук им едва хватает.

– Добрый день! – обескураживают они Нефедова дружным приветствием.

Не попал ли он в сказку?.. Игорь чувствует замешательство, но продолжает путь.

Спустя сотню метров он замечает впереди по ходу большое здание римско-советского стиля, и только теперь его осеняет запоздалая догадка. Все окружающее великолепие и благовоние предназначено не ему. Шагнув на горе через проволоку, он проник на территорию какого-то очень важного начальственного санатория, что для граждан нефедовского типа является, конечно, преступлением.

Вот к чему приводит один лишь безрассудный шаг. С морской стороны санаторий основательно укреплен. Здесь – высоченный забор, преодолеть который нель-

зя ни снаружи, ни изнутри. Выход один – через проходную, где, чуёт Игорь, его встретят уже не тетки с подушками и приветствовать будут по-своему.

Возвращаться старым путем? Лезть в гору обратно? Немыслимо! Что скажет потом осел?.. Нефедов решается идти через проходную. «Будь что будет! – говорит он себе. – Если спросят, кто я такой, скажу, что водопроводчик. Приходил, мол, чинить фонтаны».

Но его ни о чем не спрашивают – ему просто приказывают предъявить пропуск. Чутье Нефедова не подвело – в проходной дежурят отнюдь не тетки и даже не милиционеры. Тут на вахте мужчины в галстуках; они говорят и двигаются с котовьей ленцой, но пиджаки их в плечах и под мышками туго натянуты. Такие мужчины служат известно по какому ведомству.

Они выслушивают Нефедова без улыбки – сначала чушь о починке фонтанов, затем честный рассказ о горной прогулке.

– Документы на стол!

– Нет документов, – лопочет Игорь. – Говорю: с горы я спустился...

– «Спустился с горы»... – записывает мужчина в галстук. – Что еще можете пояснить?

В это время его напарник звонит по настенному телефону.

– За ним уже едут, – сообщает он, положив трубку.

– Быстро они. Здесь им это не свойственно...

Заполняющий протокол похож не врача, выписывающего рецепт.

– Прочитайте и распишитесь.

Нефедов вчитывается в его аккуратные каракули.

– Насчет фонтанов я пошутил, – замечает он робко.

– Пошутил, бывает, – мужчина поправляет галстук. –

Вот вместе и посмеетесь. Там.

Звучит зловеще, хотя и туманно. С кем вместе? Где это «там»? Игоря вдоль позвоночника пробирает морозцем. Воображение ему рисует тюремную камеру, допросы с пристрастием... Бедная Надя! Сможет ли он подать ей весточку?..

Кто-то за ним уже едет... Минуты тянутся в тревожном ожидании. Но вот наконец стучают наружные двери, и проходную заполняет голос:

– А что тут у нас?! Игде такой-сякой?!

С первого взгляда видно, что это обычный мент, и притом местный. Он черноус и одет в обычный, колом сидящий китель. Кажется, впервые в жизни Игорь при виде мента чувствует облегчение.

– Кто такой, слушай?.. Что натворил?..

Как все местные, он кричит, будто хочет устроить скандал.

– Водопроводчик, – спокойно сообщает охранник. – Вот протокол. Сдашь его куда следует – надо выяснить, что за птица.

– Ай-ё... – черноусый сдвигает фуражку на лоб, но спорить с галстучниками не решается. Только выйдя с Нефедовым на улицу, мент взмахивает руками: – Какой-такой протокол? Куда сдашь? Слушай, я плохо по-русски читаю, что ты такого сделал?

– Ничего, – Игорь скромно пожимает плечами.

У ворот санатория их поджидает не воронок и не милицейская «канарейка», а старый обшарпанный рафик с растопыренными передними колесами. Внутри автобуса спят двое – мент-водитель и какой-то дядька – видимо, тоже задержанный. Черноусый отправляет Нефедова к дядьке, а сам усаживается рядом с водителем. Сойдясь в кабине, менты, разумеется, галдят и бурно жестикулируют. Рафик сам собой трогается и, тарахтя, катит в сторону города.

После нескольких дорожных толчков дядька в салоне перестает храпеть. Он открывает глаза, вперивает их в Нефедова и, чуть погодя, протягивает широко ладонь:

- Здорово, кореш!
- Ой! – (от его пожатия хрустят кости).
- За что тебя взяли?
- Ни за что, – вздыхает Игорь. – Просто гулял.
- Ага! Вот и я погулял тоже...

Дядька придвигается ближе, обдавая Игоря густым перегаром.

- Я, брат, сам из Норильска; шахтеры мы... А у них тут водка – не водка: две по ноль семь махнул – и ни в одном глазу. Ребята надоумили: иди, гряд, на рынок, там чача продается, на курином говне настоящая; как паровозом, гряд, с ног сшибает. Пошел проверять – не соврали ребята. С ног не сшибла, а двинула хорошо. Менты сказывают, я на рынке на ихнем три прилавка свернул.

- Это дело... – уважительно замечает Нефедов. – И что потом?

Норильчанин чешет в затылке.

- Что потом... Повязали, конечно. Только я тебе так скажу: бардак тут у них повсюду. Возят меня два часа, а куда сдать, не знают. Вырезвитель закрыт; в горотделе пусто. Все, вишь, по мандарины ушли.

- Так это же хорошо. Если некуда сдать, может быть, нас отпустят?

- Хрен отпустят! – качает головой шахтер. – За так тут ничего не делается. Я просился – они гряд: «Червонец». Где я червонец возьму, когда все на чачу извел?

Тем временем пейзаж за окошком рафика приобретает узнаваемые черты. Впереди в придорожном ряду профсоюзных здравниц Нефедов различает уже и свой пансионат... «Пора! – решается он. – Сейчас или никогда...»

– Будьте добры, пожалуйста – кричит Игорь ментам. Те оборачиваются:

– Что такой?

Нефедов показывает им десятку. Рафик, вильнув, скрипит тормозами.

– Бабки есть, командир, объявляй амнистию! – обрадованно гудит шахтер.

– Ай-ё!.. – всплескивает руками черноусый. – Если бабки есть, зачем мозги пудришь?

Некоторое время менты рядятся с задержанными, пытаясь истребовать с них вторую десятку, но в итоге сдаются.

– Идите обое, чтоб глаза мой не видел... – и черноусый прибавляет еще несколько слов на родном языке.

Толкая друг друга, Игорь с дядькой вываливаются из рафика. Из кабинного окошка вслед им летит протокол – плод творчества галстучников, разорванный в клочки.

– Свобода, ёшь её! – в приливе чувств шахтер встряхивает Нефедова за плечи. – Спасибо, братишка, отмазал...

Радость Игоря была бы полнее, если б не выброшенная десятка. Надя о ней рано или поздно спросит...

– Теперь куда? – дядька чешет в затылке. – Может, айда на рынок?

Ну нет! На сегодня с него приключений достаточно. Со всей твердостью, на какую способен, Игорь отказывает шахтеру в компании.

– Ну, смотри... – лицо у дядьки скучнееет. – Тогда, значит, больше не свидимся. Завтра уже я ту-ту... с вещами на электричку.

– Желаю удачи...

Тепло простившись с шахтером, Нефедов бредет к своему пансионату. Там ждет его Надя – ждет, чтобы простить. Они будут есть лаваш с мандаринами. Игорь

расскажет Наде о своих приключениях. А через пару дней Нефедовых тоже заберет электричка. Скрипя и пошатываясь, по бровке, по краешку меж гор и моря увезет она их в Россию.

ВОКЗАЛ

– Что, не успел, профессор?

Как большинство столичных вокзалов, этот был тупикового типа. Термин, конечно, спорный, ведь где одному тупик, там для другого начало. Однако на несколько часов каждую ночь вокзал действительно становился тупиковым в обоих направлениях. Факт, противоречащий логике, но оттого не менее печальный – для всех, кто по той или иной причине опаздывал на последнюю электричку.

С этим фактом сегодня столкнулся Нефедов.

Табло пригородных отправлений светилось зелеными прочерками, а прямо под ним на заплыванном асфальте расположилась компания бомжей. Днем лежавшие неподвижно или бродившие по городу с видом сомнамбул, в этот полночный час бомжи были полны жизни, шутили и далеко вокруг распространяли свой изумительный смрад. Они посматривали на Игоря с ехидцей, подмигивали ему заплывшими глазками и ухмылялись беззубыми ртами, обметанными сизыми запекшимися болячками. Их лица в гематомах всех цветов радуги были самого тупого типа, какой только можно себе представить.

Больше всего бомжей забавлял книжный том, который Нефедов держал под мышкой.

– Твой поезд ушел, профессор! – куражились они. – Сядь с нами, почитай нам на сон грядущий...

Наступило то мертвое время суток, когда железнодорожники меняют электричкам колеса и подсчитыва-

ют свои убытки. Днем привокзалье кипело, выделяясь мутным пятном на фоне московских, тоже отнюдь не хрустальных человеческих вод, но теперь, когда спал пассажиропоток, обнажилось его отвратительное дно. Вылезли из ила гады, скользкие, опасные твари, а разная транзитная рыбешка, на беду свою угодившая в ловушку расписания, наоборот, искала места, где спрятаться. Она понабилась в зал ожидания, чтобы там, истребив остатки кислорода, стать жертвой неизбежного массового замора.

Нефедов слонялся по пригородной зоне под ослепшими табло. Он протезвел достаточно, чтобы уже не привлекать внимания милиции, но еще не настолько, чтобы заинтересовать вокзальных проституток. Шнырявшие там и тут остроглазые жулики тоже не видели в нем своего клиента. Впрочем, Игорь сейчас выглядел таким помятым, что и сам мог сойти за какой-нибудь персонаж здешнего паноптикума. С толстой книгой под мышкой он, например, мог представлять собой образ вокзального дурачка. Однако в душе, конечно, Нефедов имел мало общего с вокзальными резидентами. Отличие было в том, что он не умел, как бомжи и другие, естественно обрета́ться в безвременье вокзального тупика.

Правда, безвременье это было все же не абсолютным. Так, проходя под часами, висевшими рядом с табло, он всякий раз находил их минутную стрелку в другом положении. Стоило Игорю остановиться, вставала и стрелка, но, если он продолжал движение, часы, пусть и с видимой неохотой, оживали тоже. Значит, хождение его не было бесполезным – Нефедов не только себя таскал по ночному вокзалу, но, действуя в роли маятника, заставлял идти время. Он не сдался часам на милость, не осел кулем, не заснул где-нибудь в грязном углу. Превозмогая похмельную, свинцом огрузившую его усталость, Игорь мужественно приближал наступление утра.

Он верил в то, что рассвет наступит, и оказался прав. Зарю Нефедов встречал, стоя уже на своей, только что объявленной платформе. Еще порожними оставались пути, но их уже можно было проследить глазом – дотуда, где, сплетясь в пучок, рельсы сверкали и брызгали магниевыми искрами, запаленные восходящим солнцем. Еще на шпалах попрыгивали самоуверенные вороны, но они уже что-то чувствовали своими лапками. Приложись они к рельсу, то услышали бы постукивание и протяжный железный скрежет. Дорога давала знать об очередном своем пробуждении.

Часть пятая

1

«Риелтор Харламов – жулик». Слово «жулик» в этой фразе стояло первым, потому что электричка прочитывала ее с конца. Дальше был телефон какой-то Светы, предлагавшей желающим интимные услуги, а за ним уже следовали призывы к свержению государственного строя. Бетонные придорожные ограждения, быки мостовых переходов и нескончаемые слепые стены депо давали простор проявлениям гласности. Однако чем дальше от Москвы, тем более краткими и ненормативными делались настенные высказывания. Да и стен самих, годившихся для письма, с каждым километром оставалось меньше.

А спустя полчаса о риелторе Харламове истаяла даже память. Все уже было в прошлом: гражданские страсти и муторная толкотня на городских стыках. Электричка посвистывала; она летела, едва касаясь колесами полотна, а за окнами ее слева и справа вращались будто две веселые карусели. Вот проехала дачница на задстой лошадке, вот речка сверкнула, вот целой грибницей высыпали домики с одинаковыми красными крышами, мокрыми от утренней росы.

Слева и справа от дороги пробуждались селенья. На луга, впереди своих пастырей, поторалливалась скоти-

на. На станционных платформах топтался отхожий люд, а где имелись вокзальчики, там придорожные лавки поднимали ставни. В их названиях веяло уже уездом: «Колбасный рай», «Женский каприз» и, без затей, «Супермаркет».

Миновав пятьдесят восьмой километр, электричка главно повернула на восток. Ландшафт за окнами мало-помалу становился рельефнее; приподнялись, округлились поля, леса опушили взгорки; все окрестные земли будто бы кто-то взбил, как для мягкости взбивают перину. Пологие выпуклости сменялись уютными ложбинами; местность, казалось, сама делала человеку приглашение – осесть здесь, устроить свои обиталища. И человек, конечно, благодарен был ей за любезность. Вот блеснул за деревьями церковный крест; вот показалась труба завода. Скоро виды природы сменились видами сплошных обиталищ; леса отступили, и от местности остался только один рельеф.

Впрочем, город как таковой тоже выглядел живописно. Часть его залегала в речной долине, через которую был переброшен железнодорожный мост. Проходящие по мосту поезда словно парили в воздухе, и пассажиры их сверху могли наблюдать, как устроена внизу жизнь. пойменная земля была расчерчена на огороды, а на свободных пространствах семействами паслись козы. Берегом, повторяя извивы речки, пролегало шоссе, по которому, следуя уже его извивам, сновали разноцветные автомобили. Они перебегали между двумя половинами города, разделенного надвое железной дорогой. В правой, патриархальной части главенствовал монастырский собор; в левой, индустриальной – завод со своими трубами. Дома на соборной стороне были старенькие, небольшие, а на заводской, соответственно, многоэтажные и относительно новые. Однако на обеих половинах улицы города были равно зелены

и с высоты моста выглядели опрятней и чище, нежели на самом деле.

При появлении этой панорамы в окнах, а главное, когда мост загрохотал под колесами электрички, некоторые из пассажиров подхватились с мест. То же самое должен был сделать Нефедов, но увы – он панорамы не видел и даже не почувал под собой моста. Игорь так хорошо уснул, что проехал наш город и несколько последующих станций...

– Очнись, касатик, у тебе книжка выпала!

Бабушка, назвавшая его касатиком, везла корзинку куриных яичек. На Игоря пахло силосом. Взглянув на яйца, а потом в окно, он понял, что проскочил изрядно.

2

Всем известно, что реки не текут вспять и что время движется лишь в одну сторону. Но железная дорога опровергает философские постулаты. Поезда ее ходят туда и сюда, из тупика в тупик, и в этом ее устройстве есть что-то сверх философии. А иначе что делал бы сейчас Нефедов? Он бы поплелся назад пешком, падая от усталости, изнывая от жажды и голода, а по ночам бы он грелся, лист за листом сжигая бесценную почечуевскую рукопись. К счастью, все поправимо, покуда в стране существует двустороннее железнодорожное движение.

Крепко себя обругав, Нефедов вышел на полустанке, пахнущем теми же бабушкиными яйцами, и, прыгая через рельсы, перебрался на противоположную платформу. Там плюхнулся он на лавочку и опять задремал.

Оказия, случившаяся с Игорем, была не из ряда вон. Проспать свою станцию – это многим у нас доводилось, но все же, кто раньше, кто позже, все возвращались в свой город. Вернулся, конечно же, и Нефедов.

Правда, расставшись с железной дорогой, Игорь снова попал в зону действия рутинных философских законов. Пока путешествовал он в глубинку, в речке, что под мостом, утекло некоторое количество воды. Город предстал Нефедову уже не таким умытым и свежим, каким он был ранним утром. С цветочных клумб испарилась роса, а неработающие обыватели в большинстве своем успели опохмелиться. Улицы были немногочисленны, потому что жители давно разошлись по местам своих ежедневных занятий. Рыжим дымом курился завод; монастырь отбивал часы; в садах щебетали дети. Это была картина сдержанной будничной гармонии, нарушал которую только сам Нефедов, выпавший из расписания жизни. Еще недавно он органично смотрелся среди московской вокзальной шумеры, а сейчас в родном городе чувствовал себя чужаком. На него оглядывались даже уличные собаки, но он всего больше опасался встретить кого-нибудь из сослуживцев. И все же в душе Игорь чувствовал облегчение. Ведь это был его последний бросок... ну, предпоследний перед броском в кровать. И с ним была рукопись «Провозвестия» – его, как он верил, спасение и оправдание.

По счастью, никто из знакомых Нефедову не повстречался, кроме соседского кота Дизеля. Припозднившись тоже из своих ночных странствий, кот сидел на крыльце у подъездной двери. Он ждал человека, заслуживающего доверия, чтобы с ним вместе войти в подъезд. Но Игорь доверия у кота не вызвал, – метнув пронзительный взгляд, Дизель вдруг прижал уши и шмыгнул с крыльца в палисадник. «Не узнал...» – усмехнулся печально Нефедов.

Но в следующую минуту он уже про кота не помнил. Теперь его мысль сосредоточилась вся на том, как пережить ему встречу с Надей. Отпирая квартирную

дверь, Игорь слышал биение своего пульса. Уши и щеки его горели, словно в предвкушении пощечин...

Но он позабыл о времени. В этот час ни Нади, ни Кати дома уже, разумеется, не было. Квартира встретила его остаточными ароматами жареной ветчины, духов и валериановых капель. Одна ушла на работу, другая в школу, – судя по всему, они тут не пали духом и стойко переносили отсутствие отца и мужа.

На полке в передней он нашел свой мобильник. «Неответченных – 8» – высветилось на дисплее. «Будет тебе на орехи...» – подумалось Игорю. Впрочем, время раскаяния еще для него еще не пришло. Прежде Нефедову надо было хорошенько выспаться.

3

Снились ему чьи-то похороны, возможно, что его собственные, но печали Нефедов почему-то не чувствовал. Его только раздражал сопутствующий процедуре надоедливый запах валерианки. «От вашего успокоительного одно беспокойство!» – сыронизировал он и так рассмеялся собственной шутке, что даже проснулся.

– Боже, этот негодяй еще ржет...

Слова прозвучали в посюсторонней реальности, но запах валерианки никуда не делся.

Игорь открыл глаза и почти сразу узнал свою комнату. В кресле у окна сидела Надя с «Провозвестием» на коленях. Он встретился с ней глазами и снова зажмурился. Но было поздно.

– Откуда у тебя это?

Надя заговорила тихо, что, безусловно, делало честь ее самообладанию. Однако первая же его ответная реплика испортила разговор.

– Что-то ты рано сегодня... – Игорь взглянул на часы и зевнул. – Я бы еще поспал бы...

– Ах, ты поспал бы?! – взорвалась Надя. – Да твой храп в Почечуеве слышно! Катя и та испугалась – звонит: «Приезжай, пале глохо»...

– Нельзя ли кричать спокойней... милая... – прожурчал он миролюбиво.

Игорь упал опять на подушку с желанием зарыться в нее головой, но уже Надя стояла над ним и потрясала рукописью.

– Говори, негодяй! – требовала она. – Признавайся, где ты ее взял, или со мной сейчас будет истерика!

Нефедов решил защищаться с помощью хладнокровия.

– Ничего от меня не узнаешь... – тихо, но твердо объявил он. – Не узнаешь, пока не сядешь обратно и не возьмешь себя в руки.

Надя возмущенно фыркнула, однако вернулась в кресло.

– Ну? – она сдула с носа выбившуюся прядь волос.

– В двух словах не расскажешь...

Вспоминать было трудно... и больно! – Игорь отдернул руку, неосторожно почесав голову.

– В общем, Наденька, твой Почечуев, он просто свалился мне на голову. Вот даже шишка... пощупай.

Надя не шевельнулась.

– Мне нет дела до твоей шишки, – заметила она с достоинством. – Изволь изложить все толком – где свалился, при каких обстоятельствах... Алкоголик.

– Хочешь все толком? – помрачнел Нефедов. – Ну, слушай... Был я у Шерстяного, в его московской квартире...

– Вот как? Ну-ну...

– Там ночью убили женщину, аспирантку из Брянска...

– Аспирантку? Понятно... – Надя дунула на непослушную прядку. – И стало быть, ее убили...

В дверях показалась Катина голова:

– Кто убил? Палка – ты?

– Не смей подслушивать! – прикрикнула на нее Надя. – Твоя палка несет околесицу, потому что еще не проспался.

Нефедов почувствовал, что хладнокровие может его оставить.

– Или вы замолчите обе, – пригрозил он, – или истерика сделается уже у меня.

Труднее всего в разговоре с женщинами заставить их слушать не перебивая. Но если, пусть даже угрозой, суметь овладеть их вниманием, то в душе их получит отклик любая, самая нелепая история.

При том что, как ни старался Нефедов, толкового изложения не получалось. О своих приключениях с «Прозвозвешием» он рассказывал путано, с пятого на десятое, к тому же основательно привирая. Тем не менее слушательницы его втянулись и, позабыв свой первоначальный скепсис, ахали и всплескивали руками. Игорь втайне торжествовал; он чувствовал, что уже не будет подвержен заслуженному им семейному судилищу, – в крайнем случае Надя отложит его на потом.

4

Так спасенная Нефедовым рукопись сама выручила его в трудной жизненной ситуации. Обстановка в доме Нефедовых существенно разрядилась. Напряжение спало, словно они всей семьей приняли валерианки. Конечно, проступок Игоря требовал еще своей оценки, да и труп аспирантки из Брянска маячил где-то на заднем плане. Но уже Катя, по-видимому, свой интерес к происшествию исчерпала – она отправилась в свою комнату делать вид, что делает уроки. Надя, надев очки, превра-

тилась в Надежду Николаевну и погрузилась в чтение «Провозвестия». Нефедов, лежа в подушках, думал о том, как приятно и хорошо быть человеку дома. Сейчас ему хотелось есть, но еще больше он хотел спать.

И он практически задремал, когда вдруг в передней заулюлюкала трубка городского телефона. Надя не двинулась с места.

– Сам изволь отвечать, – сказала она, не отрываясь от чтения. – Наверняка это тебя разыскивают.

Шепотом чертыхнувшись, Игорь выбрался из постели и ползлелся в переднюю. Телефонная трубка светилась, стоя в гнездышке базы, и пищала противно, как голодный птенец. Нефедову захотелось ее схватить и треснуть о стенку, но вместо этого он поднес трубку к уху. Еще оставалась надежда, что кто-то ошибся номером или что это Кате звонила какая-нибудь ее приятельница... Но права оказалась Надя.

– Ты, Нефедов? – услышал он в трубке.

Голос был Игорю незнаком и прозвучал зловеще.

– Я Нефедов, а вы кто?

Получив подтверждение, трубка взорвалась такой яростью, что, казалось, вот-вот укусит Игоря за ухо.

– Прощайся с жизнью, подонок!! Или ты отдашь мою рукопись, или сегодня же тебе конец!

Сердце Нефедова екнуло. Где-то недавно он слышал эти же интонации...

– Кто говорит? Живодаров?

Трубка в ответ разразилась скрежещущим злодейским смехом.

– Привет твоей Наденьке! Скажи, что я ее помню... Если не отдадите рукопись, считайте, что вы покойники!

Кровь прилила к лицу Игоря. Ему захотелось тоже что-нибудь прорычать страшным голосом, но подходящих к случаю слов он не мог произнести у себя в передней. К тому же, пока он брал дыхание, в телефоне

уже зазвучали гудки отбоя. Удерживаясь от расправы с трубкой, Нефедов переждал приступ бешенства, который, впрочем, скоро сменился приступом острой тревоги. «Достали, мерзавцы!.. – подумал он. – Все-таки вычислили... но как? Откуда у них мой домашний номер?»

Несмотря на то что Игорь сейчас находился не в лучшей умственной форме, ему было ясно главное: угроза нависла не только над ним, но и над Надей и, может быть, над Катей тоже. Что было делать? Как защитить свое самое дорогое – то, чему цену он ощутил с новой силой, вернувшись домой из загула? Нефедову предстояло принять решение – важное мужское решение, но какое, он пока не знал.

Неизвестно, как скоро и что он надумал бы, но через минуту прямо у Игоря в кулаке трубка заверещала снова. На этот раз она не застала его врасплох.

– Слушаю! – грозно рявкнул Нефедов.

– Что это ты на меня орешь? – удивилась трубка. Теперь она говорила Галиным баритоном.

5

– Здорово, Ниф-Ниф! Ты что, брат, такой сердитый? С Надькой небось поругался?

Игорь облегченно выдохнул.

– Прости, я просто подумал... Тут только что мне звонил... в общем, одна сволочь.

– Как – тебе тоже? – Галя коротко хохотнул. – Ну и дела, в натуре!

– Дела хуже некуда... – мрачно подтвердил Нефедов. – Но... ты, собственно, в каком смысле?

– Я в таком смысле, Гарик, – Галя понизил голос, – что десять минут назад мне звонили и обещались меня замочить. Не знаю, что там у тебя, а я вот в каком смысле...

Удивительное совпадение...

– Тебя-то за что?.. – пробормотал Нефедов. – Что-нибудь по коммерческой части?

– Как бы не так! – Галя опять издал нервный смешок. – Эти козлы требуют, чтобы я им какой-то роман отдал. Прикинь, Гарик, – роман! Я и газет-то отродясь не читал...

– Постой, постой... – свободной рукой Игорь отчаянно тер лоб. – Ты говоришь, роман?..

– Роман или рукопись там какую-то...

– И грозятся тебя замочить?

– То-то что замочить! По коммерческой части куда ни шло, а за роман, Гарик, я погибать не согласен.

– Ну и что ты намерен делать?.. То есть в милицию ты обращался?

– Что я, дурак? – Галя хмыкнул. – У ментов одна отговорка: разбирайтесь сами, а мы приедем, сосчитаем трупы.

– А как же этот ваш... профсоюз? Разве он тебя не защитит?

В трубке послышался сокрушенный вздох:

– Это все в прошлом, Гарик... Наши бойцы кто на пенсии, кто неживой лежит. Хохол и три собаки – вот нынче вся моя армия... Да еще вы с Ксюхой, если, конечно, захотите дружбана выручить.

– Ты зовешь меня биться с киллерами?

– Типа того... Они сказали, не доживешь, мол, до завтрашнего утра... а я так думаю, вчетвером отсидимся.

Игорь представил себе Галину крепость и подумал, что за ее стенами он мог бы укрыть и свое семейство. Почем было знать, насколько опасен был этот чокнутый Живодаров.

– Ладно, Галя, – согласился он. – Я вступаю в твоё ополчение. Но ты не против будешь, если я приду к тебе с Надей?

– А хоть бы и с Надей! Соври ей, с понтом вы в гости идете... Но, Гарик... – тут Галя залпнулся.

– Что? Говори...

– Ты не подумай только, будто я наложил в штаны или типа этого...

6

В комнате Надя встретила его испытующим взглядом:

– Кто звонил?

Он помедлил с ответом.

– А я слышала! – в дверях опять появилась Катя. – Там кто-то кому-то угрожает. Пала, это те самые убийцы?

Игорь нахмурился.

– Вот что, девочки! – решительно объявил он. – Мы с вами немедленно идем в гости. Собирайтесь, и без разговоров.

Надя с Катей переглянулись и молча направились к платяным шкафам. Давно Нефедов не говорил с ними таким мужественно-повелительным тоном.

– Все-таки что случилось? – уже натягивая колготки, осмелилась спросить Надя.

Но Игорь сурово качнул головой:

– Потом все узнаешь.

«Девочки» даже не наложили косметики. Десять минут спустя нефедовское семейство уже выступило из дома. Глава его шел замыкающим и зорко посматривал по сторонам. Игорь напоминал сам себе одного из тех неулыбчивых субъектов, что охраняют значительных персон от предметов, прилетающих из публики. Он и впрямь был готов закрыть своим телом обе эти вверенные ему самой жизнью персоны, но, к счастью, случая не представилось. Нефедовы без происшествий добрались до Галиного замка.

Однако добраться сюда оказалось еще полдела – нужно было попасть внутрь. В этот раз бронированные ворота были плотно задрены, а из-за них доносился лишь тяжкий брех волкодавов. Игорь долго жал на звонок, демонстрируя свою физиономию висящему на стене одноглазому опознающему устройству. Наконец устройство вдруг ожило и перемигнуло лампочками.

– Ура! – воскликнуло оно искаженным Галиным голосом. – Пополнение прибыло! Обождите, братцы, пока Галка собак привяжет.

Несколько минут еще за забором слышались звериные взрыки вперемешку с певучими украинскими ругательствами. В конце концов ворота загудели и немного отъехали, образовав небольшую щель, достаточную лишь для того, чтобы Нефедовы смогли бочком протиснуться на подворье.

– Проходите у хату, – буркнула им Галка, все еще сердитая на собак. – Геть вы, бисово отродье!

Псы рвались из вольера и от злости не лаяли уже, а кашляли, словно простуженные львы.

Зато их хозяин встретил Нефедовых радостно и с некоторым даже лихорадочным энтузиазмом:

– Надюшка! Сколько лет, сколько зим! Молодцы, что зашли на огонек! А это кто с вами?.. Катя?.. Умница, Катя... Ну, ступайте пока с мамкой в залу, живопись посмотрите.

Не давая Наде с Катей опомниться, Галя затолкал их в комнату с картинами, а сам, резко переменявшись в лице, вернулся к Игорю.

– А мы с тобой, Гарик... – объявил он, понизив голос, – мы спустимся сейчас в подвал.

– Пожалуйста. А зачем?

– Не скажу; там увидишь...

Галя повел Нефедова вниз по лестнице и потом еще через какие-то помещения, оплетенные трубами и пахнущие прачечной.

– А здесь у нас сауна, – Галя толкнул одну из дверей. Из темноты потянуло сыростью.

– Ты вздумал попариться? – удивился Игорь.

– Не сейчас, а когда все кончится... Покамест идем сюда...

Он отворил еще одну дверь и ввел Нефедова в помещение, где уже пахло железом и машинным маслом.

– Моя мастерская!

– Вижу.

Посреди мастерской на стульчике сидел Толя Хохол и шомполом сосредоточенно чистил двустволку.

– Толя, привет!

Хохол дунул в ружейный ствол и одним глазом, как в подзорную трубу, посмотрел сквозь него на Нефедова.

– Явился на усиление? – усмехнулся он.

– Так точно, – ответил Нефедов.

– Молодец. Тогда тебя надо вооружить. Вот смотри, выбирай...

На верстаке за спиной у Толи Игорь лишь теперь увидел большой серебристого цвета пистолет и две гранаты.

– Э, нет! – предупредил Галя. – Гранату я тебе не дам. Я дом этот три года строил, а ты мне его в секунду разворишь.

– Тогда из чего выбирать? – Нефедов пожал плечами.

– Волына хвальная, Гарик. Стреляет – в руках не удержишь...

– А нельзя ли... – поежился Игорь, – нельзя ли мне как-нибудь без волыны? Я вот недавно сковородой во-евал, и довольно успешно...

Галя презрительно фыркнул:

– Сковородой ты с Надькой на кухне воюй, а здесь у нас дело серьезное.

Он взял пистолет и вложил Нефедову в руку. Игорь хотел еще что-то сказать, но в этот момент в дверь мастерской постучали.

– Приихав! – услышали они Галкин голос.

– Кто? – спросили товарищи хором. – Кто приихав?

– Ну этот, который... Короче говоря, выходьте!

Сообщение из-за двери привело к моментальной мобилизации. Толя с лязгом расправил двустволку; Нефедов, уже не раздумывая, заткнул пистолет за пояс.

– Все наверх! – скомандовал Галя и, секунду поколебавшись, сунул в карман гранату.

С топотом они взбежали по лестнице в дом и бросились в холл, где у двери висел небольшой экранчик, связанный с уличным одноглазым устройством. Столкнувшись у экранчика лбами, друзья увидели стоящий перед Галиными воротами автомобиль. Возле машины нетерпеливо, словно нуждаясь по-малому, приплясывал Ксенофонов. Время от времени он засматривал в устройство, и тогда весь кадр занимал его нос.

Товарищи облегченно вздохнули. Как и недавно Нефедовым, Галя через микрофон велел Ксенофонову не прыгать и чуточку подождать. Галка-украинка отправилась опять во двор ловить и умирять собак.

7

С одного взгляда заметно было, что Ксенофонов возбужден и чем-то расстроен. Однако первые его слова были обращены к Нефедову.

– Ты вот где, голубчик! – холодно сказал он. – Завтра будешь писать сочинение.

– Какое? – поморщился Игорь.

– Под названием «Как я провел два рабочих дня».

– Пожалуйста, – буркнул Нефедов. – Напишу тебе хоть роман.

– Кстати, о романах, Галя! – Ксюха повернулся к хозяину. – Представляешь, мне после тебя тоже звонили с угрозами. И тоже по поводу какой-то рукописи.

– Да что ты? – удивился Галя. – Откуда она у тебя-то?

– Оттуда, наверное, откуда и у тебя.

– Что-то я не врубаюсь...

Товарищи призадумались.

– А может быть, нет никакого романа? – предположил Толя. – Просто козел этот – псих сумасшедший. Названивает всем подряд...

– Толя прав, – объявил вдруг Нефедов. – Но прав он наполовину.

– Как это?.. Откуда ты знаешь?..

Друзья уставились на него. Из комнаты с картинами выглянули Надя с Катей. Вытирая передником руки, вышла откуда-то украинка Галка. Игорь выступил на середину.

– Я хочу всем сказать... – произнес он значительно, – что рукопись, о которой вы тут судачите, эта рукопись существует. Роман Почечуева «Провозвестие».

– И ты, черт, молчал? – изумился Галя. – И где же она, в натуре?

– У меня в рюкзаке! – вдруг раздался голосок Кати. – Вот, можете посмотреть...

Она сбросила с плеч рюкзачок, без каких не ходят подростки, и достала из него том. Все, кто не видел рукописи, кинулись ее рассматривать.

– Ишь ты... действительно! – восклицали они.

Однако трогать страницы руками Надя никому не позволила.

– Артефакт очень ценный, – пояснила она. – Изучать его могут только специалисты.

Минут через десять, когда вызванный рукописью ажиотаж слегка поутих, присутствующие переместились в комнату с белым диваном. Там, выкатив бар на колесиках, Галя потребовал от Игоря полного отчета: как и почему такой ценный артефакт попал к нему в руки.

Компания, вся поместившаяся на широких диванных подушках, слушала повесть Нефедова, как дети слушают сказку. Сейчас он излагал ее более складно, чем в первый раз, когда исповедовался Наде. Повторение, правда, не добавляло ясности обстоятельствам самой истории, но в голове у Игоря происходило какое-то просветление. В кругу внимающих ему друзей он чувствовал, что его одинокий утомленный мозг как бы соединяется в сеть с шестью другими – свежими, полными нерастраченных умственных сил. Эта беспроводная связь умов продолжилась и даже усилилась по завершении рассказа – в форме общего толковища.

Поначалу присутствующие высказывались одновременно, поэтому понять что-либо в их речах было нелегко. Но потом, как хозяин дома и обладатель самого сильного голоса, председательство взял на себя Галя. Он же и выдвинул свою версию событий, показавшуюся Нефедову самой нелепой из всех возможных.

– Все это устроили немцы! – заявил Галя уверенно. – Они за нашими артефактами еще как гоняются. В натуре, вам говорю!

– Откуда ты знаешь?

– Оттуда... Лично с ними я не якшался, но по искусству дела имел. Лет десять назад... ну, в общем, по профсоюзной линии, хотели мы обложить художников – тех, что матрешки расписывают. И что бы вы думали? Шиш! Матрицы свои тысячные они за копейки сдавали. И знаете, кто скупал? Американцы, вот кто!

– Ну, ты не путай, – заметил Нефедов. – Американцы одно, а немцы совсем другое.

– Такие же иностранцы, – отмахнулся Галя. – Ты с немцами пил и поэтому их защищаешь. Вот помяни мое слово – они и маньяка наняли!

– И Питерского убили, и аспирантку?.. Ты думай, что говоришь. Как слависты могли организовать заговор, если сами только вчера узнали о существовании рукописи?

На этот вопрос Галя ответа не дал, но оставался при своем мнении.

– Не знаю как, но все это они подстроили. С иностранцами шутки плохи... – Он вдруг в сердцах стукнул себя кулаком по колену: – И ведь сколько они этого нашего достояния к себе вывезли – просто немеряно!

– А говорил, газет не читаешь... – усмехнулся Игорь.

– Не читаю и не читал... Но как подумаю про те матрешки, у меня прямо все вскипает!

Игорь вспомнил, как сам бросался со сковородкой на немцев, и примолк.

Обсуждение продолжалось еще довольно долго, но шло уже по затухающей. Оно расшевелило умы, но и только. Сколько-нибудь разумного объяснения всей истории с рукописью товарищи так и не нашли. В итоге коллективный разум постановил: во-первых, во избежание вопросов о трупе в шерстяновской квартире в милицию не обращаться. Во-вторых, держать этой ночью совместную оборону от иностранцев или кого бы то ни было. В-третьих, наутро, как только откроется музей, отвезти туда рукопись под охраной, чтобы Надя ее оприходовала. Галей предложен был и четвертый пункт – выпить как следует «за это самое», но большинством голосов собрание его не приняло.

– Если сидишь на гранате, то лучше быть трезвым, – философски заметил Нефедов.

Пощупав свой брючный карман, Галя пожал плечами:

– По мне, так без разницы...

Солнце между тем клонилось опять к закату. Еще не было надобности в фонарях, но они горели уже по всему участку и раньше времени собирали вокруг себя мошкарку и бабочек. Собаки, до срока выпущенные во двор, валялись, чесались или просто зевали. Засветло набрехавшись, набегавшись и справив не по разу нужду, они не знали теперь, что делать им дальше. Псы были сбиты с толку: за день в хозяйский дом проникло небывалое число чужих, а укусить кого-либо возможности так и не представилось. Собаки не знали, и им нельзя было объяснить, что все эти люди прибыли сюда под их защиту. Те, кто собрался в доме, хозяину и друг другу чужими, конечно, не были – этим вечером по крайней мере.

Из особняка доносился многоголосый гомон и стук столовых приборов, из открытых окон его выплывали клубы табачного дыма. Было никак не похоже, что здесь ждут неприятеля, – разве что время от времени в галерее второго этажа показывался человек с ружьем и зорко оглядывал окрестности. Это был Толя Хохол, взявший на себя обязанности караульщика. На участке и за его пределами было пока все тихо. Глотнув свежего воздуха, Толя возвращался в дом, ставил ружье в угол и садился опять к столу. Этот стол, изготовленный, по Галиному уверению, из редких пород дерева, имел внушительные размеры. Он был построен специально, чтобы ужинать за ним большой компанией, и долго, наверное, ждал, чтобы сегодня, впервые на его столовьем веку, оказаться целиком востребованным. И впервые за этим столом сидела украинка Галка, взятая с хутора. Она распробовала французский коньяк и, позабыв уговор, принятый по части спиртного, наливала себе рюмку за рюмкой. Толю беспокоило, что его жинка с минуты на минуту могла заспывать. Все остальные, однако, если и приняли

рюмку-другую, то исключительно для аппетита. Нефедов и вовсе отказался пить, чем снискал одобрительный Надин взгляд.

Но даже без возлияний собравшиеся за большим столом испытывали дружеское единение. Сильнее, чем алкоголь, их бодрило и сплачивало чувство общей опасности – то древнее чувство внешней угрозы, которое сделало человека существом коллективным.

Правда, их коллектив оставался неполным. С ними не было Шерстяного, чье отсутствие ощущалось, как во рту ощущается нехватка зуба, без которого можно, конечно, говорить и есть, но хуже, чем если бы он был в наличии. Исчезновение Шерстяного беспокоило его товарищей и наводило на мысль, не было ли оно связано с тем, что случилось с аспиранткой из Брянска.

Первым вслух его помянул Галя.

– Где ж эту Шерсть все-таки носит?.. – произнес он, задумчиво ковыряя в зубах мизинцем.

– А шут его знает... – так же задумчиво откликнулся Ксенофонтов. – Думаю, что если он жив, то рано или поздно должен объявиться здесь.

– Почему тебе знать?

– Интуиция...

Возражать ему никто не стал, хотя никакой особенной интуицией Ксюха прежде не славился. Друзья не могли и подумать, что его предсказание сбудется до того еще, как они допьют чай.

9

Входное устройство заиграло тревогу, лишь на мгновение опередив песню украинки Галки. Мужчины вскочили, загремев стульями, и бросились в холл к экранчику.

Первым Шерстяного распознал Игорь.

– Легко на помине... – взволнованно пробормотал он. – Галя, прячь сковородки.

– А?.. Говорю – интуиция! – обрадовался Ксенофонов.

– Он не один, – насторожился Толя.

Действительно, за спиной Шерстяного показалась фигура женщины.

– Еще одна аспирантка? – предположил Ксенофонов. – Много их у него, Гарик?

– Шуточки у тебя, – нахмурился Игорь.

Во дворе зашевелились собаки; они снова почували для себя поживу и, взбредившая, стали подтягиваться к воротам. Однако, наученные сегодняшним опытом, псы по-сматривали на крыльцо: вдруг опять украинка Галка выйдет с говяжьей косточкой и станет заманивать их в вольер. Но повелительница их в эту минуту уже спала в столовой; вместо нее на крыльце показался Толя, а в руках его вместо косточки была двустволка.

– Геть! – крикнул он собакам. – Геть вы, бисово от-родьє!

Собаки понимали только по-украински, а Толя был хоть и хохол, но мовой практически не владел.

– Ходьть... у туды!.. – он повел на вольер стволами.

Псы в ответ угрожающе заворчали.

– Ах вы, так вас!.. – выматерился Толя и, вскинув ружье, бабахнул в вечернее небо.

Собаки присели на свои хвосты и, повизгивая от страха, мигом убрались в вольер.

– О, це дило, – наставительно сказал Толя, задвигая за псами засов.

Путь через двор был свободен, и минуту спустя новые гости уже входили в дом. Все сразу заметили, что Шерсть здорово нервничает. Он уклонился от дружеских объятий, а увидев Нефедова, отшатнулся и схватил за рукав хозяина.

– Галя!.. – взволнованно прошептал он. – Галя, нам надо поговорить...

Тот переглянулся с товарищами.

– Ладно, пошли побазарим...

Они ушли разговаривать в комнату с белым диваном, а интерес общества переключился на шерстяную слутницу. Не представленная впопыхах, она без смущения озиралась и постукивала туфелькой по полу. Нефедов внимательней пригляделся и наконец опознал ее.

– Марыська!.. – воскликнул он. – Друзья, позвольте представить...

Она подала всем желающим ручку. В отличие от Шерстяного Марыська вполне владела собой. Игоря она взяла за пуговицу:

– Мне надо с тобой пошептаться.

Они отошли в сторону.

– Ну, говори... только правду, – потребовала Марыська.

– О чем? – насторожился Нефедов.

– Постарела я, подурнела?

Он поперхнулся.

– Что ты... Точно не подурнела.

Марыська кокетливо наклонила головку.

– Комплимент от убийцы, – сказала она. – Мне даже приятно.

Игорь вздрогнул:

– От какого убийцы?.. Что ты несешь, Марыська?

– Да ты не психуй... – порывшись в сумочке, она достала и сунула в рот сигарету. – Скажи, в этом доме курят?

– Как же не психовать, подумай. Ведь ты меня обвиняешь...

Зажигалка в руке у Игоря никак не хотела гореть. Марыська прикурила сама и, затянувшись, выпустила дым себе в декольте.

– Я тебя вовсе не обвиняю, – сказала она хладнокровно. – Может, оно и к лучшему, что ты эту девку грохнул.

– Да я ее не.... То есть как это? Почему ты говоришь, к лучшему?

– А потому... – лицо ее вдруг озарилось женской застенчивой гордостью. – Потому, что в ту ночь... ну, пока ты никого не убивал... в эту самую ночь я и Шерсть... в общем, мы выяснили отношения.

– Прекрасно! Значит, ты приходила к нему в квартиру?

– Вот и нет! Стану я... – с достоинством возразила Марыська. – Он сам приехал ко мне на такси. Ручки жал, слова говорил такие... даже повторить неудобно. Короче, решили мы с ним сойтись. А эту охотницу, что у него поселилась...

– Ее вы решили убить, – договорил Нефедов.

– С ума ты сошел! Достаточно было выгнать... А ты... Ну, ты даешь!.. – Марыська хихикнула. – Представь, какие у нас были рожки!.. Утром заходим в квартиру, а там кавардак полнейший и на кухне труп... Шерстяного, бедного, до сих пор трясет. Я говорю: «Давай милицию вызовем», а он: «Нельзя, мы заложим Гарика». Я ему: «Что будем делать с трупом?», а он: «Есть у меня друг, бандит, он поможет». – Она снова хихикнула: – Чем, спрашивается, поможет? Лучше бы друг был могильщиком...

По ее тону Нефедов чувствовал, что, несмотря на кошмарное недоразумение с трупом, настроение у Марыськи было скорее приподнятое.

10

Разговор Шерстяного с Галей оказался непродолжительным, но для первого явно духоподъемным. Из комнаты с белым диваном Шерсть уже вышел таким, каким его привыкли видеть товарищи.

– Гарик, прости! – он облапил Нефедова. – Я ведь думал, что ты убийца.

– Стало быть, квиты, – сухо вато ответил Игорь.

Затем Шерстяной приобнял Марыську:

– Нет проблем, старушка! Все будет хорошо...

Парочка взялась за руки. Теперь они оба выглядели такими безмятежными, словно аспирантку уже закопали.

– А по-моему, проблемы есть, – внес диссонанс Нефедов. – Ты, Марыська, сказала, что, когда вы пришли в квартиру, там был полный разгром...

– Конечно! Разгром – не то слово...

– Да! Но с утра ведь разгрома никакого не было. Разве на кухне немного...

Шерсть с Марыськой переглянулись.

– И что это значит?

– А то, что в твоей квартире после меня кто-то был!

– Ага! – сообразил Шерстяной. – Кто-то, кто устроил разгром и кто спер мой мобильник. Мы-то думали, что это ты, Гарик...

– Мобильник?.. – переспросил Нефедов. – Кто-то спер твой мобильник... Ну конечно же! – он хлопнул рукой себя по лбу. – Теперь мне понятно, откуда у них все наши телефоны... Ребята, вы слышали?

«Ребята» стояли рядом, но подробности, о которых шла речь, их не очень-то интересовали. Выяснить, кто устроил разгром и украл шерстяновский мобильник, было сейчас не ко времени. Галя, Толя и Ксенофонтов посматривали с тревогой в окна, за которыми стремительно и неотвратимо темнело вечернее небо.

– Надо погасить свет, – поежился Ксюха. – А то мы как в телевизоре.

– Точно. Будем маскироваться, – согласился Галя.

Толя пошел по комнатам, всюду выключая свет. Все, кто находился в доме, стали для врага невидимы.

С переходом на режим светомаскировки все они, включая женщин, почувствовали, что шутки кончились. Компания вернулась в столовую, но теперь их дружеская вечеринка обернулась томительно-напряженным сидением впотьмах. Кроме славшей на столе украинки Галки, все были предельно насторожены. Сила в столовой собралась большая, но стужалась и ночь. В окнах, подсвеченных со двора, метались быстрые тени – там вокруг фонарей кормились крылатые мыши. Майский жук ударял в стекло, как обессилевшая на излете пуля.

В комнате видимыми оставались только светлячки сигарет. В прокуренном сумраке царило молчание; лишь украинка мерно похрапывала в два такта да Галя катал что-то по столу – то ли стакан, то ли гранату.

От неподвижности и недостатка воздуха Нефедова клонило в сон. «Нужно взбодриться, – подумал он, – иначе свалюсь, как Хохлова жинка».

– Ты куда? – встрепенулась Надя, почувствовав, что он встает.

– Пойду освежусь.

– Будь осторожен...

– За меня не волнуйся, – ответил Нефедов, похлопав себя по поясу. Под рукой его блеснул пистолет.

Он вышел на открытую галерею второго этажа, и тотчас на лицо его словно бы легла освежающая маска. Влажный росистый воздух хлынул в легкие, распирая грудь; от избытка кислорода у Игоря закружилась голова. Дуновения ветерков, то прохладные, то неожиданно теплые, дарили разнообразными ароматами, собранными ими по окрестным дворам. Ароматы эти были Нефедову хорошо знакомы, но сейчас они казались приятными, как никогда. Вживую ночь выглядела черней и ближе, чем через оконные стекла, но страшной она не была.

Пистолет мешал ему, упираясь в перила. Усмехнувшись, Игорь убрал его в брючный карман. Что может случиться в такую ночь? Разве что во дворе подерутся собаки... Сверху он наблюдал за псами, между которыми явно назревала ссора. Двое из них кружили, словно огромные рыбы, и, молча выцеливая противника, неотвратно сближались. Третий пес (возможно, это была сука) поскуливал, ожидая зрелища. Нефедов тоже затаил дыхание... Еще мгновение, другое... и тишину разорвал оглушительный жуткий рыв. Псы сражались остервенело, – вгрызаясь взаимно во что придется, противники драли друг друга, то вскидываясь на дыбы, то в положении лежа, катаясь и выметая шкурами двор. Третий пес или сука, не решаясь принять ничью сторону, суетился вокруг и сзади кусал обоих дерущихся.

Казалось, такое побоище должно было завершиться трагически, но, к удивлению Игоря, кончилось оно неожиданно скоро и без вреда для кого-либо. Просто все три собаки замерли, будто в живой картине, и, повернув в одну сторону свои морды, стали дружно принюхиваться. Что-то их отвлекло... что, Игорь понял с некоторым опозданием, когда вслед за собаками ощутил запах жаренного на углях мяса.

Где-то неподалеку люди затеяли шашлыки. Нефедову сделалось грустно; он осознал, что снаружи, за забором усадьбы-крепости, продолжалось течение жизни. Владельцы частных подворий кушали барбекю; жители многоэтажек пили чай с пастилой и смотрели новости. Новости этим вечером были, наверное, те же, что и всегда. Горожане питались чем бог послал, или уже читали инструкцию к слабительному, или отходили ко сну, или затрагивали перед сном соседа по двуспальной кровати.

Обстоятельства отделили Нефедова от остального человечества. В то время как обыватели прощались

в постелях с мыслями, Игорь должен был с пистолетом в кармане всматриваться в темноту. Но он признавал свою миссию; ведь он был женат на филологе и хорошо понимал, что рукопись Почечуева стоила всех хлопот.

12

– Как ты, дружок? Комары не заели?

Это был Ксенофонт. Он подошел к Нефедову и встал рядом, облокотясь о перила.

– Ночь-то какая! Шашлыком пахнет...

– Да, ничего... – сухо зато ответил Игорь.

Ксюха искоса на него взглянул.

– Ты, вижу, обиделся на меня...

– За что?

– Ну... за то, что я накричал на тебя при всех.

– Ты разве кричал?

– Не помню...

Ксенофонт вздохнул, плюнул с балкона вниз, помолчал в задумчивости...

– Ты, Гарик, не обижайся, я злюсь на тебя от зависти... Нет, правда... Хорошо у тебя все устроено! За эти твои проказы Надя должна была встретить тебя сковородкой... и что же? «Милый, куда ты?»... Противно слушать!

– Меня рукопись выручила.

– Вот и рукопись подвернулась...

– Да она меня чуть не убила.

– Так не убила же! – Ксюха в волнении сотряс перила. – Нет, ты скажи мне, за что она тебя так любит?

– Кто?

– Твоя Надя!.. Почему эти женщины любят одних за так, а других только за их машину?

– Сложный вопрос...

– То-то что сложный... – Ксюха плюнул опять с балкона. – Но какой бы он ни был, решать надо срочно.

– Почему?

– Машине моей кирдык приходит.

– Сочувствую...

Они помолчали.

– Но... как же Леночка? – осторожно поинтересовался Нефедов.

– Какая?.. Ах да! – Лицо Ксенофонтова просветлело. – Хорошо, что ты мне напомнил... Женюсь! Непременно женюсь... если не подведет машина.

– Вот видишь, не все потеряно.

– Думаешь, стоит рискнуть?

– Просто уверен.

– И будет все хорошо?

– Не знаю...

– Зачем же тогда...

– Чтобы тем, кто женат, не завидовать.

– Ты, наверное, прав...

Друзья призадумались.

Потом они обнялись за плечи и так ушли с галереи.

13

В доме все оставалось без перемен. Украинка Галка спала, разметав волосы по столу. В углу шушукались Шерстяной с Марыськой. Остальные гремели чашками, разливая на ощупь остывший чай.

– Как там на границе – тихо? – спросил Галя вошедших.

– Тихо, – доложил Нефедов. – Твои соседи шашлыки жарят.

– Ничего, – Галя пристукнул кулаком. – Будет и на нашей улице праздник.

Игорь помялся.

– Вы извините, братцы... – пробормотал он, смущаясь. – Что-то мне спать очень хочется. Галя, можно я где-нибудь у тебя прилягу?

– Дезертир! – осуждающе прогудел хозяин. – Ладно, сдай оружие Шерстяному и вали на диван.

– Где муж, там и я, – объявила Надя.

Пожелав остающимся спокойной ночи, Нефедов с Нефедовой пошли вниз, в комнату с белым диваном. После некоторых блужданий по темному дому они разыскали и комнату, и диван, а на диване они нашли свою спящую дочь. Катя лежала клубочком, под голову подложив рюкзачок с «Провозвестием».

– Бросили нашу девочку, – покаянно прошептала Надя.

Она скинула тихонько туфли и осторожно легла с Катей, обернув ее своим телом. Потоптавшись немного, Нефедов опустился на свободную часть дивана и попробовал тоже прилечь.

– Тише! Ворочаешься, как слон...

Конечно, слова эти Надя пробормотала бездумно. Это просто была дежурная фраза, одна из тех, какими супруги обмениваются перед сном. Произнесенные слабеющими устами, они заменяют формальное пожелание спокойной ночи.

Но было бы странным и, наверное, даже неправильным, если бы Игорь в ту ночь мог спать спокойно. Ведь на диван и вот эти семейные нежности он променял боевое братство. Пусть Нефедов не верил в ночное нападение Живодарова или тем более немцев, но он бросил товарищей, выбыл из действующих рядов... Катя, брыкнувшись, вздохнула прерывисто, и то же за ней повторила Надя. Обе были давно во власти женских своих сновидений, а он даже на краю забытья все еще рядился со своей совестью.

В наступившей иной действительности спор этот Игоря с самим собой поначалу продолжился, но скоро был

прерван выстрелами и криками. Нефедов вскочил с дивана и с пистолетом в руке выбежал на галерею. Там все уже было окутано пороховым дымом. Толя Хохол с колена раз за разом палил в темноту, а Галя туда же швырял гранаты, которые слабо хлопали, разбрасывая искры.

– Отсырели, проклятые! – прокричал он, обернувшись к Нефедову.

– Что происходит? – спросил Игорь тревожно. – Почему не горят фонари?

– Они взорвали подстанцию, – пояснила Марыська, вывернувшаяся откуда-то с лицом, изукрашенным маскировочным гримом.

– Кто – они?

– Будто бы сам не знаешь!

Всмотревшись в направлении выстрелов, Нефедов сумел разглядеть неясные перебегающие тени – это не были Галины псы. «Значит... – мелькнула догадка, – значит, собаки уже мертвы!» Игорю сделалось жутко.

– Ты будешь стрелять или нет?! – Марыська в отчаянии дергала его за рукав.

– Буду! – заорал Нефедов, вскидывая пистолет. – Буду!.. Буду!.. Буду!..

14

– Папа ворочается, как слон!

– И кричит: «Буду, буду!»

– Пощекочи его хорошенько...

Надя и Катя тыкали его пальчиками под ребра, и даже с некоторым ожесточением. На самом деле спать им помешал не Игорь, а украинка Галка. Это она, похмельно вздыхая, с тряпкой в руке перемещалась по комнате тяжелым крестьянским шагом. Кажется, Галка обозначала какую-то хозяйственную деятельность: с од-

них предметов она вытирала пыль, другие переставляла с места на место. Споткнувшись о бар на колесиках, Галка едва на него не села. Бар загремел всем своим содержимым, украинка испуганно выбранилась – и тогда то Надя с Катей проснулись.

Больше Игоря щекотать не требовалось.

– Привет! – пропел он, потягиваясь. – Мне тут такое снилось...

Надя и Катя хлопали на него размазанными глазами.

– Доброго ранку, – буркнула украинка и, застеснявшись чего-то, опять чуть не села на бар.

– Галка! И ты здесь... А где остальной народ?

– Сплять уси...

Совсем смешавшись, Галка с топотом вышла из комнаты.

Однако она ошибалась – в разных углах дома «народ» подавал уже признаки жизни.

– Баба, где ты?.. Мы есть хотим! – баритонил откуда-то Галя.

– Тяпнула вчера баба, – отвечал ему Толин голос. – Ты сам ей коньяк наливал.

– Эй, Галка! – соединившись, заорали вдруг оба голоса. – Ползаешь с утра, как муха!

Призывы эти возымели действие: некоторое время спустя в доме запахло кофе и чем-то жареным.

Пошатываясь со сна и зевая, вчерашние боевые товарищи снова сбредались в столовую. Ночь прошла без потерь; Шерсть с Марыськой, Нефедовы, хохлы и хозяин дома – к завтраку гарнизон явился в полном составе. Видок у всех – с неуложенными головами, с помятыми лицами – был непарадный. Но зато с их лиц исчезло тревожное выражение – друзья заспали свои ночные страхи и смотрели с утра умеренными оптимистами. На завтрак была яичница. В окнах столовой играло солнышко и поглядывало, как украинка Галка выкладывает на тарелки его ярко-желтых деток.

Накануне все, кроме Толиной жинки, проявили сдержанность по части спиртного. Поэтому, чтобы почувствовать бодрую ясность мысли, им хватило с утра выпить по чашечке кофе. Без пустопорожнего галдежа в деловом ключе товарищи обсудили свои дальнейшие планы. Все понимали, что наступило время переходить от обороны к активным действиям. Рукопись Почечуева любой ценой надлежало доставить в музей и сдать под охрану государства.

– Не об чем больше базарить, – объявил Галя. – Хватаем наш артефакт, и айда на прорыв!

– Только все вместе, – уточнил Хохол, – чтобы, значит, толпой.

– Правильно, – подхватил Ксюха. – Дунем на двух машинах.

– И пусть эти немцы догадываются, в которой машине рукопись!

15

Сборы были недолгими, но с небольшой заминкой. Надя потребовала, чтобы мужчины оставили дома оружие.

– С гранатой в музей вас не пустят, – твердо сказала она. – Я не пуцу.

В ней чем дальше, тем больше сказывался главный хранитель. Рюкзачок с почечуевской рукописью она сняла с Кати и надела себе на плечи.

Когда наконец все уселись в машины, Галка нажатием тайной кнопки откатила ворота. Напутствуемый собачьим лаем, кортеж выкатился на улицу... и, что называется, взял с места в карьер. Скорость должна была обеспечивать безопасность, но сама по себе пугала, особенно Надю с Катей. Темп задавал головной Ксюхин спортив-

ный автомобиль. Несмотря на грозящий ему «кирдык», он бежал очень резво, хотя сильно дымил на ходу и слишком болтал глушителем. Но, к счастью, весь путь в Почечуево они проделали без происшествий. Минут через десять отчаянной гонки обе машины припарковались у входа рядом с музейским служебным автобусом.

Пазик был еще теплый. Пятью минутами раньше он привез сотрудников, самые интеллигентные из которых еще расшаркивались у калитки, соревнуясь в учтивости. Одним из последних входил и Кронфельд, но не от избытка вежливости, а по причине обыкновенной старческой медлительности. Он вообще везде и всюду давно привык быть последним, а потому очень удивился, когда сзади на него налетели какие-то люди и буквально втолкнули его в калитку.

– Что происходит? – Кронфельд взвизгнул, как от щекотки (с возрастом голос его стал тоньше).

Он обернулся, готовый к отпору... но сразу же успокоился – в компании неизвестных Кронфельд увидел Нефедову.

– Вы-то мне и нужны, – сказала она. – По очень важному делу.

Надя взяла его под руку и направила на дорожку, ведущую к фондохранилищу.

– Какие с утра дела ... – недоуменно бормотал Кронфельд. – Я даже не пил еще чай.

Правду сказать, к нему давно уже не обращались по делу – ни до чая, ни после. В месяц раз дремал он на ученом совете, но и там в нем не было никакой надобности. Сейчас ему в голову приходило единственное, хотя и нелепое, предположение: Нефедова, решил он, где-то всю ночь гуляла. В компании посторонних господ она явилась, чтобы продолжить «банкет» на рабочем месте, а его, Кронфельда, намеревается угостить. Если «дело» было такого рода, то он, конечно, не возражал.

Мысль о том, что ему удастся сэкономить собственные бутерброды, грела Кронфельда вплоть до того момента, когда в кабинете хранителя вместо вина и снэди на стол легла толстая книга.

– Что это? – разочарованно спросил Кронфельд.

– «Провозвестие» Почечуева! – торжественно объявила Нефедова. – Автограф. Подлинник.

– Вы пьяны? – он улыбнулся растерянно.

– Откройте и убедитесь сами.

Шли секунды, закуска не появлялась, Кронфельд заволновался всерьез. Он беспокойно озирался на обступивших его людей, а те понуждали его уже на несколько голосов:

– Раскройте же рукописи!.. Убедитесь!..

Кронфельд попробовал возмутиться:

– Что за комедию вы ломаете?.. Надежда Николаевна, вам не к лицу эти шутки!

– Вы только взгляните, чего вам стоит, – она протягивала ему рукопись.

Его охватила паника.

– Пустите меня! – взвизгнул Кронфельд и рванулся к выходу, но путь ему преградили:

– Струсили, господин ученый?

Кронфельд охнул и сник. Дрожащей рукой он схватился за грудь.

– Ему плохо? – испугался Нефедов.

– Нет, у него там очки... – прошептала Надя.

Кронфельда чуть не силой усадили за стол и раскрыли перед ним рукопись.

– Чушь, чушь и чушь!.. – бормотал он, не попадая за ухо дужкой очков. – Нет никакого «Провозвестия» и не может быть...

Старик упрямо еще несколько раз повторил свое «не может быть», но взгляд его, опытный взгляд текстолога, уже говорил другое... Вчитываясь в чернильные поли-

нялые строки, он склонялся все ниже... Окружающие примолкли. Из них только Надя знала, что как ученый Кронфельд в эти минуты переживает трагедию, но остальные, казалось, тоже о чем-то догадывались.

Прошло много времени, прежде чем Кронфельд оторвался наконец от рукописи. Он поднял лицо; в глазах его блеснули слезы, выступившие от напряженного чтения.

– Что же мне делать, коллега? – с печалью он обратился к Нефедовой. – Советуете пойти повеситься?

Чтобы скрыть свою жалость к нему, она сдвинула брови:

– Это было бы сейчас некстати... Вы же должны понимать – в музей поступила новая единица хранения. Кто в Почечуеве, кроме вас, даст научное описание и предварительный комментарий?

– Что-то я не врубаюсь! – не выдержав, перебил ее Галя. – Мы такой артефакт притаранили, а дедуля почему-то в трауре...

– Молчи, – ткнул его в бок Нефедов.

– Где вам понять, молодой человек... – Кронфельд горестно усмехнулся. – Я сорок лет – сорок лет! – доказывал, что этой рукописи не существует.

– И доказал?

– Неопровержимо...

– Значит, ума палата! – рассмеялся Галя.

За ним и другие повеселели. Все принялись уговаривать Кронфельда пока не вешаться, но послужить напоследок науке. Он и сам понемногу начинал приходить в себя. Несмотря на случившееся потрясение, а может быть, благодаря ему в старом ученом проснулся бездействовавший много лет исследовательский инстинкт. Он снял и тщательно, как оружие, стал протирать очки.

– Подлинность этой рукописи надо, конечно, проверить... Но могу я узнать, господа, как она к вам попала? Каков был контекст обретения?

В кабинете повисла пауза; друзья переглядывались.

– Нет, – за всех ответила Надя. – Контекст обретения мы опустим.

– Позвольте, но как же вы будете ее регистрировать?

– Как дар неизвестного, – твердо сказала она.

Нефедов чуть слышно вздохнул.

16

Обряд регистрации «Провозвестия» был предварительным и совершался недолго. Главное было определить рукопись под охрану государства, и это, важнейшее, Надя сделала. Дар неизвестного, а с ним вместе и Кронфельда (хватало бы старику здоровья) ожидали впереди экспертизы, неоднократные ученые советы, чтения и презентации.

А над могилой писателя Почечуева в то утро зацвел до срока черемуховый куст. Другое небольшое совпадение произошло, когда компания неизвестных дарителей уже покинула фондохранилище, – на усадебной почечуевской церкви сам собой ударил вдруг колокол. Может быть, колокол раскачал ветер, или ворона, балуясь, дернула его за язык, но этот нечаянный благовест всем показался весьма уместным. В эту минуту друзья, наверное, не удивились бы, если бы им навстречу вышел вдруг сам вставший из гроба классик. Всем стало бы только радостно, и, взявши «дедулю» под локотки, они повлекли бы его с собой – обмывать удачное завершение дела.

Но дело, как оказалось, было еще не кончено.

Веселой гурьбой направляясь к выходу из усадьбы, товарищи вдруг увидели бегущего к ним человека с развевающейся бородой. О, это был не призрак писателя Почечуева!

– Берегись, ребята! – закричал Шерстяной. – На нас идет Живодаров!

В ту же секунду подскочивший безумец сгреб его за грудки.

– Отдавай мою рукопись!.. – страшным голосом закричал он.

Быстрее всех на его нападение среагировала Марыська. Защищая возлюбленного, она с визгом вспрыгнула Живодарову на спину. Тот попробовал ее стряхнуть, повернулся и... оказался лицом к лицу с Галей. Больше он ничего не видел.

Это было и все сражение. Кто-то из утренних посетителей лишь покосился, проходя мимо. Почечуевские менты, те, конечно, и вовсе ничего не заметили, потому что еще чаевничали у себя в кандейке.

Нокаутированного психа кто-то придумал спрятать внутри мемориального дуба, – его обмякшее тело затолкали в дупло. Напоследок Галя хотел допросить Живодарова по поводу сковороды и немцев, но тот на шлепки по щекам и расспросы только мычал, выкатывая белки глаз, и пускал себе в бороду кровавые пузыри.

– Если хотел с ним поговорить, то не бил бы его так сильно, – заметила Марыська резонно.

Поняв, что ничего вразумительного из Живодарова ему не вытрясти, Гале пришлось отступить.

Но помимо расследования немецкого заговора у товарищей впереди было много других забот – радостных и не очень. Они знали, что вскоре им неминуемо предстояло большое обмытие всего случившегося. А еще – о чем не хотелось думать – на шерстяновской кухне их дождался труп. Вряд ли он в самом деле принадлежал аспирантке из Брянска, но это было уже неважно, потому что час от часу с ним происходили метаморфозы, которые происходят с любыми трупами.

ЭПИЛОГ

Когда в наших краях кончается весна и наступает лето? Этого никто не знает точно. Синоптики говорят одно, народные приметы другое, а собственные наши глаза третье. Раньше летом у нас считался тот краткий отрезок года, когда бабы могли без крика войти в речку для омовения ног. Теперь какое там омовение – давно уже в нашу речку не то что баба, а и пьяный мужик не сунется. И вовсе не оттого, что вода в ней студена, а по причине дурной экологии. Наверное, с речкой сообщается как-то секретное красное озерцо, напряженное позади химзавода. Про озерцо знают местные токсикоманы – они сидят на его берегах часами и без удочки ловят кайф. Этим немногим оригиналам большая химия дарит главную в жизни радость, но остальным горожанам просто обеспечивает жизнь. Правда, жизнь наша утратила все приметы, и потому горожанам трудно чувствовать тонкую грань, разделяющую сезоны года.

А может быть, ее больше и нет, этой разделяющей грани. Черемуха у нас теперь распускается, когда хочет; котята рождаются то в июне, то в мае. Дизель стал в пятнадцатый раз отцом – не объявлять же по такому случаю наступление лета. Зато мы получили свободу выбора,

нынче каждый решает сам: если в душе у кого весна, тому и кругом весна, если лето – тоже приемлемо. Лето – время прогресса, за летние месяцы кто-то древесный вырастет на вершок, кто-то животный нагуляет бока, а умный делается разумным.

«Лето так лето, лишь бы не хуже...» – так приблизительно думал Нефедов, вышагивая по городу. Пусть тополиная зелень уже не блестела ярко, пусть недокошенные одуванчики в большинстве своем облетели – все это было не так уж важно. Природа вступала в период роста; она совершала рабочий ход, важнейший из четырех своих тактов.

Некоторые перемены, связанные с циклическим ходом времени, коснулись и завода. Свежим, немного ревнивым глазом прогульщика Нефедов замечал поновления, сделанные в его отсутствие. К примеру, над проходной и некоторыми другими зданиями были вывешены флаги России. Яркие триколоры на темных бугристых стенах цехов напоминали те неожиданные победы, что появляются вдруг на старых и мертвых по виду пнях.

Заводская доска почета оставалась без изменений, зато на другой, «позорной» доске появились новые лица. В частности, рядом с фамилией самого Нефедова красовался его портрет. Теперь уже с полным правом фотография удостоверяла его принадлежность к многомиллионной армии нарушителей трудовой дисциплины. Игорь на ней был совсем молоденький; он глядел с доски улыбаясь, словно всматриваясь в свое будущее.

«Славное фото, – подумал Нефедов. – Где, интересно, они его взяли?»

Но спросить было не у кого, потому что никто не имел понятия, кто был таинственный жрец, служивший при обеих досках.

Литературно-художественное издание

Зайончковский Олег Викторович

ЗАГУЛ

Роман

*Редактор Е.Д. Шубина
Выпускающий Т.С. Королева
Технический редактор Т.П. Тимошина
Корректоры М.И. Уланова
Компьютерная верстка Е.М. Илюшиной*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
141100, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96

Электронный адрес:
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.

Шорт-лист премии «БОЛЬШАЯ КНИГА»

Олег Зайончковский **СЧАСТЬЕ ВОЗМОЖНО**

Роман нашего времени

Герой романа — писатель. Сочинитель чужих судеб, он даже не пытается распутать свою, с поистине буддистским спокойствием наблюдая, как его жена уходит к другому, из тех, кто «круче». Негаданно-нечаянно любовный треугольник приобретает странные очертания и победителем оказывается... брошенный муж.

«Зайончковский безусловно национальный автор, с особенным отечественным строем ума, выражающимся и в философствованиях, напоминающих Гоголя и Пелевина».

Лев Данилкин

«Автор имеет редкий дар. Он способен разглядеть в микрочастице космос, и это придает его произведениям размах...»

Майя Кучерская

Олег Зайончковский – автор романов «Сергеев и городок» (шорт-лист премий «Русский Букер» и «Национальный бестселлер»), «Петрович», «Счастье возможно» (шорт-лист премий «Русский Букер» и «Большая книга»). Персонажи Зайончковского – простаки и плуты одновременно – вызывают неизменную симпатию и читателей, и критиков.

Герой романа – Нефедов, отменный муж и семьянин, поссорившись с женой, уходит из дома, то есть в загул.

Не вполне трезвый, выбитый из привычной колеи, он против собственной воли становится главным действующим лицом необыкновенных приключений, связанных с пропавшей рукописью знаменитого русского писателя Почечуева.

Нефедов не только спасает для Отечества культурную ценность, но и сам возвращается в лоно семьи.

«Олег Зайончковский приобщает нас к самой лучшей, самой живой интонации русской классической прозы.

И отнюдь не в музейно-стилизационном формате, безо всяких «батенок» и «помилуйте».

Мы вроде как сидим на веранде, пьем чай,

беседуем и никуда

При этом не дуем на блюда

Просто: достойно пьем чай с
не как прадеды, а как мы с

Леонид Ко

интернет-магазин
OZON.RU

1002198375

ISBN 978-5-17-071034-8

9 785170 710348

www.elkniga.ru